

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовиук П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалиук И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і найноўшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Арменія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	KONDRAL A. A. , PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 7.049.2(476)

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В БССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучается проведение кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом во второй половине 1980-х гг. в БССР. Отмечается, что употребление спиртных напитков являлось серьезной проблемой для белорусского общества, наносило вред здоровью населения. Рассматриваются законодательные инициативы и практические действия партии и правительства по ограничению самогонварения и государственного оборота алкоголя. Анализируется деятельность Белорусского республиканского добровольного общества борьбы за трезвость, которое прилагало усилия по борьбе с пьянством и внедрению трезвого образа жизни. Указывается, что государственная антиалкогольная политика была противоречивой и не имела существенных положительных результатов. Введенные ограничения вызвали появление очередей в магазинах, потребление суррогатов алкоголя и рост самогонварения.

Ключевые слова: БССР; перестройка; государственная политика; антиалкогольная кампания; пьянство; самогонварение.

Образец цитирования:

Гужалоўскі АА. Антыалкагольная кампанія ў БССР другой паловы 1980-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2025;3:5–15.
EDN: XZAKNT

For citation:

Huzhalouski AA. Anti-alcohol campaign in the Soviet Belarus in the second half of the 1980s. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;3:5–15. Belarusian.
EDN: XZAKNT

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9743-8724>

АНТЫАЛКАГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ Ў БССР ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 1980-х гг.

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Вывучаецца правядзенне кампаніі па барацьбе з п'янствам і алкагалізмам у другой палове 1980-х гг. у БССР. Адзначаецца, што спажыванне спіртных напояў з'яўлялася сур'ёзнай праблемай для беларускага грамадства, наносіла шкоду здароўю насельніцтва. Разглядаюцца заканадаўчыя ініцыятывы і практычныя дзеянні партыі і ўрада па абмежаванні самага наварэння і дзяржаўнага абароту алкаголю. Аналізуецца дзейнасць Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць, якое прыкладала намаганні па барацьбе з п'янствам і ўкараненні цвярозага ладу жыцця. Указваецца, што дзяржаўная антыалкагольная палітыка была супярэчлівай і не мела значных станоўчых вынікаў. Уведзеныя абмежаванні выклікалі з'яўленне чэрг у крамах, ужыванне сурагатаў алкаголю і рост самага наварэння.

Ключавыя словы: БССР; перабудова; дзяржаўная палітыка; антыалкагольная кампанія; п'янства; самага наварэнне.

ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN IN THE SOVIET BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 1980s

A. A. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the campaign against drunkenness and alcoholism in the second half of the 1980s in the Soviet Belarus. It notes that alcohol consumption was a serious problem for Belarusian society and was harmful to public health. Legislative initiatives and practical actions taken by the party and the government to restrict moonshining and the state circulation of alcohol are examined. The activities of the Belarusian Republican Voluntary Society for the Fight for Sobriety, which made efforts to combat drunkenness and promote a sober lifestyle, are analysed. It is pointed out that the state's anti-alcohol policy was contradictory and did not have any significant positive results. The restrictions introduced led to queues in shops, the consumption of alcohol substitutes and an increase in moonshining.

Keywords: Soviet Belarus; perestroika; state policy; anti-alcohol campaign; drunkenness; moonshining.

Уводзіны

У СССР антыалкагольная кампанія праводзілася неаднаразова: у 1920-х, 1950-х і 1970-х гг. Іх арганізатары выкарыстоўвалі стандартныя метады. Яны абмяжоўвалі выраб алкагольных напояў, уздымалі іх кошт, забаранялі продаж гарэлкі паблізу ўстаноў адукацыі, прамысловых прадпрыемстваў і вакзалаў, а таксама вялі барацьбу за цвярозы лад жыцця і перавыхоўвалі п'яніц. Аднак усе кампаніі заканчваліся прыкладна аднолькава. Агітацыя цвярозасці зводзілася да сумных рытуальна-сімвалічных абмеркаванняў п'яніц на партыйных сходах. Расла падпольная вытворчасць самагону. Паклоннікі Бахуса перамяшчаліся з рэстаранаў, кафэ і буфетаў у двары, паркі і скверы. Акрамя таго, антыалкагольная кампанія наносіла шкоду эканоміцы, бо алкагольны артыкул даходаў у бюджэце СССР заўсёды быў адным з буйнейшых. У выніку дзяржава адмяняла забароны, а продаж спіртнога аднавілі яшчэ ў большым аб'ёме.

Антыалкагольная кампанія другой паловы 1980-х гг. з'яўляецца слаба вывучаным сюжэтам гістарыяграфіі гарбачоўскай перабудовы ў БССР. Сярод прац беларускіх гісторыкаў, якія даследавалі гэту праблему,

трэба згадаць артыкул М. Б. Несцяровіча, у якім закрануты асобныя аспекты змагання з п'янствам у рэспубліцы падчас перабудовы [1]. А. Р. Баброва разгледзела дэмаграфічныя аспекты правядзення гарбачоўскай антыалкагольнай кампаніі [2]. Новыя звесткі пра барацьбітоў за цвярозы лад жыцця ў другой палове 1980-х гг. змешчаны ў публікацыі Л. М. Крываноса [3]. Такім чынам, антыалкагольная кампанія ў БССР другой паловы 1980-х гг. пакуль не з'яўлялася аб'ектам самастойнага комплекснага вывучэння ў айчынай гістарыяграфіі.

Мэта даследавання – вызначэнне напрамкаў, характара і вынікаў барацьбы з п'янствам і алкагалізмам, якая ажыццяўлялася кіраўніцтвам БССР і Беларускай рэспубліканскай добраахвотнай таварыствам барацьбы за цвярозасць у другой палове 1980-х гг. Для рэалізацыі пастаўленай мэты неабходна вырашыць наступныя задачы: разгледзець прычыны, ход і сэнсавую накіраванасць антыалкагольнай кампаніі, прааналізаваць формы і метады, якія ўжываліся ў барацьбе з п'янствам, а таксама вызначыць прычыны згортвання антыалкагольнай кампаніі.

«Полусухі» закон

Да канца перыяду развітога сацыялізму спажыванне алкагольных напояў у СССР дасягнула рэкорднага за ўсю гісторыю краіны ўзроўню. Сярэднестатыстычны дарослы мужчына выпіваў каля 100 бутэлек гарэлкі за год. Астатні алкаголь ужываўся ў выглядзе самагону, віна ці піва. Пашырыўся жаночы і падлеткавы алкагалізм. За год у медыцынскія выцвярэннікі трапілі каля 9 млн чалавек. Штогод 1,5 млн савецкіх людзей паміралі з прычыны злоўжывання спіртнымі напоямі.

Для насельніцтва БССР праблема алкагалізацыі з'яўлялася настолькі ж балючай, як і для ўсяго савецкага грамадства. Паводле дадзеных Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў СССР, у 1984 г. па паказчыку ўжывання абсалютнага алкаголю на душу насельніцтва гэта дзяржава займала сярод другіх савецкіх рэспублік чацвёртае месца: у Эстонскай ССР аб'ём выпітых спіртных напояў склаў 11,59 л; у Літоўскай ССР – 11,01; у Латвійскай ССР – 10,52; у БССР – 9,79; у РСФСР – 8,36; у Казахскай ССР – 7,79; ва Украінскай ССР – 6,20; у Кіргізскай ССР – 5,89; у Малдаўскай ССР – 5,68; у Армянскай ССР – 4,31; у Туркменскай ССР – 3,96; у Грузінскай ССР – 3,87; ва Узбекскай ССР – 3,59; у Таджыкскай ССР – 2,34; у Азербайджанскай ССР – 2,29 л¹.

У партыйнае кіраўніцтва, урад, сродкі масавай інфармацыі ішоў патак лістоў грамадзян з патрабаваннем прыняць тэрміновыя меры супраць распаўсюджвання алкаголю. Непакой выклікалі не толькі абсалютныя лічбы выпітага савецкімі людзьмі спіртнога, але і дынаміка названага працэсу, якая мела выразную тэндэнцыю да павелічэння. У 1975–1984 гг. у БССР спажыванне абсалютнага алкаголю на душу насельніцтва ўзрасло на 1,2 л. Неабходна адзначыць, што ў 1981–1985 гг. колькасць хворых, якія знаходзіліся на ўліку ў наркалагічных дыспансерах і аддзяленнях бальніц рэспублікі, павялічвалася ў сярэднім на 11,6 тыс. чалавек за год і ў канцы дадзенага перыяду склала 182,9 тыс. чалавек. Калі ў 1976 г. у БССР было 63 установы для лячэння хворых на алкагалізм, то ў 1985 г. налічвалася 203 такія ўстановы. Адпаведна, на працягу 1981–1985 гг. колькасць лекараў-нарколагаў у рэспубліцы павялічылася на 111 чалавек (амаль у два разы)².

Менш чым праз месяц пасля выбарання на пасаду генеральнага сакратара ЦК КПСС М. С. Гарбачова,

а менавіта 5 красавіка 1985 г., адбылося пасяджэнне Палітбюро ЦК КПСС, на якім большасцю галасоў былі падтрыманы прапановы па ўдасканаленні заканадаўства, накіраванага на барацьбу з п'янствам. Так, 7 мая 1985 г. выйшла складзеная камісіяй пад кіраўніцтвам М. С. Саломенцава шырокавядомая пастанова ЦК КПСС «Аб мерах па пераадоленні п'янства і алкагалізму». У той жа дзень была зацверджана пастанова Савета Міністраў СССР «Аб мерах па пераадоленні п'янства і алкагалізму, выкараненні самаганаварэння». Старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР падпісаў адпаведны ўказ 16 мая 1985 г. На наступны дзень названыя вышэй дырэктыўныя дакументы былі апублікаваны ва ўсесаюзнай газеце «Правда»³. Іх прадубліравалі ЦК КПБ, Савет Міністраў БССР і Вярхоўны Савет БССР 23 жніўня, 7 чэрвеня і 20 мая 1985 г. адпаведна⁴. Пастановамі і ўказамі загадвалася скараціць вытворчасць усіх відаў алкагольнай прадукцыі, зменшыць колькасць кропак продажу алкаголю, абмежаваць час яго набыцця (з 14:00 да 19:00 асобам старэйшым за 21 год), весці жорсткую барацьбу з самаганаварэннем, строга забараніць спажыванне алкаголю ў грамадскіх месцах, а таксама актывізаваць працу выцвярэннікаў, лячэбна-працоўных прафілакторыяў (ЛПП) і наркалагічнай службы. Падчас правядзення кампаніі гэтыя захады былі дапоўнены павышэннем цэн на алкаголь і ўвядзеннем картачнай сістэмы на яго продаж. Акрамя таго, была ажыццёўлена выхаваўчая работа з насельніцтвам, у ходзе якой выкарыстоўвалася інфармацыя пра шкоду спіртнога і карысць цвярозасці.

У СССР антыалкагольная кампанія пачалася 1 чэрвеня 1985 г. Яе каардынацый у маштабах краіны займаўся адзін з ініцыятараў чарговай спробы выкаранення п'янства і алкагалізму сакратар ЦК КПСС па ідэалогіі Я. К. Лігачоў. У Мінску падобныя абавязкі былі даручаны сакратару ЦК КПБ па ідэалогіі Г. Г. Барташэвічу, які неадкладна прыняў да выканання новыя дырэктывы маскоўскага кіраўніцтва. Уся арганізацыйна-тэхнічная праца па ажыццяўленні партыйна-ўрадавых антыалкагольных пастановаў была ўскладзена на Камісію па барацьбе з п'янствам пры Савеце Міністраў БССР⁵ на чале з намеснікам старшыні гэтага савета К. З. Церахам⁶. Яе пастановы былі абавязковымі для рэалізацыі ўсімі міністэрствамі,

¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1935. Арк. 97.

²Там жа. Спр. 608. Арк. 9–14.

³Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» // Правда. 1985. 17 мая. С. 1; Постановление Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самоганаварения» // Там же. С. 2; Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» // Там же.

⁴Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР «Аб мерах па ўзмацненні барацьбы супраць п'янства і алкагалізму, выкараненні самаганаварэння» // Збор законаў БССР, указаў Прэзідыума Вярхоўн. Савета БССР, пастановаў Савета Міністраў БССР. 1985. № 15. С. 231–238.

⁵Камісія па барацьбе з п'янствам створана Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 3 лістапада 1972 г. «Аб зацвярджэнні Палажэння аб камісіях па барацьбе з п'янствам».

⁶У 1987 г. К. З. Цераха на гэтай пасадзе змяніў намеснік старшыні Савета Міністраў БССР М. А. Макаед.

ведомствамі, а таксама выканкамамі мясцовых саветаў⁷. Вярхоўны Савет БССР зацвердзіў Палажэнне аб камісіях па барацьбе з п'янствам, утвараемых на прадпрыемствах, ва ўстановах, арганізацыях і іх структурных падраздзяленнях 14 лістапада 1985 г.⁸

Камісія па барацьбе з п'янствам пры Савеце Міністраў БССР распачала дзейнасць з узмацнення жорсткасці прававога ўздзеяння на аматараў алкагольных напояў. Так, калі ў маі 1985 г. органы ўнутраных спраў БССР выявілі 37,103 тыс. парушальнікаў антыалкагольнага заканадаўства, то ў чэрвені гэтага года – 46,785 тыс. чалавек. Большасць людзей, а менавіта 67 % чалавек, былі затрыманы за з'яўленне ў грамадскіх месцах у нецвярозым выглядзе, 8 % чалавек – за распіванне спіртнога ў неналежах месцах, 25 % чалавек – за дробнае хуліганства ў п'яным выглядзе, спекуляцыю алкаголем і самаганаварэнне. У чэрвені 1985 г. сума накладзеных штрафаў за гэтыя парушэнні раўнялася 511,7 тыс. руб. Быў узмоцнены кантроль за кіроўцамі транспартных сродкаў, у выніку чаго ў чэрвені таго ж года колькасць дарожна-транспартных здарэнняў, здзейсненых па віне п'яных кіроўцаў, скарацілася на 32,9 %. Беларускае міліцыя, з якой за лета 1985 г. звольнілі за п'янства больш за 100 чалавек, пільна сачыла за выкананнем правіл гандлю спіртнымі напоямі⁹.

У рэспубліцы былі закрыты шмат крам, якія прадавалі лікёра-гарэлачную прадукцыю. Да сярэдзіны 1985 г. колькасць такіх крам, падпарадкаваных Міністэрству гандлю БССР, скарацілася на 54,4 %, а колькасць крам, падпарадкаваных Беларускаму рэспубліканскаму саюзу спажывецкіх таварыстваў, – на 69,9 %¹⁰. Варта адзначыць, што да сярэдзіны 1986 г. у 25 тыс. населеных пунктаў БССР увогуле не гандлявалі спіртным¹¹. Кошт гарэлкі прыкметна павялічыўся: калі да пачатку кампаніі бутэляка папулярнай «андропаўкі» каштавала 4 руб. 70 кап., то са жніўня 1986 г. найтаннейшая гарэлка абыходзілася ўжо ў 9 руб. 10 кап., а «андропаўка» знікла з прылаўкаў. Адпускарлі па 1 бутэляцы на чалавека. На вяселле ці памінкі можна было ўзяць 10 бутэлек, але трэба было паказаць адпаведныя дакументы.

Гарэлка ўзбагаціла спіс вострадафіцытных тавараў, яе неабходна было даставаць. Чэргі ў вінна-гарэлачныя крамы білі абсалютныя рэкорды: людзі займалі месцы за некалькі гадзін да адкрыцця. Падчас працы каля вінна-гарэлачных крам дзяжурныя супрацоўнікі міліцыі, іншы раз з-за цісканіны пацярпелым даводзілася выклікаць хуткую дапамогу. Для пабудовы чаргі і яе абароны ад пранікнення

асабліва нахабных грамадзян, якія не жадалі чакаць, выкарыстоўвалі агароджы. Аднак часам і яны не вытрымлівалі націску «груп захопу», якія складаліся з некалькіх моцных мужчын, блакіраваўшых чаргу, пакуль адзін з іх браў патрэбную колькасць алкаголю. Вось як падобная чарга выглядала ў Брэсце, дзе за першыя два месяцы правядзення кампаніі мясцовая ўлада закрыла 120 кропак, на якіх гандлявалі спіртнымі напоямі: «Выходны, пяць гадзін дня... Чарга. Непраўдападобна доўгая чарга да вінна-гарэлачнай крамы на рагу вуліц Савецкай і Гоголя. Яна змяіцца па прыступках, спускаецца на асфальт і загінаецца за кут. У чарзе – мужчыны і жанчыны, спартыўнага выгляду юнакі і мажныя пенсіянеры. Бяруць гарэлку і «чарніла» оптам і ў розніцу, бяруць, каб раскаркаваць праз паўгадзіны, і запасаюцца пра запас... Цікаўлюся ў жанчыны, авоська якой набіта «Сталічнай»: «Навошта так шмат гарэлкі? На дзень нараджэння? На вяселле?» – «Ды не, – прастадушна адказвае яна, – кажуць, што ў горадзе на днях уводзіцца сухі закон, вось і вырашыла прыхапіць пару бутэлек на чорны дзень»¹² (тут і далей пераклад наш. – А. Г.).

Людзі, затрыманыя ў п'яным выглядзе ў грамадскім месцы, мелі сур'ёзныя непрыемнасці на працы. За распіванне спіртнога на працоўным месцы або знаходжанне на ім у нецвярозым выглядзе накладваўся штраф у памеры ад 30 да 50 руб. П'яніц выходзілі на сходах працоўных калектываў, пазбаўлялі прэміі, так званай трынаццатай зарплаты, летняга адпачынку і нават чаргі на кватэру. Уцягненне ў п'янства непаўналетніх каралася пазбаўленнем волі на тэрмін да пяці гадоў. Пасля з'яўлення ў 1986 г. у статуте КПСС патрабавання да пярвічных арганізацый змагацца за цвярозы лад жыцця камуністы былі вымушаны цалкам адмовіцца ад алкаголю. Усе без выключэння былі павінны ўступаць у таварыства барацьбы за цвярозасць. Партыйнага чалавека адразу звальнялі і выключалі з партыі за распіванне алкаголю на працоўным месцы. Знік такі від баўлення вольнага часу, як банкет: ні юбілей, ні абарона дысERTAцыі, ні прызначэнне на новую пасаду больш не былі годнай падставай для святкавання з ужываннем спіртнога. Паводле ініцыятывы жыхароў в. Вялікія Якаўчыцы Жабінкаўскага раёна п'яніц пачалі судзіць на сельскіх сходах. Асоб у нецвярозым стане больш не пускалі ў мінскае метро¹³.

Вынікі першых арганізацыйных і адміністрацыйна-прававых захадаў па выкананні пастаўленай партыяй задачы красамоўна сведчылі пра тое, што

⁷НАРБ. Ф. 7. Воп. 11. Спр. 64. Арк. 18.

⁸Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР «Аб зацверджэнні Палажэння аб камісіях па барацьбе з п'янствам, утвараемых на прадпрыемствах, ва ўстановах, арганізацыях і іх структурных падраздзяленнях» // Збор законаў БССР, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР, пастановаў Савета Міністраў БССР. 1985. № 32. С. 523–535.

⁹НАРБ. Ф. 7. Воп. 11. Спр. 64. Арк. 19, 20, 71.

¹⁰Там жа. Арк. 70.

¹¹Бой, который надо выиграть // Знамя юности. 1986. 6 июня. С. 1.

¹²Павлючик Л. Дело было вечером... // Там же. 1985. 15 авг. С. 1.

¹³Сауткин И. Пьяным в метро не место! // Там же. 28 мая. С. 4.

поспеху можна дасягнуць толькі пры планамернай, доўгатэрміновай працы. У верасні 1985 г. Камісія па барацьбе з п'янствам пры Савеце Міністраў БССР па ўзгадненні з ЦК КПБ даручыла АН БССР распрацаваць комплексную праграму прафілактыкі і пераадолення п'янства і алкагалізму ў рэспубліцы на 1986–2000 гг. У пачатку 1986 г. гэта даручэнне было выканана, і беларускае кіраўніцтва атрымала 50-старонкавы дакумент, падрыхтаваны спецыялістамі розных профіляў на чале з дырэктарам Інстытута філасофіі і права Я. М. Бабосавым. Аўтары праграмы звярнулі ўвагу найперш на антыалкагольнае выхаванне і прапаганду цвярозага ладу жыцця, стварэнне сістэмы сацыяльнага кантролю, а таксама на ажыццяўленне лячэбных і рэабілітацыйных захадаў у дачыненні да асоб, якія злоўжывалі спіртнымі напоямі¹⁴.

У рэспубліцы пачалі праводзіцца безалкагольныя камсамольскія вяселлі. Адно з першых падобных вяселляў адбылося ў кастрычніку 1985 г. у Гродна, дзе пабраліся шлюбам каваль завода карданных валоў С. Круглікаў і загадчыца сектара ўліку камітэта камсамола таго ж завода В. Перапячай. Яго арганізатары імкнуліся замяніць алкаголь віктарынамі, конкурсамі і традыцыйнымі абрадамі. Аднак па словах спецыяльна запрошанага прадстаўніка маладзёжнай прэсы, «госці безалкагольнага вяселля збянтэжана аглядалі вясельны стол, не знаходзячы «галоўнага», без чаго, як гэта прынята лічыць, і вяселле не вяселле»¹⁵.

Да прапаганды цвярозага ладу жыцця былі падключаны прафсаюзы, сістэма адукацыі і аховы здароўя, грамадскія арганізацыі і творчыя саюзы. Кінарэжысёр С. А. Гайдук зняў дакументальны фільм «Як у нас у Зарудзічах», драматург А. Л. Петрашкевіч напісаў п'есу «Ка-та-стро-фа», этнограф С. Ф. Цярохін апублікаваў кнігу пра тое, што ўжыванне алкаголю супярэчыць народным традыцыям [4]. Цэнзура бязлітасна выкрэслівала сцэны з алкаголем з тэкстаў літаратурных твораў і песень, знікалі адпаведныя эпізоды з фільмаў і тэатральных пастановак.

У 1988 г., калі на наркалагічным уліку ў БССР знаходзіліся 190,2 тыс. чалавек, шырокую вядомасць набыла дзейнасць урача-нарколага С. Л. Данской. Яна авалодала метадам экспрэс-стрэсатэрапіі, пасля чаго дамаглася адкрыцця ў мінскай паліклініцы № 16 гаспадарчаразліковага філіяла знакамітага наркалагічнага псіхатэрапеўтычнага цэнтра А. Р. Даўжэнкі. Лячэнне ў нарколага-наватара каштавала нятанна – 48 руб., аднак чарга да С. Л. Данской выбудавалася аж да 1991 г. Каля яе кабінета кожны дзень

збіралася вялікая колькасць жадаючых пазбавіцца прыкрай заганы. Урач запрашала ў свой кабінет адразу па 30 пацыентаў і метадам унушэння (гіпнозу) кадзіравала алкаголікаў. За першы год працы С. Л. Данская вярнула да актыўнага жыцця каля 3 тыс. чалавек¹⁶.

Пачынаючы з 1965 г. жыхары БССР, якія сістэматычна злоўжывалі спіртнымі напоямі і на гэтай глебе парушалі правілы сацыялістычнага агульнажыцця, накіроўваліся ў ЛПП для прымусовага лячэння і працоўнага перавыхавання тэрмінам ад 6 да 12 месяцаў. Тады ж у Светлагорску на базе папраўча-працоўнай калоніі агульнага рэжыму УЖ 15/3 была створана першая ўстанова падобнага тыпу. У адпаведнасці з планами арганізатараў антыалкагольнай кампаніі на працягу 1986–1990 гг. колькасць ЛПП у рэспубліцы трэба было павялічыць, каб яны адначасова маглі прыняць 3 тыс. чалавек¹⁷. Акрамя таго, згодна з рашэннем Камісіі па барацьбе з п'янствам пры Савеце Міністраў БССР у 1985 г. аблвыканкамы выдзелілі памяшканні для стварэння выцвярэзнікаў у Баранавічах, Бабруйску, Барысаве, Ваўкавыску, Горках, Глыбокім, Жлобіне, Кобрыне, Лунінцы, Магілёве, Асіповічах, Ашмянах, Пінску і Слуцку¹⁸.

Вынікі першых двух з паловай гадоў правядзення антыалкагольнай кампаніі падсумаваў намеснік міністра ўнутраных спраў БССР К. М. Платонаў: «У параўнанні з 1985 г. у 1987 г. колькасць прадпрыемстваў, якія вырабляюць вінна-гарэлачныя напоі, скарацілася ў 5,6 разу (з 146 да 26). За той жа час рэалізацыя спіртных напояў скарацілася ў два разы. З грамадзян, якія дапусцілі факты п'янства, спагнана амаль 4 млн руб. штрафаў, больш за 4 тыс. злосных парушальнікаў антыалкагольнага заканадаўства падвяргаліся адміністрацыйнаму арышту, 2,5 тыс. чалавек накіраваны на папраўчыя працы. З асоб, прыцягнутых да адміністрацыйнай адказнасці за выраб, захоўванне і набыццё самагону, спагнаны 1,2 млн руб. штрафаў. Каля 3 тыс. чалавек, якія злоўжывалі спіртным, народныя суды абмежавалі ў дзеяздольнасці, 4,1 тыс. чалавек накіраваны на лячэнне ад алкагалізму ў ЛПП. У выніку антыалкагольнай барацьбы страты працоўнага часу ў прамысловасці ў 1987 г., у параўнанні з 1985 г., скараціліся на 4 %, прагулы – на 25 %, колькасць дарожна-транспартных здарэнняў, учыненых п'янымі кіроўцамі, скарацілася на 7,3 %»¹⁹. Пералічыўшы дасягненні, ён, як чалавек, які меў высокі міліцэйскі чын, прызнаў, што гэтыя вынікі з'яўляліся «ў асноўным следствам забарон і абмежаванняў, карэннага зруху ў свядомасці людзей не адбылося, п'янства скарачаецца марудна»²⁰.

¹⁴НАРБ. Ф. 7. Воп. 11. Спр. 58. Арк. 157–208.

¹⁵Радзівілов А. Трезвая свадьба // Знамя юности. 1985. 10 окт. С. 2.

¹⁶Захаранка А. «Я п'яны ад цвярозага жыцця...» // Работніца і сялянка. 1988. № 6. С. 18–19.

¹⁷НАРБ. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1081. Арк. 14.

¹⁸Там жа. Спр. 1093. Арк. 15.

¹⁹Там жа. Спр. 1508. Арк. 2.

²⁰Там жа. Арк. 3.

Беларускае рэспубліканскае добраахвотнае таварыства барацьбы за цвярозасць

Беларускае рэспубліканскае добраахвотнае таварыства барацьбы за цвярозасць было створана 16 кастрычніка 1985 г. у Мінску з мэтай мабілізацыі грамадства для ўдзелу ў антыалкагольнай кампаніі на ўстаноўчым сходзе. Яго старшынёй быў прызначаны віцэ-прэзідэнт АН БССР, вядомы фізіёлаг А. С. Дзмітрыеў. У склад рэспубліканскага савета ўвайшлі такія выбітныя асобы, як паэт Н. С. Гілевіч, скульптар А. А. Анікейчык, барэц А. В. Мядзведзь. На сходзе было абрана праўленне, а таксама быў прыняты статут, згодна з якім члены новай грамадскай арганізацыі абавязваліся не піць алкаголь ні пры якіх абставінах. Члены таварыства мелі пасведчанні і нагрудныя знакі адзінага ўзору. Працаўнікі плацілі ўступныя і штогадовыя ўзносы ў памеры 1 руб., студэнты, пенсіянеры і хатнія гаспадыні здавалі па 20 кап. Уся дзейнасць таварыства ажыццяўлялася на аснове самаакупнасці, бязвыплатнай грамадскай працы ўсіх членаў, за выключэннем пэўнай колькасці штатных работнікаў у Мінску, абласных і раённых цэнтрах.

На ўстаноўчым сходзе было вырашана ствараць структуру Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць паводле тэрытарыяльна-вытворчага прынцыпу. Яго падмуркам былі пярвічныя арганізацыі па месцы працы, вучобы, жыхарства членаў арганізацыі. Напрыклад, яны ўтвараліся на прадпрыемствах, у саўгасах і калгасах, адміністрацыйных і навучальных установах, а таксама пры домакіраўніцтвах і інтэрнатах. Пярвічныя арганізацыі ствараліся пры наяўнасці не менш за 5 членаў таварыства. Структурнымі падраздзяленнямі пярвічак пры адпаведнай колькасці членаў маглі быць цэхавыя, брыгадныя, факультэцкія і іншыя арганізацыі, а таксама грамадскія клубы цвярозасці, якія дзейнічалі на базе навучальных і медыцынскіх устаноў, культасветустаноў. Пярвічныя арганізацыі аб'ядноўваліся ў абласныя, раённыя, гарадскія арганізацыі, якія, у сваю чаргу, уваходзілі ў склад Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць.

Кіруючым органам абласных, раённых і гарадскіх арганізацый таварыства барацьбы за цвярозасць лічыўся савет, які абіраўся на ўстаноўчай канферэнцыі, а выканаўчым органам – праўленне, у якое ўваходзілі старшыня, яго намеснік і члены гэтых арганізацый. Асноўны цяжар арганізацыйна-тэхнічнай працы ўскладаўся на вызваленага адказнага сакратара. У савет трэба было рэкамендаваць аўтарытэтных, вопытных, актыўных працаўнікоў, перадавых рабочых і калгаснікаў, прадстаўнікоў інтэлігенцыі і грамадскіх арганізацый. На ўстаноўчых

сходах па стварэнні пярвічных арганізацый у працоўных калектывах адкрытым галасаваннем абіраліся старшыня, сакратар і казначэй. Падрыхтоўка і правядзенне ўстаноўчых канферэнцый і сходаў, фарміраванне кіруючых органаў абласных, раённых і гарадскіх арганізацый таварыства ўскладаліся на выканкамы саветаў народных дэпутатаў сумесна з камсамолам, прафсаюзамі і органамі аховы здароўя²¹.

Да канца 1985 г. была збудавана рэгіянальная структура Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць: паўсталі 6 абласных аб'яднанняў, 33 гарадскія і 142 раённыя арганізацыі, членамі якіх сталі больш за 6 тыс. чалавек. Акрамя таго, ішла праца па фарміраванні пярвічных арганізацый на прадпрыемствах. Па стане на 31 снежня 1985 г. налічвалася 3,757 тыс. такіх аб'яднанняў, у склад якіх увайшлі 59,526 тыс. «актыўных барацьбітоў за цвярозасць і здаровы быт»²². У структуры таварыства на вызваленых пасадах адказных сакратароў працавалі 260 чалавек²³.

Таварыства барацьбы за цвярозасць распачало дзейнасць у спрыяльных умовах, калі значная частка грамадства, у першую чаргу жанчыны і пенсіянеры, падтрымалі намер М. С. Гарбачова скончыць п'янства ў краіне. Так, у пачатку 1986 г. Бабруйская раённая арганізацыя таварыства, якая лічылася адной з лепшых у рэспубліцы, аб'ядноўвала 90 пярвічных арганізацый, створаных у дзяржаўных і вучэбных установах, а таксама на прамысловых прадпрыемствах і калгасах раёна. Усяго ў той час у раённай арганізацыі налічвалася 806 членаў, якія паводле сацыяльнай прыналежнасці падзяляліся на служачых (74,3 %), калгаснікаў (14,5 %), рабочых (10,3 %), навучэнцаў і студэнтаў (0,6 %). Разам з міліцыянерамі, урачамі, настаўнікамі і працаўнікамі культасветустаноў яны читалі лекцыі, праводзілі размовы і арганізавалі дыспуты з мэтай выкрыць п'янства і алкагалізм. Былі вызначаны адзіныя дні антыалкагольнай прапаганды, а таксама з'явілася радыёгазета «Усё пачыналася з чаркі». У рэпертуар калектываў мастацкай самадзейнасці ўключаліся творы, у якіх прапагандаваўся цвярозы лад жыцця. Падчас уборкі ўраджаю ў полі выступаў створаны па ініцыятыве праўлення райсавета таварыства агітцягнік. Укараняліся новыя абрады: безалкагольныя вяселлі, радзіны, прысвячэнне юнакоў і дзяўчат у грамадзян СССР, праводзіны ў Савецкую армію. Тэрыторыя калгаса імя А. С. Пушкіна была абвешчана зонай суцэльнай цвярозасці²⁴.

Папулярнай формай работы таварыства былі клубы цвярозасці. На 1 студзеня 1987 г. у БССР налічва-

²¹НАРБ. Ф. 1171. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 8.

²²Там жа. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 606. Арк. 11.

²³Там жа.

²⁴Там жа. Ф. 1171. Воп. 1. Спр. 13. Арк. 7.

лася 200 такіх клубаў. Іх удзельнікі займаліся не толькі асветніцкай працай, але і выступалі ініцыятарамі правядзення спартыўна-турыстычных мерапрыемстваў, безалкагольных вяселляў і г. д. Найбольшую вядомасць сярод гэтых устаноў атрымаў клуб цвярозасці «Паходня» пры Інстытуце цепла- і масаабмена АН БССР, створаны энтузіястам здаровага ладу жыцця малодшым навуковым супрацоўнікам В. М. Барыкіным. З'яўляючыся дэлегатам устаноўчай канферэнцыі Усесаюзнага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць, ён усталяваў супрацоўніцтва з аднадумцамі з Кіева, Рыгі, Новасібірска і іншых гарадоў²⁵.

На III пленуме Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць, які адбыўся 12 верасня 1987 г., канстатавалася: колькасць членаў таварыства дасягнула 426 тыс. чалавек, яны аб'яднаны ў 16,6 тыс. пярвічных арганізацый, прадстаўнікі больш за 2 тыс. працоўных калектываў, інтэрнатаў і населеных пунктаў жывуць і працуюць па законах цвярозасці²⁶. Старшыня пярвічнай арганізацыі Мінскай геалагаразведвальнай экспедыцыі А. А. Ганчарук рапартаваў пленуму: «Кантынгент нашай экспедыцыі вельмі складаны, шмат разведзеных, якія прызвычаліся да самотнага ладу жыцця і, натуральна, выпівак. Супрацоўнікі партый 20 дзён у полі, 10 – у адгулах. Калі год таму значная колькасць супрацоўнікаў палявых партый з'яўлялася на працу ў нецвярозым стане, то цяпер гэта праблема цалкам вырашана»²⁷.

Разам з рапартамі, вытрыманымі ў духу казённага аптымізму, на пленуме прагучалі словы трывогі з нагоды негатыўных тэндэнцый у дзейнасці таварыства. У прыватнасці, выступаўчы адзначалі, што ў рэспубліцы пакуль не ўдалося стварыць шырокі фронт барацьбы з п'янствам, якое перамясцілася з публічнай прасторы ў сем'і, інтэрнаты. Назіраўся рост самагонаварэння, што не выклікала абурэння ў 37 % жанчын і 55 % мужчын, якія пражывалі ў рэспубліцы. Толькі 8 % працаздольных жыхароў дзяржавы ўдзельнічалі ў рабоце таварыства. Каля 25 % працоўных калектываў не мелі пярвічных арганізацый увогуле. Многія былі створаны паводле добраахвотна-прымусовага прынцыпу і, складаючыся пераважна з начальства і работнікаў, у ліку якіх было больш жанчын, працавалі фармальна. Дзясяткі членаў таварыстваў не пакінулі шкодных звычак²⁸.

Арганізаваная летам 1987 г. праверка пярвічнай арганізацыі БДУ, якая налічвала 2,826 тыс. чалавек

і з'яўлялася адной з буйнейшых у БССР, паказала не толькі запазычанасць па ўнёсках, але і шматлікія статутныя парушэнні. Наглядная агітацыя была беднай, антыалкагольныя мерапрыемствы характарызаваліся фармальнасцю і нецікавасцю. Пра абвясчэнне інтэрната № 6 зонай цвярозасці не ведалі яго насельнікі і нават камендант. Вынікі апытання, праведзенага ў тым жа годзе працаўнікамі Праблемнай навукова-даследчай лабараторыі сацыялагічных даследаванняў БДУ, былі несучасальнымі. З яго вынікала, што каля 80 % студэнтаў і 70 % членаў мясцовай арганізацыі таварыства барацьбы за цвярозасць ужывалі алкагольныя напоі. Каля 80 % апытаных увогуле не адчувалі на сабе ўплыў таварыства, а каля 50 % рэспандэнтаў прапаноўвалі яго распусціць²⁹.

Апытанне, якое ў 1988 г. арганізавалі спецыялісты Рэспубліканскага сацыялагічнага цэнтра АН БССР, паказала, што толькі 14 % членаў Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць вялі цвярозы лад жыцця, 66 % удзельнікаў ужывалі алкаголь «культурна», 20 % чалавек злоўжывалі ім. Большасць рэспандэнтаў адзначылі, што ў рабоце таварыства шмат фармалізму, справядчасці, бюракратызму і мала карысных практычных спраў. Яго аўтарытэт сярод насельніцтва быў невысокім³⁰.

Партыйнае кіраўніцтва краіны са спазненнем прызнала наяўнасць сур'ёзных недахопаў у арганізацыі грамадства ў мэтах барацьбы з п'янствам і алкагалізмам. Пастанова «Аб перабудове работы Усесаюзнага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць» выйшла 26 кастрычніка 1988 г. у Маскве. У ёй вялася гаворка пра скарачэнне штатнага апарату таварыства, засяроджванне яго працы ў пярвічных арганізацыях з перадачай ім права распараджацца ўнёскамі, прыцягненне да барацьбы за цвярозы лад жыцця сапраўдных энтузіястаў, а таксама пра выкарыстанне новых форм працы, напрыклад рэабілітацыі алкаголікаў на кааператыўнай аснове³¹.

Сакратарыят ЦК КПБ прадубліраваў названую вышэй пастанову 24 лістапада 1988 г., у адпаведнасці з якой апарат Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць быў скарачаны на 50 %, абласных арганізацый – на 32 %, раённых і гарадскіх арганізацый – на 9 %. Некаторыя арганізацыі таварыства сталі працаваць выключна на грамадскіх пачатках. Сацыяльную адаптацыю хворых на алкагалізм распачаў кааператыў «Надзея»,

²⁵ Белоус А. Свети, «Факел»! // Знамя юности. 1986. 4 февр. С. 2.

²⁶ НАРБ. Ф. 1171. Воп. 1. Спр. 17. Арк. 38, 53.

²⁷ Там жа. Арк. 3.

²⁸ Левин В., Осинский И. Бумажный синдром. Заметки с пленума республиканского совета Белорусского добровольного общества борьбы за трезвость // Знамя юности. 1987. 16 сент. С. 1.

²⁹ НАРБ. Ф. 1171. Воп. 1. Спр. 24. Арк. 6–9.

³⁰ Там жа. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2342. Арк. 23.

³¹ Постановление секретариата ЦК КПСС «О перестройке работы Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость» // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 21–24.

створаны пры мінскай гарадской арганізацыі. У савет таварыства ўключылі протаіерэя М. М. Уляхіна, адначасова яно распачало супрацоўніцтва з Саюзам фінскіх цвярозніцкіх арганізацый. Абвешчанае ў кастрычніку 1990 г. перайменаванне Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства барацьбы за цвярозасць у Беларускае рэспубліканскае добраахвотнае таварыства «Цвярозасць» сведчыла пра намер яго кіраўніцтва пазбавіцца традыцый ваяўнічага атэізму³².

Неабходна адзначыць, што ўсе захады не маглі пераламаць агульную тэндэнцыю згасання дзейнасці таварыства. На працягу 1988 г. перасталі працаваць 186 пярвічных арганізацый дадзенага таварыства, а колькасць яго членаў скарацілася на 14,204 тыс. чалавек. У 1989 г. гэта тэндэнцыя толькі набірала моц: пярвічных арганізацый стала менш на 2,67 тыс. аб'яднанняў, членаў таварыства – на 106,951 тыс. чалавек. Паўсталі цяжкія з фінансаваннем антыалкагольных мерапрыемстваў.

Выступаючы на справаздачна-выбарнай канферэнцыі ў кастрычніку 1990 г., намеснік старшыні рэспубліканскага савета Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства «Цвярозасць» Р. С. Шылава канстатавала: «Цвярозніцкі рух апынуўся сёння ў крытычным стане. 58 % насельніцтва не вераць у магчымасць пераадолення п'янства. Высакароднай мэты мы хацелі дасягнуць у рэчышчы і метадамі камандна-адміністрацыйнай сістэмы, да гэтага мож-

на дадаць валонтарызм – імкненне скончыць з векавымі традыцыямі за некалькі гадоў. Кампанія была пабудавана ў значнай ступені на прымусе, а не на праве свабоднага выбару. Масавага руху так і не было створана. Наша таварыства не здолела праявіць сябе дастаткова прывабна»³³.

На момант распаду СССР у шэрагах Беларускага рэспубліканскага добраахвотнага таварыства «Цвярозасць» налічвалася 136,76 тыс. членаў, аб'яднаных у 7,43 тыс. пярвічных арганізацый³⁴. Большасць з іх былі «папяровымі» і зусім не бралі ўдзел у змаганні з «злелым змеем». Пасля зняцця абмежаванняў на продаж алкагольных вырабаў да прапаганды здаровага ладу згубіла цікаваць і ўлада. Так, у красавіку 1991 г. намеснік старшыні Савета Міністраў БССР М. У. Мясніковіч на прапанову старшыні Усе-саюзнага добраахвотнага таварыства цвярозасці М. Ц. Трубіліна стварыць у Мінску фонд цвярозасці адказаў: «...у сувязі са складанай эканамічнай сітуацыяй утварэнне яго ў бягучы час не ўяўляецца магчымым»³⁵.

У апісаных вышэй умовах у БССР з'явіліся эмісары Амерыканскага таварыства ананімных алкаголікаў, якія на бязвыплатнай аснове прапаноўвалі праграму духоўнай пераарыентацыі для залежных ад алкаголю людзей пад назвай «12 крокаў». Далучыцца да іх групы мог кожны жадаючы праз тэлефонны званок. Першы сход ананімных алкаголікаў у Мінску правёў нейкі Ліа К. у маі 1990 г.³⁶

Нечаканыя наступствы

Рашэнне «ацвярэзіць» рэспубліку, прынятае без належнай сацыяльнай і эканамічнай прапрацоўкі і ўліку псіхалогіі спажывцоў, прывяло айчынную спіртагарэлачную і вінаробную прамысловасць да цяжкага становішча. На працягу другой паловы 1985 – 1986 гг. 12 спіртавых заводаў скарацілі вытворчасць спірту на 58,0 %, 5 лікёра-гарэлачных заводаў пачалі вырабляць на 63,7 % менш лікёра-гарэлачных напояў, 12 вінаробных заводаў зменшылі аб'ём вырабу вінаградных він на 75,0 % і пладова-ягадных він на 53,0 %³⁷. Лікёра-гарэлачныя заводы пераабсталяваліся ў прадпрыемствы па выпуску безалкагольных напояў паўсюдна. Усе 13 саўгасаў рэспублікі, якія выраблялі яблычныя віны, перайшлі на вытворчасць яблычных сокаў³⁸.

Раздражненне насельніцтва выклікалі эксперыменты з рэалізацыяй піва, выраб якога таксама рэз-

ка скараціўся. З пачаткам кампаніі піўныя бары, як і іншыя месцы продажу алкагольных напояў, паўсюдна зачыніліся. Праз пэўны час піва, як і сухое віно, было аднесена да слабаалкагольных напояў, якія савецкім людзям было дазволена спажываць «культурна». Неўзабаве ўлада вырашыла, што канцэнтрацыя вялікай колькасці не зусім цвярозых мужчын з келіхамі ў руках унутры і, галоўнае, каля піўных «шкляшак»³⁹ дае непатрэбны прыклад, і піва пачалі прадаваць у тары пакупнікоў. Гэта мера была прынята для таго, каб людзі пілі ва ўсіх месцах, акрамя публічных⁴⁰.

Паўсюдна квітнелі крадзеж і спекуляцыя алкаголем. У параўнанні з 1985 г. у 1986 г. колькасць крадзяжоў на спіртавых, лікёра-гарэлачных і вінаробных заводах павялічылася на 53 %⁴¹. У Мінску і абласных цэнтрах можна было купіць гарэлку без чаргі

³²НАРБ. Ф. 1171. Воп. 1. Спр. 38. Арк. 3.

³³Там жа. Спр. 41. Арк. 9.

³⁴Там жа. Спр. 52. Арк. 2.

³⁵Там жа. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2525. Арк. 242.

³⁶Рабушко А. Хотите бросить пить? // Знамя юности. 1990. 15 мая. С. 4.

³⁷НАРБ. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1080. Арк. 2.

³⁸Айдарэт і іншыя // Беларусь. 1986. № 2. С. 3.

³⁹Пераклад рускага размоўнага слова «шкляшка», якое ў дадзеным кантэксце абазначае сезоннае кафэ.

⁴⁰Владимиров П. Благоглупости // Знамя юности. 1989. 29 янв. С. 4.

⁴¹НАРБ. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1080. Арк. 2.

і ў любы час сутак у таксістаў, але па вельмі высокай цане (20–25 руб. за бутэльку). Па спекуляцыйнай цане прадавалі гарэлку на вынас у некаторых рэстаранах і падпольных кропках. У канцы 1986 г. у рэдакцыю газеты «Советская Белоруссия» паскардзіліся людзі, якія пражывалі ў Барысаве па вул. Працы ў д. 26: «У нашым доме многія прадаюць гарэлку, віно і самагон. Бутэлка гарэлкі каштуе 15 руб., віна – 5 руб., самагону – 6 руб. Гандаль ідзе кругласутачна, ім займаюцца ў асноўным тыя, хто не працуе. Напрыклад, у кватэрах № 2, 5, 10, 11, 19, 39. У суседнім доме падпольны гандаль спіртным ідзе ў яшчэ больш прамысловых памерах... Міліцыя ніяк на месцы злачынства ўзяць іх не можа, а калі казаць шчыра, то некаторыя нядобрасумленныя супрацоўнікі міліцыі разам з гандлярамі п'юць, таму няма каму скардзіцца. Вялікая ў нас просьба, дапамажыце нам, паглядзіце на матчыны і дзіцячыя слёзы... Свае імёны мы пісаць не будзем, бо баімся помсты»⁴².

За дзевяць месяцаў 1986 г. за парушэнне правіл гандлю спіртнымі напоямі былі прыцягнуты да адказнасці 1,15 тыс. работнікаў Міністэрства гандлю БССР і Беларускага рэспубліканскага саюза спажывецкіх таварыстваў. Асобныя райвыканкамы прынялі рашэнне ўвесці талонную сістэму на продаж алкаголю. Напрыклад, у 1986 г. жыхары Глыбоцкага раёна маглі па адным талоне набыць 15 бутэлек гарэлкі на месяц⁴³.

Распаўсюдзілася такая з'ява, як самаганаварэнне, пра што сведчылі рэзкае павелічэнне продажу цукру і ў далейшым узнікненне яго дэфіцыту. У непралазных лясках калгаснікі, якім часта дапамагалі леснікі, займаліся абсталяваннем бровараў, дзе выраблялі самагон у прамысловых маштабах. Па словах міністра ўнутраных спраў В. А. Піскарова, самаганаварэнне з'яўлялася найбольш вострай праблемай для яго ведамства. Калі ў 1985 г. былі прыцягнуты да адказнасці 4,2 тыс. самагоншчыкаў, то ў 1987 г. іх колькасць дасягнула ўжо 13,7 тыс. чалавек, а ў 1988 г. – 24,6 тыс. чалавек. Жанчыны (пераважна сталага веку) складалі 72,7 % асуджаных за самаганаварэнне. Яны бралі на сябе ўсю адказнасць, бо ведалі, што суд улічыць іх узрост і сямейныя абавязкі. Так, у 1986 г. Дзятлаўскі народны суд прыцягнуў да адказнасці за падпольны выраб алкаголю 102-гадовую грамадзянку Шапель, а Мазырскі народны суд – 70-гадовую невідушчую грамадзянку Голік, якія «з прычыны сваёй фізічнай нямогласці не маглі абысціся без памагатых»⁴⁴.

Павялічылася колькасць грамадзян, якія выраблялі самагон выключна на продаж. У 1988 г. з іх быў спа-

гнаны штраф у памеры 2,4 млн руб.⁴⁵ Тады ж міліцыя адабрала ў насельніцтва 5,7 тыс. самагонных апаратаў, 348 тыс. т брагі, 27 тыс. л самагону. Новай з'явай стала самаганаварэнне ў буйных гарадах: толькі ў Мінску ў 1988 г. за гэту дзейнасць былі прыцягнуты да адказнасці звыш 2 тыс. чалавек⁴⁶. Павелічэнне ў чэрвені 1987 г. штрафаў за выраб, захаванне і збыт самагону з 300 да 500 руб., за выраб без мэты збыту з 100 да 300 руб. і за набыццё самагону з 30 да 100 руб. не спыніла ні вытворцаў, ні спажывцоў забароненага напою⁴⁷.

Ва ўмовах рэзкага скарачэння продажу алкагольных напояў узрасло спажыванне сурагатаў алкаголю: адэкалону, ласьёну, сродку для чысткі шкла, дэнатурату, антыфрызу. Падобныя сурагаты вольна прадаваліся ў гаспадарчых і прамтаварных крамах, аптэках на працягу ўсяго дня і былі даступнымі для асоб да 21 года. У параўнанні з 1984 г. у 1985 г. прадпрыемствы Міністэрства гандлю БССР рэалізавалі на 4,3 % больш адэкалону, на 5,3 % больш ласьёну і духмянай вады, а таксама на 6,2 % больш вадкасці для чысткі шкла. Грамадзянам былі прададзены 32 т антыфрызу і 67 т дэнатурату (у 1984 г. яны пастаўляліся толькі прадпрыемствам і арганізацыям). У 1986 г. Беларускі рэспубліканскі саюз спажывецкіх таварыстваў прадаў 248 т антыфрызу, 20 т дэнатурату, 37 т сродкаў для чысткі шкла, а за продаж парфумных тавараў, якія замяшчалі спірт, ён атрымаў 5,3 млн руб. Вынікам ужывання сурагатаў было павелічэнне выпадкаў атручвання. Па дадзеных Міністэрства аховы здароўя БССР, пры скарачэнні колькасці смерцей грамадзян ад злоўжывання алкаголем з 1,486 тыс. чалавек у 1984 г. да 1,168 тыс. чалавек у 1985 г. (на 21,4 %) колькасць атручванняў вадкасцямі, якія замяшчалі спірт, павялічылася з 74 да 102 выпадкаў (на 37,8 %) ⁴⁸.

Дзяржава імкнулася абмежаваць продаж сурагатаў алкаголю. З 1986 г. спірт і вырабленыя на яго аснове лекі прадаваліся толькі па рэцэптах урачоў, а таксамі былі абмежаваны нормы водпуску падобных прэпаратаў, якія прадаваліся без рэцэптаў. Грамадзяне маглі набыць антыфрыз толькі пасля прад'яўлення праў кіроўцы і тэхпашпарта аўтамабіля. Быў узмоцнены кантроль за продажам дражджэй. Аднак дадзеныя меры не спынялі тых, хто жыў паводле правіла «п'ём усё, што гарыць». Так, на Бабруйскім гідролізнам заводзе рамонтнікі, прасвідраваўшы трубаправод у гідролізнаспіртавым цэху, набралі метылавага спірту, які па паху і знешняму выглядзе быў падобны на этылавы спірт. Вынікам яго спажывання сталі 10 смерцей і 40 цяжкіх атручванняў⁴⁹.

⁴²НАРБ. Ф. 239. Воп. 5. Спр. 48. Арк. 6–7.

⁴³Там жа. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 607. Арк. 51–52.

⁴⁴Там жа. Спр. 608. Арк. 37.

⁴⁵Новікаў Д. Закон і сумленне // Звязда. 1988. 18 жн. С. 2.

⁴⁶НАРБ. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1933. Арк. 6.

⁴⁷Там жа. Спр. 1081. Арк. 208–211.

⁴⁸Там жа. Спр. 605. Арк. 69.

⁴⁹Віктараў М. Трагічнае пахмелле // Звязда. 1990. 7 чэрв. С. 3.

Абвастрылася сітуацыя ў 8 беларускіх ЛПП, дзе ўмовы прымусовага лячэння 6 тыс. алкаголікаў няшмат адрозніваліся ад умоў адбывання пакарання ў папраўча-працоўных калоніях, што парушала іх канстытуцыйныя правы і свабоды. У ЛПП большасць абмежаванняў не выклікаліся неабходнасцю лячэння, людзі вызваліліся адтуль не па медыцынскіх паказаннях, а па заканчэнні тэрміну, вызначанага судом. Эфектыўнасць тэрапіі ў ЛПП была невысокай, і большасць пацыентаў пасля вызвалення вярталіся да папярэдняга ладу жыцця. Увесну – летам 1990 г. у ЛПП, якія знаходзіліся ў Светлагорску, Віцебску, Магілёве і Гомелі, адбыліся масавыя выступленні алкаголікаў, патрабаваўшых гуманізацыі рэжыму, а менавіта дазволу адпачынкаў, спатканняў са сваякамі, атрымання пасылак ад іх і г. д.⁵⁰ Пайшоўшы насустрач гэтым патрабаванням, у жніўні 1990 г. улада вызваліла ад прымусовага лячэння жанчын⁵¹. Аднак прынятым 21 чэрвеня 1991 г. законам беларускія парламентарыі захавалі ЛПП як інстытут, абмежаваўшы дзеянне закона аб прымусовай працоўнай тэрапіі толькі ў адносінах алкаголікаў і наркаманаў, якія парушалі грамадскі парадак і правы іншых асоб⁵².

Большасць савецкіх людзей успрынялі гарбачоўскую антыалкагольную кампанію як абсурдную ініцыятыву, накіраваную супраць простага народу. Апытанне, праведзенае спецыялістамі Рэспубліканскага сацыялагічнага цэнтру АН БССР, паказала, што ў 1988 г. цвярозы лад жыцця вялі толькі 16 % прадстаўнікоў дарослага насельніцтва БССР, 48 % жыхароў дзяржавы ўжывалі алкагольныя напоі ўмерана, 30 % чалавек злоўжывалі імі, а 6 % людзей з'яўляліся хворымі на алкагалізм. Неабходна адзначыць, што ў 68 % насельніцтва пераважала арыентацыя на ўжыванне моцных напояў⁵³. У 1988 г. 350 тыс. жыхароў БССР былі прыцягнуты да адміністрацыйнай адказнасці за п'янства⁵⁴. Не выклікала ў насельніцтва добрых пачуццяў увядзенне ў 1989 г. талонаў на алкаголь, па якіх можна было атрымаць толькі 2 бутэлькі моцнага алкаголю, напрыклад гарэлкі і каньяку, і 2 бутэлькі віна на месяц. Варта ўказаць, што ле-

там 1990 г. гэта норма скарацілася ў два разы⁵⁵. Напярэдадні 1989 г. у вялікім дэфіцыце было шампанскае. За гэтым алкагольным напоем выбудоўваліся доўгія чэргі⁵⁶.

Формы і метады правядзення кампаніі выклікалі раздражненне ў моладзі. Навучэнец Маладзечанскага прафесіянальна-тэхнічнага вучылішча Антон Ш. пісаў у маладзёжную газету ў верасні 1988 г.: «Калі казаць шчыра, то ўсе гэтыя захады па барацьбе з алкагалізмам нічога істотнага не далі. Які сэнс у тым, што падвысілі кошт спіртных напояў? Хіба дабіліся зніжэння спажывання алкаголю? Не! Піць сталі нават больш, і прытым розную дрэнь, напрыклад дэнатураты, дэзадаранты. Амаль усю парфумерыю выпілі!.. Ну а якое вяселле без спіртнога? Вось нядаўна паказвалі безалкагольнае вяселле з гарбатай і пернікамі. Я бачыў твары запрошаных на гэту сямейную імпрэзу. Пахмурныя, сумныя, толькі для паказухі ў камеру ўсміхаюцца... Калі па праўдзе, то мне падаецца, што пілі, п'юць і будуць піць»⁵⁷.

М. С. Гарбачоў прызнаў правал антыалкагольнай кампаніі неахвотна, пад ціскам свайго атачэння. Тагачасны кіраўнік савецкага ўрада М. І. Рыжкоў згадваў, як 8 верасня 1988 г. на пасяджэнні Палітбюро ЦК КПСС ён патрабаваў спыніць кампанію, спасылаючыся на тое, што людзям і эканоміцы нанесена вялікая шкода. Яго падтрымалі многія прысутныя, у тым ліку нядаўна пераведзены з Мінска ў Маскву М. М. Слюнькоў. Генеральны сакратар быў вымушаны падтрымаць думку большасці⁵⁸.

Фармальна кіраўніцтва СССР не спыняла антыалкагольную кампанію. Тым не менш пад уплывам бюджэтнага дэфіцыту і грамадскага незадавальнення пачалося яе павольнае згортванне. Савет Міністраў СССР адмяніў усе абмежаванні на продаж алкаголю 24 ліпеня 1990 г. Паступова адбывалася аднаўленне работы вінна-гарэлачных заводаў і крам, у выніку чаго ў 1991 г. спажыванне спіртнога выйшла на ўзровень 1984 г. Пасля абвяшчэння незалежнасці Беларусі пра барацьбу за здаровы лад жыцця ўжо не згадвалі, а айчынным рынкам запоўніла танная, няякасная алкагольная прадукцыя.

Заклучэнне

У кароткатэрміновай перспектыве савецкая антыалкагольная кампанія другой паловы 1980-х гг. мела шэраг станоўчых вынікаў. Адбылося зніжэнне смяротнасці. Павялічылася прадукцыйнасць працы,

скарацілася колькасць прагулаў. Зменшыўся паказчык злачынстваў, здзейсненых на глебе п'янства. Спажыванне спіртнога стала больш рацыянальным. Умацавалася сям'я, жанчыны пачалі больш нараджаць.

⁵⁰НАРБ. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1509. Арк. 141.

⁵¹Там жа. Спр. 2521. Арк. 8.

⁵²Закон «Аб мерах прымусовага ўздзеяння ў адносінах хранічных алкаголікаў і наркаманаў, якія сістэматычна парушаюць грамадскі парадак або правы іншых асоб» // Ведамасці Вярхоўн. Савета Беларус. ССР. 1991. № 23. С. 12–15.

⁵³НАРБ. Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2342. Арк. 10, 12.

⁵⁴Лапін В. І несакрэтнае – сакрэтна // Беларусь. 1989. № 9. С. 6–7.

⁵⁵Котов В. Очереди растаяли, однако... // Знамя юности. 1990. 11 июля. С. 4.

⁵⁶Бандарчук Л. Искры ў святочных бакалах // Чырвон. змена. 1988. 31 снеж. С. 3.

⁵⁷Антон Ш. Свадьба – без рюмки?! // Знамя юности. 1988. 25 сент. С. 3.

⁵⁸Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М. : Книга. Просвещение. Милосердие, 1995. С. 100.

Насуперак абвешчаным М. С. Гарбачовым пераходу на новыя метады кіравання і барацьбе з бюракратызмам, антыалкагольная кампанія праводзілася ранейшымі, прымусова-адміністрацыйнымі метадамі. У яе арганізатараў не было дакладнага ўяўлення пра спосабы прасоўвання да заяўленых мэт, а для большасці работнікаў партыйнага апарату істотнымі былі толькі справаздачныя паказчыкі. Кампанія не прадугледжвала правядзення працяглай і сістэматычнай працы, накіраванай на папулярызацыю здаровага ладу жыцця і фарміраванне негатыўнага стаўлення да алкаголю ў савецкіх грамадзян.

Нягледзячы на пэўныя станоўчыя з'явы, змаганне з народнай бядой сустрэла непаразуменне і супраціўленне значнай часткі беларускага грамад-

ства. У рэспубліцы павялічыліся аб'ёмы самагонаварэння, а таксама ўжывання алкагольных сургатаў, што было формамі кампенсацыі скарачэння продажу спіртнога. Ва ўмовах галоснасці чэргі за алкагольнымі вырабамі пераўтвараліся ў дэманстрацыі, у ходзе якіх даставалася ўсім: і партыі, і ўраду, і дэпутатам. Кожная чарга несла ў сабе вялікую колькасць адмоўных эмоцый, якія і без таго перапаўнялі людзей. Яны адгукнуліся на абмежавальныя і выхавальніцкія захады ўлады жартамі і афарызмам і накіравалі «Безалкагольнае вяселле – першы крок да бязгрэшнага зачацця», пачалі называць М. С. Гарбачова мінеральным сакратаром. У канцы 1980-х гг. антыалкагольная кампанія пераўтварылася ў фарс.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нестерович НБ. Наша боль – алкоголь. *Беларуская думка*. 2007;10:117–122.
2. Боброва АГ. Политика в области профилактики и предупреждения пьянства и алкоголизма в Беларуси. *Беларуская думка*. 2019;1:74–81.
3. Кривонос ЛМ. Острые грани граненого стакана. *Беларуская думка*. 2019;8:44–51.
4. Цярохін СФ. *У фокусе канкрэтнага факта: праўда і мана пра ап'яняльныя напіткі*. Мінск: Навука і тэхніка; 1988. 157 с.

Атрымана 22.12.2024 / выпраўлена 02.07.2025 / прынята 02.07.2025.
Received 22.12.2024 / revised 02.07.2025 / accepted 02.07.2025.

УДК 94(476.6)«1813»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ ФРАНЦИСКА-КСАВЕРИЯ ДРУЦКОГО-ЛЮБЕЦКОГО ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1813 г.

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрыты основные направления деятельности исправляющего должность гродненского гражданского губернатора (январь – март 1813 г.) князя Франциска-Ксаверия (на российской службе – Ксаверия Францевича, или К. Ф.) Друцкого-Любецкого (1778–1846). Выявлены обстоятельства назначения чиновника и причины его скорого отзыва с должности. Подробно раскрыто значение князя в деятельности временной Гродненской губернской исполнительной комиссии, образованной в январе 1813 г. литовским военным губернатором А. М. Римским-Корсаковым в качестве переходной администрации. Показана роль князя К. Ф. Друцкого-Любецкого в организации провиантского и фуражного обеспечения российских войск, а также в сборе налогов и податей в Гродненской губернии. Прослежено участие князя в судьбе военнопленных Великой армии, мобилизованных в 1812 г. в белорусско-литовских губерниях, а также в возобновлении деятельности казенной палаты и судебных учреждений (Главного суда, гродских судов). Отмечено, что князь К. Ф. Друцкий-Любецкий имел отношение к созданию люстрационных комиссий и возобновлению работы Главного комитета военных повинностей, призванных обеспечить сбор сведений о материальном ущербе, который был нанесен жителям края в 1812 г. Сделан вывод о том, что быстрое возвышение и рост влияния князя К. Ф. Друцкого-Любецкого в 1813 г. были обусловлены особым доверием российского императора Александра I к нему, которое, в свою очередь, стало следствием лояльности князя к России. Определено, что интриги против князя со стороны ряда недоброжелателей из числа военных (гродненский комендант) и гражданских служащих (гродненский вице-губернатор) не смогли оказать существенного воздействия на карьерный рост чиновника в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Гродненская губерния; гражданский губернатор; губернский маршал; К. Ф. Друцкий-Любецкий; А. М. Римский-Корсаков; губернская исполнительная комиссия; провиантское обеспечение войск.

ДЗЕЙНАСЦЬ КНЯЗЯ ФРАНЦЫСКА-КСАВЕРЫЯ ДРУЦКАГА-ЛЮБЕЦКАГА ПА ВОСТАНОВЛЕННІ РАСІЙСКОЙ АДМІНІСТРАЦЫІ Ў ГРОДЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІ Ў 1813 г.

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Раскрыты асноўныя напрамкі дзейнасці князя Францыска-Ксаверыя (на расійскай службе – Ксаверыя Францавіча, або К. Ф.) Друцкага-Любецкага (1778–1846), які выконваў пасаду гродзенскага грамадзянскага губернатара (студзень – сакавік 1813 г.). Выяўлены абставіны прызначэння чыноўніка і прычыны яго хуткага адклікання

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. Деятельность князя Франциска-Ксаверия Друцкого-Любецкого по восстановлению российской администрации в Гродненской губернии в 1813 г. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:16–29.
EDN: YLPJNF

For citation:

Lukashevich AM. The activities of prince Francis-Xaveriy Drucky-Lubetsky to restore Russian administration in Grodno province in 1813. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:16–29. Russian.
EDN: YLPJNF

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

з пасады. Падрабязна раскрыта значэнне князя ў дзейнасці часовай Гродзенскай губернскай выканаўчай камісіі, утворанай у студзені 1813 г. літоўскім ваенным губернатарам А. М. Рымскім-Корсаковым у якасці пераходнай адміністрацыі. Паказана роля князя К. Ф. Друцкага-Любецкага ў арганізацыі правіянцкага і фуражнага забеспячэння расійскіх войскаў, а таксама ў зборы падаткаў у Гродзенскай губерні. Прасочаны ўдзел князя ў лёсе ваеннапалонных Вялікай арміі, мабілізаваных у 1812 г. у беларуска-літоўскіх губернях, а таксама ў аднаўленні дзейнасці казённой палаты і судовых устаноў (Галоўнага суда, гродскіх судаў). Адзначана, што князь К. Ф. Друцкі-Любецкі таксама меў дачыненне да стварэння люстрацыйных камісій і да аднаўлення работы Галоўнага камітэта ваенных павіннасцей, закліканых забяспечыць збор звестак аб матэрыяльнай шкодзе, якая была нанесена жыхарам краю ў 1812 г. Зроблена выснова аб тым, што хуткае ўзвышэнне і рост уплыву князя К. Ф. Друцкага-Любецкага ў 1813 г. былі абумоўлены асаблівым даверам расійскага імператара Аляксандра I да яго, які, у сваю чаргу, стаў следствам лаяльнасці князя да Расіі. Вызначана, што інтрыгі супраць князя з боку шэрага нядобрачычліўцаў з ліку ваенных (гродзенскі камендант) і грамадзянскіх служачых (гродзенскі віцэ-губернатар) не змаглі аказаць істотнага ўздзеяння на кар’ерны рост чыноўніка ў перыяд, які разглядаецца.

Ключавыя словы: Гродзенская губерня; грамадзянскі губернатар; губернскі маршал; К. Ф. Друцкі-Любецкі; А. М. Рымскі-Корсакаў; губернская выканаўчая камісія; правіянцкае забеспячэнне войскаў.

THE ACTIVITIES OF PRINCE FRANCIS-XAVERIY DRUCKY-LUBETSKY TO RESTORE RUSSIAN ADMINISTRATION IN GRODNO PROVINCE IN 1813

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article reveals the main areas of activity of the acting Grodno civil governor (January – March 1813) prince Francis-Xaveriy (in Russian service – Xaveriy Frantsevich, or K. F.) Drucky-Lubetsky (1778–1846). The circumstances of the official’s appointment and the reasons for his quick recall from office are revealed. The article details the prince’s role in the activities of the temporary Grodno provincial executive commission, formed in January 1813 by the Lithuanian military governor A. M. Rimsky-Korsakov as a transitional administration. The article shows the role of prince K. F. Drucky-Lubetsky in organising provisions and forage supplies for Russian troops, as well as in collecting taxes and duties in the Grodno province. The article traces the prince’s involvement in the fate of prisoners of war of the Grand Army, mobilised in 1812 in the Belarusian-Lithuanian provinces, as well as in the resumption of the activities of the treasury chamber and judicial institutions (the Main Court, city courts). It is noted that prince K. F. Drucky-Lubetsky was involved in the creation of lustration commissions and the resumption of the work of the Main Committee for Military Duties, designed to ensure the collection of information on the material damage inflicted on the residents of the region in 1812. It is concluded that the rapid rise and growth of influence of prince K. F. Drucky-Lubetsky in 1813 were due to the special trust of the Russian Emperor Alexander I in him, which, in turn, was a consequence of the prince’s loyalty to Russia. It is determined that the intrigues against the prince by a number of ill-wishers from among the military (Grodno commandant) and civil servants (Grodno vice-governor) were unable to have a significant impact on the career growth of the official during the period under review.

Keywords: Grodno province; civil governor; provincial marshal; K. F. Drucky-Lubetsky; A. M. Rimsky-Korsakov; provincial executive commission; provision of troops.

Введение

Личность князя Франциска-Ксаверия (на российской службе – Ксаверия Францевича¹) Друцкого-Любецкого (1778–1846), потомка древнего княжеского рода ВКЛ, а впоследствии министра финансов Королевства Польского и члена Государственного совета Российской империи, привлекала внимание исследователей начиная с XIX в. В различные периоды

были опубликованы краткие (В. В. Новодворский²) или более пространные обзорные (А. А. Казак [1]) биографии этого государственного деятеля.

Ряд публикаций польских исследователей (Ш. Аскенази³, С. Смолка⁴, М. Глушко [2]) были посвящены различным аспектам деятельности К. Ф. Друцкого-Любецкого в качестве министра финансов (1821–1830).

¹Далее инициалы князя приводятся в русскоязычном варианте (Ксаверий Францевич, или К. Ф.), который он использовал в служебной переписке (Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1644. Л. 38).

²Новодворский В. В. Друцкий-Любецкий, Франциск-Ксаверий // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 6. Дабелов – Дядковский. СПб. : М. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1905. С. 695–707.

³Askenazy Sz. Z działalności ministra Lubeckiego // Dwa stulecia, XVIII i XIX: badania i przyczynki. T. 1. Warszawa : Gebethner i Wolf : G. Gebethner i Spółka, 1901. S. 363–426.

⁴Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym : w 2 t. Kraków : Akademia Umiejętności, 1907. T. 1. 554, [2] s. ; T. 2. 624 s.

В этих публикациях отмечались значительные успехи князя в области финансов, оказавшие существенное влияние на экономику региона. В свою очередь, Д. Наврот обращал внимание на участие князя в политических проектах по восстановлению ВКЛ в 1811–1812 гг. в составе Российской империи [3, с. 79–96].

В то же время роль К. Ф. Друцкого-Любецкого в системе российского управления и, в частности, в качестве исправляющего должность (далее – и. д.) гродненского гражданского губернатора остается малоисследованной. Белорусские историки (В. В. Швед и С. В. Донских [4], Т. Ю. Афанасьева [5, с. 29–32], А. В. Ерошевич [6], А. Г. Роюк [7]) затрагивали лишь отдельные сюжеты, связанные с его деятельностью по восстановлению в начале 1813 г. российской администрации в Гродно. Однако конкретная роль и степень вовлеченности К. Ф. Друцкого-Любецкого в мероприятия этого периода так и не были раскрыты.

Вопросы провиантского обеспечения российских войск в белорусско-литовских губерниях в 1812–1813 гг., к которым имел непосредственное отношение К. Ф. Друцкий-Любецкий, нашли отражение в публикациях А. М. Лукашевича (деятельность Главного комитета военных повинностей (ГКВП);

поставка провианта и фуража российским войскам и проблема их компенсации; роль преемника князя, К. К. Лешерна, на должности гродненского гражданского губернатора) [8–10]. Тем не менее многие аспекты административной деятельности К. Ф. Друцкого-Любецкого в 1813 г. остаются неисследованными.

Цель настоящей статьи – раскрыть основные направления деятельности князя К. Ф. Друцкого-Любецкого в качестве и. д. гродненского гражданского губернатора (январь – март 1813 г.). Для ее реализации были определены следующие задачи: 1) выявить обстоятельства назначения в январе 1813 г. К. Ф. Друцкого-Любецкого в качестве и. д. гродненского гражданского губернатора и причины его скорого отзыва с должности; 2) раскрыть роль князя в деятельности временной Гродненской губернской исполнительной комиссии в 1813 г.; 3) проследить участие К. Ф. Друцкого-Любецкого в создании люстрационных комиссий и возобновлении работы ГКВП, призванных обеспечить сбор сведений о материальном ущербе, который был нанесен жителям края в 1812 г.; 4) выявить круг недоброжелателей и покровителей князя и определить степень их влияния на карьерный рост чиновника в рассматриваемый период.

Методология исследования

При подготовке статьи использовались различные методы исследования. В основу положен историко-биографический метод, который позволил провести реконструкцию карьеры и анализ результатов деятельности К. Ф. Друцкого-Любецкого в один из ключевых периодов его жизни. Изучение личности и. д. гродненского гражданского губернатора через призму истории повседневности (с помощью методов социальной психологии) позволило проследить взаимоотношения князя с сослуживцами (например, литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков), в том числе с теми, кто интриговал против него (гродненские вице-губернатор В. Ф. Багговут и комендант О. М. Кленовский). Благодаря историко-сравнительному методу удалось сопоставить точки зрения различных российских чиновников и военных на решение наиболее важных для местного общества вопросов. Использование этих методов в совокупности способствовало более глубокому пониманию роли К. Ф. Друцкого-Любецкого в восстановлении российской администрации в Гродненской губернии в начале 1813 г.

При подготовке статьи широко использовались материалы делопроизводства гражданского и воен-

ного ведомств (предписания, отношения и предложения литовского военного губернатора А. М. Римского-Корсакова; рапорты, донесения и предписания К. Ф. Друцкого-Любецкого; официальная переписка иных чиновников губернской администрации с министерствами и ведомствами). Большинство из них были опубликованы в пятой книге издания «Виленский временник»⁵ или хранятся в архивах Беларуси и России. В частности, постановления временной Гродненской губернской исполнительной комиссии сохранились в деле о деятельности Административной комиссии Гродненского департамента наполеоновской администрации⁶. В свою очередь, приказы о назначениях К. Ф. Друцкого-Любецкого в 1813 г. представлены в делах Канцелярии гродненского губернатора⁷ и Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел⁸.

Значительный интерес представляет переписка К. Ф. Друцкого-Любецкого с А. М. Римским-Корсаковым и С. Ф. Урсын-Немцевичем по вопросам передачи последнему дел по управлению Гродненской губернией в сентябре 1816 г.⁹, а также показания К. Ф. Друцкого-Любецкого графу А. А. Аракчееву в 1816–1817 гг. в рамках расследования

⁵Виленский временник. Кн. 5 : Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг., ч. 2 : Переписка по части гражданского управления [с введ. и под ред. Ю. В. Татищева]. Вильна : [Губ. тип.], 1913. [4], 128, 355 с., 12 л. ил., портр.

⁶Нац. ист. арх. Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 1168. Оп. 1. Д. 9.

⁷Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 31–32.

⁸РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1813 г. Д. 40.

⁹Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1644. Л. 50, 51–53 об.

о злоупотреблениях в Провиантском департаменте Военного министерства и причастности к ним губернатора К. К. Лешерна¹⁰. Роль К. Ф. Друцкого-Любецкого в организации провиантского и фуражного обеспечения российской армии в начале 1813 г. можно выявить посредством анализа предписаний главнокомандующего российскими армиями светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (далее – М. И. Кутузов) литовскому военному губернатору и другим лицам, которые были опубликованы в пятом томе сборника документов «М. И. Кутузов»¹¹.

Специфику эпохи начала XIX в. удалось проследить по мемуарным свидетельствам современников (М. К. Огинский¹², О. А. Пржецлавский). Особую ценность среди них представляют частные рассказы

(воспоминания) самого К. Ф. Друцкого-Любецкого, записанные с его слов секретарем О. А. Пржецлавским и дополненные наблюдениями и личными рассуждениями этого чиновника¹³.

Все персональные данные о служащих центральной, губернской и поветовой администрации установлены по справочным изданиям начала XIX в. – месяцесловам (адрес-календарям)¹⁴. Поскольку Гродненская губерния (вместе с Виленской губернией) до 1840 г. официально имела двойное наименование (Литовско-Гродненская или Литовско-Виленская губерния), то в случае цитирования в статье используются оригинальные названия. В остальных случаях для обобщения употребляется термин «белорусско-литовские губернии». Все даты в статье приводятся по старому (юлианскому) календарю.

Результаты и их обсуждение

Назначение и. д. гражданского губернатора.

В служебной деятельности К. Ф. Друцкого-Любецкого (рис. 1) особое место занимал период с января по март 1813 г., когда по просьбе М. И. Кутузова он в спешном порядке по приказу императора Александра I был возвращен из Санкт-Петербурга в Гродно. Здесь губернский маршал (маршалок, предводитель дворянства) должен был заняться восстановлением российской администрации. Дело в том, что гродненский гражданский губернатор (1803–1813) действительный тайный советник В. С. Ланской с июня 1812 г. находился при Главной квартире и фактически являлся «главноуправляющим по части продовольствия армий»¹⁵ (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала).

После занятия российскими войсками в декабре 1812 г. Гродно местная администрация была представлена только гродненским поветовым¹⁶ маршалом статским советником М. Ф. Анджейковичем (Бутовт-Анджейковичем). Он же временно являлся «правлящим должность» губернского маршала. Этот представитель местного шляхетского рода был братом четвертой жены бывшего литовского военного губернатора (1801–1806), а с августа по ноябрь 1812 г. – начальника Главного штаба соединенных российских армий¹⁷ генерала от ка-

валерии Л. Л. Беннигсена (1745–1826)¹⁸, поэтому ему и доверили временное управление текущими губернскими делами.

Рис. 1. Франциск-Ксаверий Друцкий-Любецкий (1778–1846). Портрет работы М. Э. Гомье. Масло. 1825.

Национальный музей в Варшаве.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Franciszek_Ksawery_Drucki-Lubecki_by_Marie_Prévot_Gomier.PNG

Fig. 1. Francis-Xaveriy Drucky-Lubetsky (1778–1846). Portrait by M. E. Gomie. Oil. 1825.

National Museum in Warsaw.

Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Franciszek_Ksawery_Drucki-Lubecki_by_Marie_Prévot_Gomier.PNG

¹⁰РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1644. Л. 33–38.

¹¹М. И. Кутузов : сб. док. : в 5 т. Т. 5 / под ред. Л. Г. Бескровного. М. : Воен. изд-во, 1956. XXXVI, [4], 827, [2] с. : табл.

¹²Мемуары Михала Клеофаса Огинского: о Польше и поляках с 1788 года до конца 1815 года = *Mémoires de Michel Oginski, sur la Pologne et les Polonais: depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815* : в 2 т. Т. 2 / [М. К. Огинский ; пер. с фр. В. И. Базарова, Л. А. Казыро]. Минск : Четыре четверти, 2015. 438, [1] с.

¹³Пржецлавский О. А. Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий // Рус. старина. 1878. Т. XXI. С. 625–648 ; Т. XXII. С. 67–92.

¹⁴Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813 : в 2 ч. СПб. : Имп. акад. наук, 1813. Ч. 1. XL, 672 с. ; Там же. Ч. 2. X, 527 с.

¹⁵М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 166.

¹⁶Уезды белорусско-литовских («польских») губерний в первой трети XIX в. именовались в документах поветами.

¹⁷Название Главного штаба в статье приводится в соответствии с тем, как оно указано в архивных документах.

¹⁸Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 118.

В декабре 1812 г. и первых числах января 1813 г. на имя М. Ф. Анджейковича адресовались все распоряжения литовского военного губернатора (1806–1809, 1812–1830) генерала от инфантерии А. М. Римского-Корсакова¹⁹. Однако М. Ф. Анджейкович не пользовался полным доверием у М. И. Кутузова, который узнал его за годы службы в качестве литовского военного губернатора (1809–1812). По этой причине в качестве и. д. гродненского гражданского губернатора был выбран К. Ф. Друцкий-Любецкий. И этот выбор оказался не случаен.

Среди местных уроженцев, в своем большинстве в 1812 г. поддержавших Наполеона, К. Ф. Друцкий-Любецкий был одним из немногих, кто остался верен российскому правительству [3, с. 53–169; 8, с. 68–69]. С началом войны (переправа Великой армии через Неман началась 12 июня 1812 г.) он вслед за Александром I 14 июня покинул Вильну. Примеру князя последовали виленский (К. А. Сулистровский) и минский (Л. М. Рокицкий) губернские маршалы, а также бывший генерал-лейтенант войск ВКЛ во время восстания 1794 г. Т. А. Вавжецкий²⁰. «Удаление местных губернских предводителей [дворянства] знаменовало вольный или невольный отказ их от участия в замыслах так называвшейся французской партии, которая с уходом русских войск, по-видимому, должна была взять перевес в местной политической жизни», – отмечали составители пятой книги издания «Виленский временник»²¹. Впрочем, по свидетельству мемуаристов²² и польских исследователей [3, с. 196, 291], отъезд этих магнатов из Вильны был не вполне добровольным, так как они получили соответствующие предписания российских властей.

Чем же было обусловлено подобное не вполне логичное для уроженцев белорусско-литовских («польских» в понимании русских чиновников и военных) губерний поведение? Дело в том, что в 1784 г. в 6-летнем возрасте родители определили Франциска-Ксаверия для воспитания в Сухопутный кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В нем юноша пробыл 13 лет, проявив во время учебы большие способности к математике. Впоследствии они сыграли значительную роль в его карьере.

За годы пребывания К. Ф. Друцкого-Любецкого в Санкт-Петербурге Речь Посполитая пережила второй (1793) и третий (1795) разделы и прекратила свое существование. Поэтому воспитанный в пророссийском духе юноша, произведенный в 1797 г. в прапорщики, посвятил себя военной службе уже новому государству. В составе Низовского мушкетерского полка молодой офицер принял участие

в Итальянском и Швейцарском походах (1799) генерал-фельдмаршала графа А. В. Суворова-Рымникского и за отличие при осаде крепости Алессандрия (июль 1799 г.) был награжден чином подпоручика и орденом Святой Анны 3-й степени. Однако из-за полученной контузии он уже в 1800 г. вышел в отставку и поселился в своих имениях в Гродненской губернии [1, с. 5–16; 2, с. 27–28].

В 1809 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий был избран гродненским поветовым маршалом. В 1811 г. он составил документ «Мемориал о положении польских губерний, особенно с экономической точки зрения» («Memoriał o położeniu polskich guberni zwłaszcza pod względem ekonomicznym») [2, с. 26; 3, с. 68], в котором поднял перед Александром I вопрос о необходимости уравнивания в податях Гродненской губернии с иными регионами империи. Учитывая напряженную политическую ситуацию в белорусско-литовских губерниях, российский император попытался нейтрализовать профранцузское влияние в регионе за счет проектов восстановления автономного ВКЛ, а также поддержал уравнивание в налогах жителей не только Гродненской, но и Виленской губерний [2, с. 28–31; 3, с. 53–169; 6]. Благодаря этому князь приобрел авторитет в глазах российского монарха.

Во время наполеоновского нашествия К. Ф. Друцкий-Любецкий находился в Санкт-Петербурге. Император причислил его к Министерству полиции²³. Неудивительно, что после разгрома и изгнания Великой армии 14 декабря 1812 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий заочно был избран гродненским губернским маршалом²⁴. В связи с этим для Александра I выбор чиновника, который временно исправлял бы должность гражданского губернатора, был очевиден. И он вызвал князя в Вильну, о чем сообщил литовскому военному губернатору²⁵.

Ожидая прибытия К. Ф. Друцкого-Любецкого, 7 января 1813 г. А. М. Римский-Корсаков сообщил ему о своем предписании М. Ф. Анджейковичу, чтобы тот «все те требования и предписания передал вам и объяснил, какое сделано по оным исполнение и которые из них остаются к исполнению»²⁶. Военный губернатор просил князя обратить внимание «на все вообще предметы, в особенности по продовольствию войск, по части земских полиций, по учреждению почт, по денежным сборам, как на лицо состоящим, так и потом вступать долженствующим, и, наконец, по течению дел в восстанавливаемой губернской временной комиссии»²⁷. «Словом вам поручаю я впредь до назначения туда гражданского губернатора вникнуть во все, что относиться мо-

¹⁹Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 118.

²⁰Там же. Разд. 1. С. 17.

²¹Там же.

²²Мемуары Михала Клеофаса Огинского: о Польше и поляках с 1788 года до конца 1815 года... Т. 2. С. 112–118.

²³Пржецлавский О. А. Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий... Т. XXI. С. 632.

²⁴Там же; Новодворский В. В. Друцкий-Любецкий, Франциск-Ксаверий... Т. 6. С. 695–696.

²⁵Новодворский В. В. Друцкий-Любецкий, Франциск-Ксаверий... Т. 6. С. 695–696.

²⁶Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 118.

²⁷Там же.

жет к порядочному течению дел в губернии, и что вами усмотрено будет нужным к дополнению или исправлению, прошу мне доносить», – резюмировал А. М. Римский-Корсаков²⁸. Подобная просьба была обусловлена тем, что гродненскому вице-губернатору В. Ф. Багговуту (он уже вернулся к месту службы из эвакуации) военный губернатор не доверял.

По прибытии к месту службы 13 января 1813 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий официально был назначен и. д. гродненского гражданского губернатора²⁹. Впрочем, он занимал ее всего 6 недель.

Губернские исполнительные комиссии как вид переходной администрации. После изгнания наполеоновских войск российские власти столкнулись с большой проблемой в налаживании мирной жизни в Виленской и Гродненской губерниях. Эта проблема была связана с тем, что многие чиновники губернской администрации летом 1812 г. покинули край вместе с отступавшими войсками и зимой 1813 г. не спешили в него возвращаться. Эвакуированными оказались и губернские архивы.

В этих условиях в декабре 1812 – январе 1813 г. литовский военный губернатор с разрешения Александра I пошел на создание в Вильне и Гродно временных губернских исполнительных комиссий, состоящих из бывших сотрудников наполеоновской администрации. Фактически эти комиссии представляли собой органы управления переходного вида и должны были действовать до восстановления «присутственных мест» (губернского правления и казенной палаты)³⁰.

Виленская губернская исполнительная комиссия была образована 7 декабря 1812 г. Первоначально ее возглавил А. Лявданский, который в 1812 г. являлся членом комитета юстиции Комиссии временного правительства ВКЛ. С 8 по 13 декабря 1812 г. и с 25 декабря 1812 г. по 6 марта 1813 г. «заступающим место» (т. е. исполняющим обязанности председателя) был граф А. Хрептович, являвшийся в 1812 г. членом наполеоновской администрации Виленского департамента. Наконец, с 13 по 25 декабря 1812 г. комиссию временно возглавлял виленский гражданский губернатор действительный статский советник А. С. Лавинский (рис. 2).

Виленская губернская исполнительная комиссия состояла из трех отделов: продовольственного отдела; отдела, занимающегося внутренним управлением (до 25 декабря 1812 г., с 30 декабря эти функции были переданы восстановленному Виленскому губернскому правлению); финансового отдела. Члены исполнительной комиссии выполняли различные предписания начальства, а также решали вопросы «подчиненных ей мест» – городских дум, магистратов и земских повестовых начальников.

Рис. 2. Александр Степанович Лавинский (1776–1844). Гравюра М. Д. Подолинского по портрету Я. Рустема. 1813. Источники: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_Alexander_Stepanovich_Lavinsky.jpg

Fig. 2. Alexander Stepanovich Lavinsky (1776–1844). Engraving by M. D. Podolinsky based on a portrait by J. Rustem. 1813. Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_Alexander_Stepanovich_Lavinsky.jpg

В январе 1813 г. были разработаны Правила к руководству Виленской губернской временной исполнительной комиссией, которые определили порядок производства дел, штат генеральной канцелярии (19 человек) и ее содержание. Эта комиссия была упразднена 6 марта 1813 г., накануне открытия Виленской губернской казенной палаты (8 марта 1813 г.).

В свою очередь, Гродненская губернская исполнительная комиссия была образована на месяц позднее – 6 января 1813 г. Первоначально ее возглавил гродненский поветовый маршал М. Ф. Анджейкович (рис. 3). «По невозможности донести Гродненского губернского правления и казенной палаты чтобы в течении дел не было остановки и не могло произойти от того вреда для пользы службы, признал я нужным оставить впредь до времени в своей силе и действии бывшую в Гродне администрацию под названием Гродненской губернской исполнительной комиссии», – говорилось в предписании А. М. Римского-Корсакова от 6 января 1813 г. временно исполняющему обязанности гродненского гражданского губернатора³¹.

Литовский военный губернатор поручил М. Ф. Анджейковичу объявить членам бывшей наполеоновской администрации о том, что они обязаны немедленно заняться «отправлением своих обязанностей в нынешней комиссии»³². Гродненская комиссия также состояла из трех отделов и должна была заниматься провиантским и фуражным обеспечением российских войск, решать внутренние вопросы, управлять финансами, а также исполнять приказы высших учреждений³³.

²⁸ Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 118.

²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1813 г. Д. 40. Л. 1–4; НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 31–32.

³⁰ Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 157–158.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же.

³³ Там же.

Рис. 3. Михаил Фаддеевич Бутовт-Анджейкович (1778–1830).
Гравюра неизвестного автора. 1813–1819.

Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_Mikhail_Faddeevich_Butovt-Andrzejkovich_\(1778-1830\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_Mikhail_Faddeevich_Butovt-Andrzejkovich_(1778-1830).jpg)

Fig. 3. Mikhail Faddeevich Butovt-Andrzejkovich (1778–1830).
Engraving by an unknown author. 1813–1819.

Source: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_Mikhail_Faddeevich_Butovt-Andrzejkovich_\(1778-1830\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_Mikhail_Faddeevich_Butovt-Andrzejkovich_(1778-1830).jpg)

К. Ф. Друцкий-Любецкий возглавил Гродненскую губернскую исполнительную комиссию 7 января 1813 г. В предписании от 11 января 1813 г. А. М. Римский-Корсаков сформулировал для него первоочередные задачи. В частности, поскольку во время пребывания на Гродненщине наполеоновских войск «производились денежные сборы, на разные предметы и под разными предложениями устанавливаемые; сверх того собирались провиант, фураж, скот, вино и прочее»³⁴, К. Ф. Друцкому-Любецкому поручалось приступить к сбору подробных сведений об этом и представить ведомость³⁵.

Деятельность К. Ф. Друцкого-Любецкого в качестве главы губернской исполнительной комиссии. Одним из первых вопросов, которые пришлось решать К. Ф. Друцкому-Любецкому, являлся сбор податей. Поскольку в 1812 г. производился сбор на дрова для войск, на свечи и на содержание военных госпиталей, то 13 января 1813 г. А. М. Римский-Корсаков предписал «сделать распоряжение, дабы сей сбор в определенном уже количестве при бывшем здесь французском правлении как наискорее и бездоимочно взыскан был в уездные казначейства»³⁶.

В отношении потенциальных «неисправных плательщиков» разрешалось использовать «не только содействие городских и земских полиций, но, буде нужно, и военную экзекуцию»³⁷. С этой целью

А. М. Римский-Корсаков поручил местной полиции «безостановочно удовлетворить все могущие последовать к ним требования»³⁸.

К. Ф. Друцкий-Любецкий 21 января 1813 г. сообщил военному губернатору, что для отопления квартир военнослужащих и военных госпиталей, а также для удовлетворения иных «подобных надобностей» он предписал собрать с каждых 12 мужских душ по 1 кубической сажени дров³⁹. В то же время князь обращал внимание на то, что «здешние помещики по теперешнему военному времени в большей части лишены скота и лошадей, сверх того будучи обязаны к поставкам, как в путевые магазейны, так и в Гродненский запасный, могут затруднить поставку сказанных дров»⁴⁰. По этой причине он просил у А. М. Римского-Корсакова распоряжения о том, чтобы часть дров от обывателей доставить подрядом, как это делалось при наполеоновской администрации. Остальную сумму князь просил разрешить «заимствовать из поступающих по городам акцизных денег с возвратом оных за поступлением земской повинности»⁴¹.

К. Ф. Друцкий-Любецкий (рис. 4) 4 февраля 1813 г. представил А. М. Римскому-Корсакову справку, в которой сообщалось, что «на закупку дров и на содержание военных госпиталей не было здесь никаких особенных сборов, но те предметы удовлетворяемы были из общих податей и доходов, в числе коих учрежден был сбор на экстренные внутренние надобности по 1 золотому со всякого дыма»⁴². В связи с этим губернская исполнительная комиссия издала распоряжение о взимании этих недоимок.

Впрочем, литовский военный губернатор остался не совсем доволен. 15 февраля 1813 г. он пояснил К. Ф. Друцкому-Любецкому, что в предписании от 13 января речь шла не о взыскании недоимок по постановлению французской администрации на дрова, свечи и лазареты, а об определении полного сбора на все, что взималось в губернии, и о взыскании земских повинностей и сборов за 1812 г. и в 1813 г.⁴³

А. М. Римский-Корсаков просил прислать ведомость о сумме, подлежащей к сбору «тех и других денег», а в дальнейшем – ежемесячно доставлять данные «о состоящих в губернском и в уездных казначействах сборах»⁴⁴, что и было исполнено.

В январе 1813 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий обратил внимание и на необходимость взыскания всех податей и сборов с евреев (он был хорошо знаком с вопросом по работе в губернском комитете по устройству быта евреев).

³⁴Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 120.

³⁵Там же.

³⁶Там же. С. 120–121.

³⁷Там же. С. 121.

³⁸Там же.

³⁹Там же.

⁴⁰Там же.

⁴¹Там же.

⁴²Там же. С. 123.

⁴³Там же. С. 123–124.

⁴⁴Там же. С. 124.

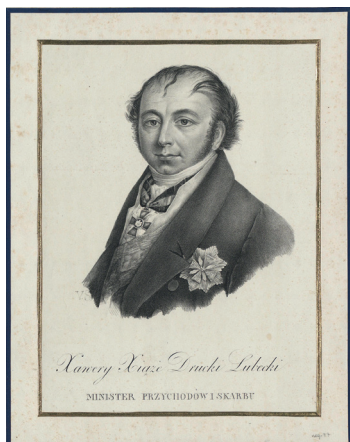

Рис. 4. Князь Ксаверий Друцкий-Любецкий, министр доходов и казначейства, кавалер многих орденов. Гравюра В. Сливицкого. Около 1825 г.

Источник: <https://polona.pl/item-view/45db946d-866c-41c8-b3bb-c05cc8b5feb7?page=0>

Fig. 4. Prince Xaveriy Drucky-Lubetsky, Minister of Revenue and Treasury, holder of many orders. Engraving by W. Śliwicki. Around 1825.

Source: <https://polona.pl/item-view/45db946d-866c-41c8-b3bb-c05cc8b5feb7?page=0>

Дело в том, что до вторжения Наполеона В. С. Ланской обнаружил злоупотребления в гродненском еврейском кагале. Они заключались в утайке ревизских душ и «в выдаче свидетельств на получение плакатных паспортов праздню шатающимся евреям с подложным, после обнаружения первого подлога вписанием их в ревизские сказки»⁴⁵. Для искоренения подобных злоупотреблений губернское правление возложило выдачу свидетельств на городовые магистрат и ратуши и издало специальное предписание. Благодаря этому «уже никто из евреев не мог получить плакатного паспорта без верного удостоверения, что записан он по ревизии, и что не числится на нем недоимки государственных податей, и нет никаких других препятствий к выезду»⁴⁶. После изгнания Наполеона гродненский еврейский кагал попытался добиться аннулирования этих ограничений, однако К. Ф. Друцкий-Любецкий ему отказал. И только в 1814 г. это распоряжение по просьбе еврейского кагала новым «губернатором Лешерном [было] уничтожено»⁴⁷.

Кроме того, К. Ф. Друцкий-Любецкий обнаружил, что после изгнания Наполеона не возобновилось взимание коробочного сбора – особенного вида подати с евреев «на zapлату еврейских долгов, пред нами их издревле оставленных и принадлежащих не только частным лицам, но и разным

институтам»⁴⁸. Поскольку до лета 1812 г. эти сборы отдавались правительством на откуп и регулярно поступали в казну, князь выступал за их возобновление. Однако в 1813 г. это намерение он так и не успел привести в действие⁴⁹.

Наиболее важным вопросом для российских властей зимой 1813 г. являлась организация снабжения действующей армии провиантом и фуражом. Основным резервом для российских войск в приграничье служили запасные магазины (склады). Их наполнение возлагалось на «главноуправляющего по части продовольствия армий» сенатора В. С. Ланского⁵⁰ и осуществлялось за счет реквизиций через гражданских губернаторов, губернских и поветовых маршалов [4, с. 191].

В дополнение к установленным 8 декабря 1812 г. местам для запасных магазинов⁵¹ М. И. Кутузов 13 января 1813 г. предписал В. С. Ланскому учредить новые магазины в Гродно, Белостоке, Бельске, Дрогичине и Таурогене. В частности, запасной магазин в Гродно должен был содержать 25 тыс. четвертей муки (с пропорцией круп) и 15 тыс. четвертей овса. Обеспечить этот сбор предписывалось «из недоимки по реквизициям французского правительства», а если ее будет недостаточно, то необходимо было наладить «новый сбор»⁵². 16 января 1813 г. о создании запасных магазинов в Виленской и Гродненской губерниях на имя А. М. Римского-Корсакова последовал рескрипт⁵³.

Наполнение Гродненского запасного магазина возлагалось на губернскую исполнительную комиссию. Многие представители местной шляхты и магнаты были скомпрометированы сотрудничеством с Наполеоном, поэтому они приняли активное участие в поставках провианта и фуража на реквизиционной основе. По некоторым данным, в январе 1813 г. в Гродно существовал 21 провиантский магазин. Часть из них была заложена еще при наполеоновской администрации, а сохранившиеся в них запасы достались российским войскам в качестве трофея [4, с. 190–191]⁵⁴.

Кроме того, для передвигавшихся войск и воинских команд в пределах империи создавалась сеть расходных магазинов (к их числу относились и путевые магазины на военных дорогах). Создание этих магазинов с 16 января 1813 г. перешло к Провиантскому департаменту Военного министерства [10, с. 9]. В частности, формирование расходных магазинов в Виленской и Гродненской губерниях,

⁴⁵РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1644. Л. 36–36 об.

⁴⁶Там же. Л. 36 об.

⁴⁷Там же.

⁴⁸Там же. Л. 37.

⁴⁹Там же.

⁵⁰М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 166.

⁵¹Там же. С. 120.

⁵²Там же.

⁵³Там же. С. 192.

⁵⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 1168. Оп. 1. Д. 9. Л. 21–21 об.

а также в Белостокской области возлагалось на Виленскую провиантскую комиссию («Комиссию Виленского провиантского депо») под руководством чиновника 7-го класса Н. И. Посникова⁵⁵. Она подчинялась литовскому военному губернатору.

Виленская провиантская комиссия должна была наполнять расходные магазины за счет казенных средств с помощью подрядных поставок⁵⁶. Однако этот порядок фактически не действовал. В связи с недостатком финансовых средств и чиновников в Провиантском департаменте 6 января 1813 г. М. И. Кутузов просил А. М. Римского-Корсакова «всеми мерами побуждать местные начальства о поставке провианта и фуража посредством реквизиций из тех мест, которые наименее потерпели, прекращая тем самым взаимную неудобность фуражировки и для войск, и для жителей»⁵⁷. По этой причине в рапорте Александру I от 13 января 1813 г. главнокомандующий сообщал, что по большим трактам Виленской и Гродненской губерний он предписал заложить через 50–60 верст сеть путевых магазинов (создавались в Каменце, Скиделе, Белице, Желудке, Шучине, Кореличах, Мире и Новогрудке) [4, с. 191]⁵⁸. В каждом из них должна была содержаться месячная норма провианта на 5 тыс. человек и фуража на 2 тыс. лошадей (с постоянным пополнением). Поставку запасов в них следовало осуществлять также реквизиционным способом⁵⁹. Более того, в населенных пунктах, где для больших провиантских запасов не было пригодных помещений, приказывалось хозяйственным попечением начальников губерний непременно изыскать «средства к устройению кровельной защиты для сбережения запасов при сближающихся весенних ненастьях от повреждения»⁶⁰. В связи с этим К. Ф. Друцкий-Любецкий должен был приложить немало усилий для выполнения всех приказов главнокомандующего.

Кроме того, князю пришлось заниматься судьбой военнопленных – уроженцев белорусско-литовских губерний, мобилизованных в наполеоновскую армию (официально они числились в польских частях Великой армии). В частности, 17 февраля 1813 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий сообщил А. М. Римскому-Корсакову (рис. 5) о том, что правитель Белостокской области действительный статский советник С. А. Щербинин препроводил к нему два письма. К ним прилагались допросные листы 24 человек, мобилизованных в 1812 г. в белорусско-литовских губерниях «в польскую службу» (они по причине болез-

ни находились в лазаретах). После изгнания Великой армии российские войска распустили эти лазареты, и мобилизованные изъявили желание «возвратиться в места своего рождения»⁶¹.

Рис. 5. Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840). Портрет работы А. Г. Варнека. Масло. Конец 1820-х гг. Государственная Третьяковская галерея. Источник: Турчин В. С. Александр Григорьевич Варнек, 1782–1843. М. : Искусство, 1985. С. 84

Fig. 5. Alexander Mikhailovich Rimsky-Korsakov (1753–1840). Portrait by A. G. Varnek. Oil. Late 1820s. State Tretyakov Gallery. Source: Turchin V. S. Alexander Grigorievich Varnek, 1782–1843. Moscow : Iskusstvo, 1985. P. 84

О судьбе этих 24 человек К. Ф. Друцкий-Любецкий отдал предписание позаботиться гродненской городской (городской) полиции (они находились под ее присмотром). Трех мобилизованных, которые указали, что являются уроженцами Минской (один) и Витебской (двое) губерний, поручалось отправить «посредством городских и земских полиций» в Минск и Витебск. Остальных подопечных (21 человек) князь предписал препроводить к гродненскому коменданту «при списке»⁶². Запросив у А. М. Римского-Корсакова указания о том, «как поступить с таковыми людьми», князь поручил коменданту полковнику О. М. Кленовскому содержать этих крестьян у себя до указаний военного губернатора⁶³.

А. М. Римский-Корсаков 25 февраля 1813 г. приказал гродненскому коменданту отосланных от К. Ф. Друцкого-Любецкого «21 человека, взятых в неприятельскую службу из ваших губерний, причислить также в службу в ближний полк или команду, какая ныне в Гродне имеется, и впредь с подобными

⁵⁵М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 74 ; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813... Ч. 1. С. 225.

⁵⁶М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 120, 192–193.

⁵⁷Там же. С. 74.

⁵⁸НИАБ в г. Гродно. Ф. 1168. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 27.

⁵⁹М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 120.

⁶⁰Там же. С. 121.

⁶¹Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 153.

⁶²Там же.

⁶³Там же.

людьми поступать таким же образом»⁶⁴. Коменданту также поручалось установить, «кто же они таковы и в какие точно полки или команды причислены будут» и представить их именной список⁶⁵.

Однако 7 марта 1813 г. О. М. Кленовский сообщил А. М. Римскому-Корсакову, что К. Ф. Друцкий-Любецкий вместо 21 человека прислал только 17. Также он рапортовал, что в силу предписания, полученного от начальника Главного штаба армий генерал-адъютанта князя П. М. Волконского, снабдил этих пленных билетами и отправил «на прежние жилища»⁶⁶. И поскольку указания двух генералов расходились, О. М. Кленовский просил инструкций, как поступать в подобных случаях в будущем: «...должен ли я отныне и в рассуждении означенных людей по настоящему предписанию вашего высокопревосходительства поступать или выполнять таковое ж, от начальника Главного штаба всех армий князя Волконского, прежде мне данное»⁶⁷. В итоге приоритет был отдан указаниям Главного штаба.

Помимо этого, К. Ф. Друцкий-Любецкий способствовал возобновлению деятельности судебных учреждений и казенной палаты. По требованию литовского военного губернатора при содействии К. Ф. Друцкого-Любецкого 25 января 1813 г. начал свою работу 1-й департамент Гродненского (официально – Литовско-Гродненского) главного суда⁶⁸. Первоначально он занимался текущими делами, а также рассмотрением дел, заведенных еще до наполеоновского нашествия (тех из них, которые не были вывезены из губернии). Что касается дел, эвакуированных вглубь империи, то Главный суд обратился к К. Ф. Друцкому-Любецкому с просьбой оказать содействие в их скорейшем возвращении в Гродно⁶⁹.

К 31 января 1813 г. в Гродненском, Лидском, Новогрудском и Пружанском поветах были заново открыты городские суды. Они безотлагательно занялись «пополнением прежних дел», а «вновь вступающие» производили «следственным порядком»⁷⁰. В то же время наблюдалась задержка возобновления работы Волковысского, Слонимского, Кобринского и Брестского городских судов. Поэтому и. д. гродненского губернского прокурора надворный советник А. Е. Заверский⁷¹ просил К. Ф. Друцкого-Любецкого «о понуждении оных, чрез кого следует, приведением в действие»⁷².

К началу февраля 1813 г. большинство городских судов возобновили свою деятельность. Дольше всех задержка в начале работы наблюдалась в Кобринском и Слонимском городских судах, поэтому К. Ф. Друцкий-Любецкий направил им повторные предписания⁷³. К концу февраля они также возобновили свою деятельность.

Министр финансов Д. А. Гурьев 26 февраля 1813 г. обратился к А. М. Римскому-Корсакову с просьбой о возобновлении работы губернской казенной палаты. Он просил ускорить открытие «казенных палат в обеих Литовских губерниях так, чтобы они могли действовать сами собою по силе данных им наставлений»⁷⁴.

В свою очередь, еще 15 февраля 1813 г. с подачи К. Ф. Друцкого-Любецкого А. М. Римский-Корсаков просил министра финансов сделать предписания о скорейшем возвращении на место дел Гродненской казенной палаты, ее чиновников и канцеляристов⁷⁵. Через месяц, 15 марта 1813 г., литовский военный губернатор проинформировал Д. А. Гурьева о том, что после возвращения из Новгорода архивных дел (ревизских сказок и окладных книг) 1 марта 1813 г. возобновила свою работу Виленская казенная палата. А. М. Римский-Корсаков также уведомил министра о том, что архивные дела Гродненской казенной палаты еще не были возвращены⁷⁶. В связи с этим К. Ф. Друцкий-Любецкий со своей стороны сделал дополнительные напоминания всем заинтересованным лицам и учреждениям.

После возобновления деятельности Гродненского губернского правления и казенной палаты 10 июня 1813 г. губернская исполнительная комиссия была упразднена.

Организация подсчета материального ущерба, нанесенного жителям губернии. Еще 16 декабря 1812 г. министр финансов Д. А. Гурьев потребовал «от всех начальников губерний, в которых был неприятель», собрать сведения о количестве городов и сел, подвергшихся разорению противником. Одновременно следовало представить сведения о количестве людей, числившихся в них по данным последней ревизии (1811), и о том, «какая состоит за ними подать за 1812 год, ими не заплаченная, или (не)доимка, за прежнее время оставшаяся»⁷⁷.

⁶⁴Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 154.

⁶⁵Там же.

⁶⁶Там же.

⁶⁷Там же. С. 155.

⁶⁸Там же. С. 133.

⁶⁹Там же.

⁷⁰Там же.

⁷¹Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813... Ч. 2. С. 454.

⁷²Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 133.

⁷³Там же. С. 133–134.

⁷⁴Там же. С. 157.

⁷⁵Там же. С. 158.

⁷⁶Там же. С. 157–158.

⁷⁷Там же. С. 157.

В январе 1813 г. для организации подсчета ущерба, нанесенного войной жителям Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области, по инициативе А. М. Римского-Корсакова были созданы люстрационные комиссии. В своей деятельности они руководствовались инструкциями, разработанными комитетом продовольствия и магазинов Комиссии временного правительства ВКЛ.

А. М. Римский-Корсаков 30 января 1813 г. отдал соответствующие указания виленскому гражданскому губернатору и и. д. гродненского гражданского губернатора. При этом К. Ф. Друцкий-Любецкий сообщил военному губернатору, что он приступил к сбору сведений, однако встретил затруднение «по неимению в виду ревизских сказок, ведомостей о недоимках разных податей и сборов и других, необходимо нужных к соображению сведений»⁷⁸.

Поскольку из Виленской и Гродненской губерний сведений об ущербе в Министерство финансов не поступило, 26 февраля 1813 г. Д. А. Гурьев просил А. М. Римского-Корсакова продублировать приказание⁷⁹. Литовский военный губернатор 15 марта 1813 г. еще раз напомнил А. С. Лавинскому и К. Ф. Друцкому-Любецкому об «неукоснительном исполнении» требования министра финансов как по сбору сведений о разоренных городах и селах, так и о «взыскании недоимок и податей с тех жителей, которые не подверглись разорениям», и отправил им полученные 28 февраля от Д. А. Гурьева для этого формы⁸⁰.

Непосредственное отношение К. Ф. Друцкий-Любецкий имел и к возобновлению работы ГКВП, хотя формально инициатива исходила от другого представителя местного дворянства. Так, 1 марта 1813 г. слонимский поветовый маршал В. Ф. Пусловский [7] (рис. 6) от имени жителей Гродненской губернии предложил создать в Вильне «Комитет для расчета с жителями литовских губерний за реквизированные российскими войсками продовольственные и фуражные запасы»⁸¹. Это предложение поддержал М. И. Кутузов. Своим указом Александр I 2 марта 1813 г. восстановил ГКВП (председатель А. М. Римский-Корсаков; первоначально действовал в мае – июле 1812 г. [8]) и наделил его функциями подсчета ущерба⁸².

Свою деятельность ГКВП начал в мае 1813 г., когда К. Ф. Друцкий-Любецкий уже находился в Княжестве Варшавском. Полномочия комитета первоначально распространялись на Виленскую и Гродненскую губернии, позднее – и на Минскую губернию и Белостокскую область. С возобновлением деятельности ГКВП функции люстрационных комиссий были переданы восстановленным поветовым и губернским присутствиям этого комитета.

Рис. 6. Войцех Пусловский (1762–1833).
Портрет работы В. В. Ваньковича. Масло. 1820–1840.
Литовский художественный музей.

Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wojciech_Pusłowski._Войцех_Пуслоўскі_\(V._Vańkovič,_1820-40\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wojciech_Pusłowski._Войцех_Пуслоўскі_(V._Vańkovič,_1820-40).jpg)

Fig. 6. Wojciech Pusłowski (1762–1833).
Portrait by V. V. Vankovich. Oil. 1820–1840.
Lithuanian Art Museum.

Source: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wojciech_Pusłowski._Войцех_Пуслоўскі_\(V._Vańkovič,_1820-40\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wojciech_Pusłowski._Войцех_Пуслоўскі_(V._Vańkovič,_1820-40).jpg)

Первые сведения об ущербе, нанесенном войной Гродненской губернии, из-за слабой подготовки люстраторов стали поступать в ГКВП только в декабре 1813 г. Их сбор был закончен к началу 1816 г. По данным поветовых и губернских присутствий ГКВП в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и Белостокской области, стоимость уничтоженного (в том числе хлеба на полях и скота) и разрушенного (в том числе от различных реквизиций) имущества составила более 121 095 037 руб. 86 коп. ассигнациями (по Гродненской губернии – 32 535 616 руб. ассигнациями). Однако после рассмотрения в ГКВП сумма признанного ущерба от реквизиций по этим губерниям и области была сокращена до 10 894 177 руб. 54 коп. ассигнациями (по Гродненской губернии – до 3 226 059 руб. 87 ½ коп. ассигнациями) [3, с. 689–690; 9, с. 31]. К 1 июля 1816 г. ГКВП закончил свои подсчеты, составил сводную ведомость о реквизициях и передал ее для рассмотрения в Министерство финансов, после чего прекратил свое существование (поветовые и губернские учреждения были упразднены в мае 1816 г.) [9, с. 29–30].

Взаимоотношения с русскими военными и чиновниками. Концентрация в руках К. Ф. Друцкого-Любецкого – представителя местного дворянства практически всей власти в Гродненской губернии

⁷⁸Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 158.

⁷⁹Там же. С. 157.

⁸⁰Там же. С. 158.

⁸¹М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 338–340.

⁸²Там же.

вызывала зависть и ревность со стороны многих русских военных и чиновников. Одним из первых свое недовольство выказал гродненский вице-губернатор В. Ф. Багговут – потомок древнего шведского дворянского рода. С января 1807 г. он в течение 4 лет являлся виленским вице-губернатором, а в мае 1811 г. был переведен на равноценную должность в Гродно. В июне 1812 г. В. Ф. Багговут, как и другие российские чиновники, покинул Гродно вместе с отступавшими войсками 2-й Западной армии. Вице-губернатор вернулся на место своей службы 2 января 1813 г., однако фактически оказался не у дел⁸³.

В своем рапорте литовскому военному губернатору от 14 января 1813 г. В. Ф. Багговут настаивал на скорейшем возобновлении работы казенной палаты и предлагал изъять из ведения губернской исполнительной комиссии управление финансами⁸⁴. Однако его просьба осталась без удовлетворения. По этой причине он пожаловался своему непосредственному начальнику – министру финансов Д. А. Гурьеву (рис. 7). Вице-губернатор обвинял К. Ф. Друцкого-Любецкого в том, что он, «приняв на себя управление гражданской частью по Гродненской губернии, отбирает к себе все предписания, на имя казенной палаты приходящие, и требует об отдаче ему всех бумаг, полученных вице-губернатором на имя казенной палаты прежде восстановления в Гродне временной исполнительной комиссии, в коей ныне и дела по финансам производятся, так что вице-губернатор не имеет никакого о том сведения»⁸⁵.

В целях разрешения конфликтной ситуации 26 февраля 1813 г. министр финансов обратился к А. М. Римскому-Корсакову. Литовский военный губернатор 15 марта 1813 г. сообщил министру, что жалобы гродненского вице-губернатора на К. Ф. Друцкого-Любецкого беспочвенны. В частном порядке А. М. Римский-Корсаков уведомил Д. А. Гурьева о том, что он не мог доверить В. Ф. Багговуту управление: «...князь Любецкий... отправлял должность гражданского губернатора по моему предписанию, так как я, зная весьма близко г. вице-губернатора Багговута, не мог решитьсяверить ему сей должности»⁸⁶. И на том притязания В. Ф. Багговута окончились, хотя служебная ревность осталась.

Еще большую подозрительность по отношению к К. Ф. Друцкому-Любецкому проявлял гродненский комендант полковник О. М. Кленовский. Во время наполеоновского нашествия он находился в корпусе генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля в окрестностях Мозыря. После занятия российскими войсками Гродно офицер был оставлен в этом городе военным комендантом.

Рис. 7. Граф (с 1819 г.) Дмитрий Александрович Гурьев (1758–1825). Портрет работы Я. Ромбауера. Масло. 1818. Государственная Третьяковская галерея.
Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gurjev_Dmitry_\(1758-1825\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gurjev_Dmitry_(1758-1825).jpg)

Fig. 7. Count (since 1819) Dmitry Alexandrovich Guryev (1758–1825). Portrait by J. Rombauer. Oil. 1818. State Tretyakov Gallery.
Source: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gurjev_Dmitry_\(1758-1825\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gurjev_Dmitry_(1758-1825).jpg)

Помимо участия в конфликте, возникшем по поводу судьбы рекрутов – уроженцев белорусско-литовских губерний, гродненский комендант подозревал и. д. гражданского губернатора и в том, что князь содействует сокрытию в городе оружия. Согласно инструкции генерал-полицейстера армии Ф. Ф. Эртеля и предписанию А. М. Римского-Корсакова губернаторы должны были оказывать содействие в розыске оружия, оставшегося у жителей после наполеоновского нашествия. По мнению О. М. Кленовского, К. Ф. Друцкий-Любецкий уклонялся от подобной помощи.

О своих подозрениях гродненский комендант 11 апреля 1813 г. написал литовскому военному губернатору. Сообщая А. М. Римскому-Корсакову о своем обращении к князю за помощью в «отыскании кроющихся у обывателей под разными видами военнопленных и орудий разного рода», О. М. Кленовский настаивал на том, что от него «никакого не получил на то содействия»⁸⁷. Не реагировал К. Ф. Друцкий-Любецкий и на «повестки», которые комендант рассылал по городу. В связи с этим коменданту долгое время не удавалось обнаружить схроны оружия⁸⁸.

Тогда О. М. Кленовский пошел на хитрость, о которой сообщил А. М. Римскому-Корсакову: «Посредством употребленных мною мер и разных способов давно имел я подозрение, что должно крыться в старом замке военного гошпиталя оружие и другие припасы. Выспрашивая в этом бургграбия (бургомистра. – А. Л.) ононого замка Гиблера, получил от него объяснение,

⁸³Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 136.

⁸⁴Там же. С. 137.

⁸⁵Там же. С. 156–157.

⁸⁶Там же. С. 158.

⁸⁷Там же. С. 221.

⁸⁸Там же.

что в оной каморе находится оружие, но в неизвестном количестве» (рис. 8)⁸⁹. По этой причине 8 апреля 1813 г. комендант «приказал отбить двери и нашел в оном оружия, дул ружейных, тесаков, гранат и разного лому», о чем представил ведомость⁹⁰.

Рис. 8. Городно (Гродно). Старый замок. Художник Н. Орда. 1861–1869. Национальный музей в Кракове. Источник: Нестячук Л. М. Наполеон Орда. Шлях да Бацькаўшчыны : кніга-альбом. Мінск : Маст. літ., 2009. С. 215

Fig. 8. Gorodno (Grodno). Old Castle. Artist N. Orda. 1861–1869. National Museum in Krakow. Source: Nestyarchuk L. M. Napoleon Orda. The way to the Fatherland : book-album. Minsk : Mast. lit., 2009. P. 215

Впрочем, для К. Ф. Друцкого-Любецкого это подозрение О. М. Кленовского не имело никаких последствий, чего нельзя сказать о самом коменданте. Интриги против князя, карьера которого в 1813 г. со-

вершила быстрый взлет, не прошли бесследно. Весной того же года полковник О. М. Кленовский был отозван из Гродно и назначен командиром Орловского пехотного полка, которым и командовал до июня 1815 г.

К середине февраля 1813 г. Александр I определился и с кандидатурой нового гродненского гражданского губернатора. Своим указом от 14 февраля 1813 г. он назначил на эту должность витебского гражданского губернатора действительного статского советника К. К. Лешерна. Однако до определения нового места службы для К. Ф. Друцкого-Любецкого исполнение сенатского указа о назначении К. К. Лешерна было отложено до 10 марта 1813 г. [5, с. 28; 10, с. 10–11].

В свою очередь, 2 марта 1813 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий по приказу Александра I был отозван в Калиш в Главную квартиру и назначен советником (членом) временного Верховного совета Княжества Варшавского. Обязанности президента (генерал-губернатора) княжества император возложил на В. С. Ланского, а обязанности вице-президента – на сенатора, тайного советника Н. Н. Новосильцева. Советниками (членами) также были назначены Т. А. Вавжецкий и управляющий имениями саксонского короля в Княжестве Варшавском Л. де Коломб («советник по части финансов»)⁹¹.

В целом в этот период К. Ф. Друцкий-Любецкий пользовался особым политическим доверием Александра I, что и обусловило его последующий быстрый карьерный взлет. При этом в ближайшие годы князь оказал большое влияние на судьбу Княжества Варшавского и Королевства Польского.

Заключение

Таким образом, оценивая основные направления деятельности князя К. Ф. Друцкого-Любецкого в качестве и. д. гродненского гражданского губернатора (январь – март 1813 г.), можно сделать следующие выводы. На эту должность К. Ф. Друцкий-Любецкий был назначен в январе 1813 г. в условиях, когда российская местная администрация практически отсутствовала. По этой причине во главе Гродненской губернии, население которой в 1812 г. активно поддерживало Наполеона, главнокомандующий М. И. Кутузов и литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков предложили поставить именно К. Ф. Друцкого-Любецкого. Свою лояльность по отношению к российской власти он продемонстрировал не только до наполеоновского нашествия, но и в 1812 г., когда добровольно покинул губернию с отступавшими войсками. Кандидатуру К. Ф. Друцкого-Любецкого поддержал и Александр I, испытывавший определенную симпатию к этому представителю белорусско-литовского дворянства. Учитывая сильное влияние, которое К. Ф. Друцкий-

Любецкий имел на местные шляхетские и магнатские круги, по задумке российских властей он должен был в короткие сроки обеспечить восстановление губернской администрации. И, как оказалось, князь с успехом справился с возложенной на него миссией, что позволило Александру I уже в марте 1813 г. привлечь чиновника к выполнению более ответственных поручений в Княжестве Варшавском.

В начале 1813 г. К. Ф. Друцкий-Любецкий сыграл важную роль в восстановлении российской губернской администрации. Прежде всего это нашло отражение в успешном руководстве временной Гродненской губернской исполнительной комиссией, составленной из бывших членов наполеоновской администрации. Благодаря личному авторитету князя среди местного дворянства ему удалось сгладить большие противоречия, которые существовали между российскими военными и жителями губернии. Деятельность К. Ф. Друцкого-Любецкого позволила менее болезненно обеспечить на реквизиционной

⁸⁹Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. 2. С. 121.

⁹⁰Там же.

⁹¹М. И. Кутузов : сб. док. ... Т. 5. С. 338.

основе поставки провианта и фуража для российских войск, организовать сбор налогов и податей, а также решить вопрос о возвращении военнопленных – уроженцев белорусско-литовских губерний, мобилизованных в армию Наполеона в 1812 г., домой. Кроме того, К. Ф. Друцкий-Любецкий способствовал возобновлению деятельности губернской казенной палаты и судебных учреждений (1-го департамента Главного суда и гродских судов). Содействие К. Ф. Друцкого-Любецкого быстрому возвращению из эвакуации архивных дел «присутственных мест» позволило уже в 1813 г. приступить к сбору сведений о материальном ущербе, который был нанесен Гродненской губернии в 1812 г. Он же стоял у истоков создания люстрационных комиссий, призванных на начальном этапе производить подсчет ущерба, а также способствовал возобновлению работы ГКВП.

Быстрое возвышение К. Ф. Друцкого-Любецкого в карьерном плане стало следствием личной благо-

склонности Александра I к нему. В свою очередь, эта благосклонность была обусловлена политической лояльностью князя к России во время наполеоновского нашествия. Не последнюю роль в возвышении К. Ф. Друцкого-Любецкого сыграли и его математические таланты, в которых Александр I убедился еще в 1811–1812 гг. В то же время быстрый карьерный взлет князя привел к расширению круга недоброжелателей, среди которых оказались русские чиновники (гродненский вице-губернатор В. Ф. Багговут) и военные (гродненский комендант О. М. Кленовский). Однако их интриги против К. Ф. Друцкого-Любецкого оказались неудачными. В этот период князь пользовался особым политическим доверием Александра I. Данный факт обусловил последующий вызов К. Ф. Друцкого-Любецкого в Главную квартиру для выполнения новых ответственных поручений, связанных с судьбой Княжества Варшавского и Королевства Польского.

Библиографические ссылки

1. Казак АА. *Финансовый гений из Погоста-Загородского*. Витебск: Витебская областная типография; 2016. 147 с.
2. Głuszek M. *Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki i cud gospodarczy Królestwa Polskiego*. Warszawa: Fundacja Oratio Recta; 2021. 196 s.
3. Nawrot D. *Litwa i Napoleon w 1812 roku*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego; 2008. 792 s.
4. Швед В, Данских С. *Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2006. 252 с.
5. Афанасьева ТЮ, Горячева РФ, Швед ВВ. *Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки*. Гродно: Гродненская типография; 2007. 168 с.
6. Ерашэвіч АУ. *Фінансавая і падатковая палітыка расійскага царызму ў Літоўскіх губернях напярэдадні вайны 1812 г.* В: Национальная академия наук Беларуси, Совет молодых ученых Национальной академии наук Беларуси. *Молодежь в науке – 2007: приложение к журналу «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» [Материалы Международной научной конференции молодых ученых; 23–26 октября 2007 г.; Минск, Беларусь]. Часть 2, Серия гуманитарных наук*. Минск: Беларуская навука; 2008. с. 204–209.
7. Раюк АР. Нефармальныя сувязі паміж дваранствам Гродзенскай губерні ў 1801–1863 гг. *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*. 2016;21:240–246.
8. Лукашевич АМ. Забытое имя: генерал А. М. Римский-Корсаков и его роль в организации провиантского обеспечения российских армий в апреле – июле 1812 года. В: Герасимова ГИ, Львов СВ, редакторы. *Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы XI Международной научной конференции; 24 апреля 2008 г.; Москва, Россия*. Москва: Кучково поле; 2008. с. 59–71.
9. Лукашевич АМ. Определение размера материального ущерба, нанесенного войной 1812 года населению, и проблема его компенсации (на примере белорусско-литовских губерний). В: Герасимова ГИ, Львов СВ, редакторы. *1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы Международной научной конференции; 23 апреля 2010 г.; Москва, Россия*. Москва: Кучково поле; 2010. с. 25–41.
10. Лукашевич АМ. «В действиях моих имел я одну ту цель, чтобы соблюдать пользу Отечества...»: следственное дело губернатора К. К. Лешерна о злоупотреблениях в провиантском обеспечении российской армии в 1812–1813 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;2:5–20. EDN: GINMMV.

Получена 21.01.2025 / исправлена 28.06.2025 / принята 29.06.2025.
Received 21.01.2025 / revised 28.06.2025 / accepted 29.06.2025.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(569.4)

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА АРШАКИДСКОЙ АРМЕНИИ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЦАРСТВОВАНИЯ АРШАКА II (368)

А. Ж. АРУТЮНЯН¹⁾

¹⁾Ереванский государственный университет, ул. Алека Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения

Аннотация. Показано, какой след оставила древнееврейская община Армении во внутренней жизни страны. Рассмотрены роль еврейской общины Армении в социально-экономическом развитии страны и вопросы демографии Армении, в частности численности населения государства в IV в. Выявлено место иудейского населения в экономическом развитии и процветании древнеармянского царства. Определено, что экономическую деятельность иудеев высоко ценили все армянские правители, начиная с царей династии Оронтидов. Отмечено, что в дальнейшем деятельность иудеев в Армении расширялась, способствуя развитию страны. В связи с этим Аршак II не смог смириться с миграцией евреев из Армении, что послужило одной из причин самоубийства армянского царя.

Ключевые слова: древние евреи; древняя Армения; Мовсес Хоренаци; Фавстос Бузанд; община; колония; Израиль; Иудея.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного комитета по высшему образованию и науке Армении (грант № 24SSAH-6A021).

Образец цитирования:

Арутюнян АЖ. Еврейская община аршакидской Армении в последний год царствования Аршака II (368). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:30–36.
EDN: ZJLDCW

For citation:

Harutyunyan HZh. The Jewish community of Arshakid Armenia in the last year of the reign of Arshak II (368). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:30–36. Russian.
EDN: ZJLDCW

Автор:

Акоп Жораевич Арутюнян – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всемирной истории исторического факультета.

Author:

Hakob Zh. Harutyunyan, doctor of science (history), full professor; professor at the department of world history, faculty of history.
hakobharutyunyan@ysu.am
<https://orcid.org/0000-0003-3746-9657>

ЯҰРЭЙСКАЯ АБШЧЫНА АРШАКІДСКАЙ АРМЕНИИ Ў АПОШНІ ГОД ЦАРАВАННЯ АРШАКА II (368)

А. Ж. АРУЦЮНЯН^{1*}

^{1*}Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Алека Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Армения

Анатацыя. Паказана, які след пакінула старажытнаяўрэйская абшчына Армении ва ўнутраным жыцці краіны. Разгледжаны роля ўрэйскай абшчыны Армении ў сацыяльна-эканамічным развіцці краіны і пытанні дэмаграфіі Армении, у прыватнасці колькасці насельніцтва дзяржавы ў IV ст. Выяўлена месца іудзейскага насельніцтва ў эканамічным развіцці і росквіце старажытнаармянскага царства. Вызначана, што эканамічную дзейнасць іудзеяў высока шанавалі ўсе армянскія кіраўнікі, пачынаючы з цароў дынастыі Аронтыдаў. Адзначана, што ў далейшым дзейнасць іудзеяў у Армении пашыралася, спрыяючы развіццю краіны. У сувязі з гэтым Аршак II не змог змірыцца з міграцыяй ўрэяў з Армении, што паслужыла адной з прычын самагубства армянскага цара.

Ключавыя словы: старажытныя ўрэі; старажытная Армения; Маўсэс Харэнацы; Фаўстас Бузанд; абшчына; калонія; Ізраіль; Іўдзея.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Дзяржаўнага камітэта па вышэйшай адукацыі і навуцы Армении (грант № 24SSAH-6A021).

THE JEWISH COMMUNITY OF ARSHAKID ARMENIA IN THE LAST YEAR OF THE REIGN OF ARSHAK II (368)

H. Zh. HARUTYUNYAN^a

^aYerevan State University, 1 Alek Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia

Abstract. The article shows the trace left by the ancient Jewish community of Armenia in the internal life of the country. The article examines the role of the Jewish community of Armenia in the socio-economic development of the country and the issues of demography of Armenia, including the population of the country in the 4th century. The place of the Jewish population in the economic development and prosperity of the ancient Armenian kingdom is revealed. It is determined that the economic activity of the Jews was highly valued by all Armenian rulers, starting with the kings of the Orontid dynasty. It is noted that in the future, the activities of the Jews in Armenia expanded, contributing to the development of the country. In this regard, Arshak II could not come to terms with the migration of Jews from Armenia which served as one of the reasons for the suicide of the Armenian king.

Keywords: ancient Jews; ancient Armenia; Movses Khorenatsi; Favstos Buzand; community; colony; Israel; Judea.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the State Committee of Higher Education and Science of Armenia (grant No. 24SSAH-6A021).

Введение

С древнейших времен по разным причинам в Армении проживали представители различных национальностей. Данное обстоятельство было обусловлено не только войнами, но и прежде всего экономическими и культурными связями страны. Так, Геродот в своем труде «История» описывал армяно-вавилонские торгово-экономические связи. С государством Армянского нагорья Хайаса-Аззи тесные взаимоотношения имело Новохеттское царство. Одновременно армянское царство наладило дружественные связи с государством Митанни. У Армении также были тесные контакты с Новоассирийским царством, особенно в период правления династии Саргонидов (722–605 гг. до н. э., т. е. во времена царствования Саргона II и его преемников). Армянское царство имело связи и с фракийско-фригийскими племенами, поселившимися на терри-

тории Малой Азии. Контакты с соседними странами и племенами расширились в период существования государства Урарту (860–585 гг. до н. э.). В первую очередь мы сделаем акцент на взаимоотношениях Урарту с вышеупомянутым Новоассирийским царством.

В последующие века связи армянского государства с близкими и дальними соседями стали более тесными. Речь идет об армяно-персидских, армяно-греческих и армяно-римских контактах. И персы, и греки, и римляне в разные исторические периоды имели колонии в Армении, и наоборот.

Итак, в Армении с древних времен образовалась большая иудейская община, или колония. Без колебаний можно утверждать о важной роли иудеев в экономической жизни древней Армении, однако невозможно однозначно констатировать дату основания иудейской общины в армянском царстве.

Основная часть

Годы правления царя аршакидской династии (52(65)¹–428 гг.) Аршака II (350–368 гг.) совпали с заключительным этапом армяно-персидской Тридцатилетней войны (338–368 гг.). Персидский царь сасанидской династии (224–651 гг.)² Шапур II (также Шапух; арм. Շապուհ; 309–379 гг.) почти все свои военные силы сосредоточил на территории Армении, чтобы как можно быстрее завершить войну, конца которой не было видно. О событиях этих дней подробно говорили не только армянские историки Мовсес Хоренаци и Фавстос Бузанд (труд «История» Фавстоса Бузанда полностью посвящен событиям, происходившим в Армении и вокруг нее в IV в.), но и римлянин Аммиан Марцеллин (лат. *Ammianus Marcellinus*; около 330 – после 395 г.), который своими сведениями дополнил вышеназванные армянские источники. Его перу принадлежит работа «Деяния» («*Res gestae*», в научной литературе «Римская история»)³.

Что случилось в последний год правления царя Аршака II в государстве Великая Армения? Шапур II, как и армяне, устал от бесконечной войны и сконцентрировал огромные силы, чтобы наконец разгромить аршакидскую Армению, претворив в жизнь условия «постыдного» договора 363 г., заключенного между императором Иовинианом (лат. *Flavius Claudius Iovianus*; 363–364 гг.) и персами⁴ [5, гл. VII, параграфы 9–11, гл. XXV]. После заключения этого договора персы получили пять армянских областей за р. Тигр (Арзанене (арм. Արշնիք), Моксене (арм. Մոկսիք), Забдицене (арм. Շաղիք), Регимене (арм. Ռեգիմենիք) и Кордуене (арм. Կորդուենք, Կործիսք)), а римляне обязались «после этого соглашения не оказывать помощи против персов... всегдашнему верному другу Арсаку (царю Аршаку II. – А. А.)» [6, гл. IV, параграф 21]. В результате Армения осталась без союзника, наедине с сасанидской Персией. То же самое сообщал Фавстос Бузанд: «В дальнейшем, когда установился мир между греческими царями и персидским царем Шапухом, греческий царь написал договорную грамоту, приложил на ней печать и прислал персидскому царю. И в этой договорной грамоте было написано следующее: “Отдаю тебе город Мцбин (арм. Մծբին. – А. А.), находящийся в Арвастане, и Сирийскую Месопотамию и от внутренних областей Армении отказываюсь; если сможешь завоевать их и подчинить своей власти, я им на помощь не пойду”» [6, гл. IV, параграф 21].

После подписания между двумя государствами договора начался заключительный этап Тридцатилетней войны: Армения в одиночестве воевала с сасанидской Персией. Этот период войны прод-

лился четыре года и получил название «Четырехлетняя война» (364–368 гг.). Во время данных событий были разрушены многие армянские города: Арташат, Вагаршапат, Зарехаван, Заришат, Ван, Нахиджевань (или Нахиджеван, Нахджаван, Нахчаван, Нахтчаван, Нахчыван, Нахчиван; арм. Նախիջիվանի) и др. Как справедливо заметил академик Г. Х. Саркисян, после этого городская жизнь в древней Армении пережила глубокий упадок и началось возвышение Двина [7, с. 132; 8, р. 21–23].

После вышеописанных событий Аршак II был вынужден принять предложение Шапура II и отправиться в столицу Ктесифон (арм. Տիգրան) для переговоров. Это событие подробно описывал Фавстос Бузанд [6, гл. IV, параграфы 16, 53].

О дальнейших действиях сообщал отец армянской историографии Мовсес Хоренаци в своем труде «История»: «Когда армянские нахарары, которые еще до Аршака предались персидскому царю Шапуху, узнали, что он требует (приезда) их жен наравне с женами сторонников Аршака, и увидели также, что Аланаозан отбыл и что отряд, присланный с этой целью, невелик, то объединились и прогнали его. Сами же со своими женами и детьми бежали в Греческую страну. Да и царица Парандзем не пошла на зов мужа, но, забрав сокровища, кинулась в крепость Артагерс и подала весть своему сыну Папу, надеясь выскользнуть из рук Шапуха. Шапух же, разъярившись на это, заковал Аршака в железные оковы и велел отвести его в крепость Аниуш в стране Хужистан. И, собрав большое войско, он отправил его в Армянскую страну под начальством отступников от Христа Мехружана Арцруни и Вахана Мамиконеана. Те пришли и подвергли осаде крепость Артагерс. Но хотя они и не могли овладеть неприступной крепостью, однако гнев Божий тяготел над Аршаком, и защитники крепости, не согласившись дожидаться вестей от Папы, добровольно, без принуждения, сдались. Вместе с сокровищами и царицей Парандзем они были уведены в плен в Ассирию, и там посажены на кол на оглобли телег, и умерщвлены» [9, гл. III, параграф 35]. Эти события оказали воздействие на Аршака II. Согласно Фавстосу Бузанду закованный в кандалы армянский царь узнал о бедствиях, обрушившихся на Армению, от своего слуге-евнуха по имени Драстамат. Заключенных в крепости Аниуш никто не имел права навещать, однако Драстамат получил разрешение от Шапура II за оказанные ему особые услуги [6, гл. V, параграф 7]. Слуга Драстамат рассказал своему царю о тех страданиях, которые выпали на долю жителей Армении после

¹Год окончательного утверждения аршакидской династии.

²В некоторых источниках в качестве даты окончания правления сасанидской династии указывается 652 г.

³Об Аммиане Марцеллине подробнее см. публикацию [1].

⁴Впервые этот договор назвал постыдным римский историк Аммиан Марцеллин. О данном договоре написано много работ [2, с. 182–184; 3, с. 95–97; 4, с. 294–295].

пленения персидским правителем Аршака II. По Мовсесу Хоренаци, в этом рассказе особое место имели сведения об иудеях (арм. *hṙku*), которые уже как минимум пять столетий проживали в армянском царстве.

Считается, что иудейская община в Армении была основана в I в. до н. э. Тиграном II Великим (95–55 гг. до н. э.) [2, с. 452–453; 4, с. 35–37; 8, р. 30–36; 10, с. 570–572; 11, р. 339–350; 12, р. 239–277; 13; 14], когда он завоевал или подчинил себе государства Восточного Средиземноморья. Тогда определенная часть иудеев, как и представители других народов, была переселена в Армению. Условно этот процесс можно назвать переселением основной массы иудеев в Великую Армению. Почему? У нас есть сведения о том, что и до этих событий представители иудейского народа проживали в Армении наряду с киликийцами, каппадокийцами, ассирийцами, адиабенцами и др. Во время строительства Арташата у царя зародилась идея переселить туда всех иудеев, проживавших на территории армянского царства. Как упоминал Мовсес Хоренаци, после завершения строительства царь и основатель Великой Армении Арташес I (189 – около 160 г. до н. э.) отдал приказ переселить в Арташат всех иудеев Армении, которые до этого проживали сначала в первой столице династии Оронтидов (арм. *Երվանդաշատ*; первая половина VII в. – II в. до н. э.) Армавире, а затем в новой столице – Ервандашате. Итак, получается, что иудеи стали проживать в Армении как минимум в период правления Оронтидов, однако пока невозможно установить как точное время их переселения, так и численность переселившихся. В труде «История» Мовсес Хоренаци писал: «Арташес отправляется к месту слияния Ерасха и Мецамора, и, облюбовав здесь холм, строит на нем город, и называет его по своему имени Арташатом. <...> Выводит из города Ерванда пленных иудеев, которые были переведены туда из Армавира, и поселяет их в Арташате» [9, с. 99–100]. Здесь вызывает большое сомнение выражение «пленные иудеи», поскольку из династии Оронтидов никто не совершал походы в соседние страны, тем более в далекую Иудею. Речь не может идти об Арташесе I, который все время своего правления посвятил лишь одному вопросу – территориальному объединению Армении. Итак, получается, что сами иудеи были инициаторами собственного переселения в Армению, поскольку нашли в армянской стране благоприятные условия для проживания.

Миграция иудеев в армянское царство продолжалась в течение долгого времени, а всеобщую известность приобрело так называемое вавилонское пленение (иврит *גלות בבל*), которое длилось на протяжении 16 лет (598–582 гг. до н. э.) [15, Иер. 52:12–15, 28, 30, 59; 16, 2 Цар. 24:12–16, 25:11]. Его организовал царь Халдейской династии Нововавилонского царства Навуходоносор II (605–561 гг. до н. э.).

Столицей Армении после Вана (урартской Тушпы) стал Армавир (конец IV – III в. до н. э.), затем Ервандашат (конец III в. до н. э.; оба города были столицами при Оронтидах). При Арташесиде столицей армянского царства стал Арташат. Итак, получается, что иудеи переселились в Армению в IV в. до н. э., крайний срок их переселения – III в. до н. э. (при Оронтидах) [8, р. 35–36; 17, р. 416]. После этой добровольной миграции и по завершении походов Тиграна II Великого они были насильно переселены, о чем сообщал тот же Мовсес Хоренаци. Однако после финальной волны переселения никто иудеев в Армению насильно не переселял. При сравнении этих данных со свидетельствами авторов IV в. (Мовсеса Хоренаци и Фавстоса Бузанда) получается, что иудеи проживали в Армении изолированно, практически не общаясь с местным населением. Сообщения Фавстоса Бузанда позволяют однозначно и уверенно утверждать, что численность иудейского населения в Армении увеличивалась. О событиях Четырехлетней войны он писал: «После этого они (персы. – А. А.) пришли к большому городу Арташату... Из города Арташата увели в плен девять тысяч семейств иудеев, которых привел в плен из Палестинской страны царь Тигран Аршакуни... Взяли также большой город Ервандашат, вывели оттуда двадцать тысяч семейств армян и тридцать тысяч семейств иудеев, а город разрушили до основания. Потом взяли город Зарехаван в Багреванде, оттуда тоже забрали в плен пять тысяч семейств армян и восемь тысяч семейств иудеев, а город разрушили до основания. Взяли также большой город Заришат в гаваре Алиовит, (взяли в плен) четырнадцать тысяч семейств иудеев и десять тысяч семейств армян, а город тоже разрушили до основания. Взяли также укрепленный город Ван, в гаваре Тосп, сожгли, срыли до основания. Оттуда тоже увели в плен пять тысяч семейств армян и восемнадцать тысяч семейств иудеев» [6, гл. IV, LV]. Итак, в ходе этой войны были пленены 79 тыс. иудейских семейств.

В том же труде армянский историк вновь говорил о пленении армян и иудеев: «А в это время (персы) разрушили эти города, пленили их жителей, с ними вместе всю армянскую страну и гавары. Из всех этих гаваров, краев, ущелий и стран вывели они пленных, пригнали всех в город Нахчаван, который был средоточием их войск. Этот город они тоже взяли и разрушили, и оттуда вывели две тысячи семейств армян и шестнадцать тысяч семейств иудеев, и увели вместе с другими пленными. В армянской стране оставили остаников (родственников царя. – А. А.) и надзирателей, чтобы держать в подчинении оставшееся население страны...» [6, гл. IV, LV]. Итак, были пленены как минимум 95 тыс. иудейских семейств, которых в 364–368 гг. из Армении увели в Персию. Если предположить,

что каждая семья состояла как минимум из четырех или пяти членов, то получается, что численность плененных равнялась от 380,0 до 475,5 тыс. человек. Академик С. Т. Еремян отмечал, что население Армении при основателе аршакидской династии Тиридате I (52(62)⁵–88 гг.) составляло как минимум 3,5 млн человек [10, с. 842]. Однако текст Фавстоса Бузанда датируется IV в. Можно предположить, что население страны в это время составляло как минимум 5,0 млн человек, из которых почти 0,5 млн человек были иудеями-переселенцами.

Точную дату переселения мы находим как у Фавстоса Бузанда, так и у Мовсеса Хоренаци. «Все это множество иудеев, которое увели в плен из армянской страны, великий армянский царь Тигран привел из Палестинской страны в древние времена, когда он взял в плен и привел в Армению первосвященника иудеев Гиркана. Великий царь Тигран всех этих иудеев в свое время поселил в городах Армении» [6, гл. IV, LV]. Инициатором массовых переселений иудеев в Армению Фавстос Бузанд считал только царя Тиграна II Великого. Мовсес Хоренаци говорил о том, что переселение иудеев в Армению происходило в два этапа. Первым организатором переселения Мовсес Хоренаци с некоторыми оговорками считал царя Арташеса I, а вторым – Тиграна II Великого. Историк свидетельствовал: «Выводит из города Ерванда пленных иудеев, которые были переведены туда из Армавира, и поселяет их в Арташате» [9, гл. II, параграф 49]. Когда именно первая волна иудеев оказалась в древней Армении, точно не установлено, однако отец армянской историографии Мовсес Хоренаци эти события уверенно связывал с Арташесом I. Исследователи сообщают дату первого переселения иудеев с оговорками, поскольку пока не найдены сведения о том, кто из армянских царей до Арташеса I переселял иудеев в Армению.

Мы не исключаем, что, хотя иудеи были сильно привязаны к родной земле, их миграция в Армению была добровольной. После распада объединенного Израильско-Иудейского государства (1020–586 гг. до н. э.) они оказались под гнетом ассирийцев, вавилонян, иранцев, греков и др. [11, р. 401–420; 12, р. 185; 18, р. 249–280; 19, р. 151–230; 20, с. 310–330; 21, с. 133]. Это обстоятельство заставило некоторую часть иудеев искать пристанище в других странах, в том числе в Армении. Пока невозможно определить, имела ли место миграция иудеев на Армянское нагорье в эпоху государства Урарту. Однако факт их миграции в армянское царство Оронтидов сомнений не вызывает. Если отправной точкой переселения иудеев считать период правления Арташеса I, то время их проживания в армянском царстве до периода правления Аршака II составляет минимум 550 лет

(189 г. до н. э. – 368 г. н. э.). Здесь они обрели то, чего им не хватало в родной стране, находившейся под игом завоевателей. Вероятно, после завоевания Армении персами основная часть иудейского населения была пленена и вывезена из страны.

Среди переселенных иудеев Фавстос Бузанд называл первосвященника Гиркана. Он же являлся Гирканом II Иохананом (лат. *Hircanus*; 110(103)⁶–30 гг. до н. э.), который упоминался Иосифом Флавием, а также Библией [16, Левит 21:17–23; 22]. Мы не будем вникать в подробности его биографии. Отметим лишь, что жизнь Гиркана II Иоханана осложнялась из-за младшего брата Аристобула II, который рвался к власти любой ценой. Согласно вышеупомянутым источникам Гиркан II Иоханан при военачальнике Помпее и тем более при Гае Юлии Цезаре укрепил свои позиции: его назначили этнархом (греч. *εθνάρχης*) и первосвященником Иудеи (Великим священником, др.-греч. *ἱερεὺς ὁ μέγας*). Тогда Гиркан II Иоханан и укрепил связь населения своей страны с иудейской диаспорой. Вероятно, именно этот факт имел в виду Фавстос Бузанд, когда назвал его среди плененных иудеев [23, гл. II, параграфы 40, 46, гл. XVI], которого царь Ирод (Ирод I Великий; греч. *Ἡρώδης*; лат. *Herodus*; 40–4 гг. до н. э.) казнил по ложному обвинению (30 г. до н. э.) [20, с. 303–305; 24].

Все (или почти все) поколения иудеев, находившихся уже много веков в Армении, проживали, как правило, в известных городах армянского царства. Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что практически все иудеи жили в городах, однако при этом можно говорить о том, что основная часть иудейского населения армянского царства была горожанами. В связи с этим возникает другой вопрос: чем занимались иудеи в городах Армении? Согласно первоисточникам Израильско-Иудейское царство достигло экономического расцвета. Об этом подробно сказано в Библии [15, 1 Цар. 7:46, 10:21, 10:27; 16, Хр. 1:15, 4:17, 9:20, 27; 17, р. 120–148; 25–27]. Наступление железного века способствовало дальнейшему развитию ремесленного производства в этой стране. Экономический рост был характерен не только для вышеназванной отрасли, но и для сельского хозяйства. А. Г. Грушевой в своей монографии рассматривал этот вопрос через призму анализа роста сельского хозяйства в царском домене при Сауле, Давиде и Соломоне [18, р. 209–240; 28, с. 111–120, 172–174; 29, с. 446–452, 465–466]. Плиний Старший сообщал о выращивании в Иудее бальзама [22, гл. XVII, параграф 18, гл. XVIII, параграф 31; 23, гл. II, параграф 41, гл. XVI; 30, гл. XII, параграф 133]. Поскольку Израильское-Иудейское царство было городским государством, жители интенсивно занимались сельским хозяйством и в го-

⁵В некоторых источниках в качестве даты начала правления Тиридата I указывается 62 г.

⁶В некоторых источниках в качестве даты рождения Гиркана II Иоханана указывается 103 г. до н. э.

родах. Таким образом, иудеи, переселившись в Армению, перенесли туда свой опыт, умения и навыки, тем самым способствуя подъему экономики древ-

неармянских государств начиная с периода правления Оронтидов и заканчивая периодом правления Аршакидов [17; 31, S. 121; 32, p. 115].

Заключение

Иудеи, проживавшие на территории армянского царства, играли позитивную роль в вопросе его экономического развития. По всей вероятности, второй по численности в аршакидской Армении группой населения после армян можно назвать евреев. Фавстос Бузанд о событиях насильственного изгнания иудеев из Армении писал: «В это же время поступил приказ царя Шапуха полностью снести укрепления всех городов и увести в плен иудеев, тех, которые были приведены Барзапраном Рштуни в дни Тиграна и жили в Ване, (в области) Тосп, оставаясь при своей вере; их Шапук поселил в Аспахане. Увели в плен также тех иудеев, живших в Арташате и Валаршапате и приведенных тем же царем Тиграном, которые в дни святого Григора и Трдата уверовали во Христа, и с ними – Звита, иерея Арташата. Тогда Мехружан и Вахан, подойдя к царю, стали злословить по поводу Звита, иерея Арташата, что тот пошел с пленными с целью увещевать их твердо держаться христианской веры. Поэтому Шапук велел пытать Звита, чтобы тот оставил христианскую веру. Но он не пошел на это и умер мученической смертью. Аршак же,

узнав обо всех этих ужасных бедствиях, поступил с собой подобно Саулу. Он царствовал тридцать лет» [9, гл. III, параграф 35]. Когда царь Аршак II, будучи в плену у персов, узнал о бедствиях и разрушениях в своей стране, в том числе о насильственном переселении всех (или почти всех) иудеев из Армении в сасанидской Персии, он осознал весь масштаб бедствия (большой урон экономике страны). Считая свою дальнейшую жизнь бессмысленной, Аршак II покончил жизнь самоубийством. После этого Армения так и не смогла подняться на ноги. Так начался постепенный упадок армянского царства. Последние представители династии Аршакидов сделали для спасения страны все, что было в их силах, однако в этот период к внутреннему экономическому упадку присоединился чересчур неблагоприятный внешний фактор [33, с. 134–138]. Сасанидская Персия сделала все, чтобы разделить Армению между собой и Римом, что и произошло в 387 г. В Персоармении династия Аршакидов правила до 428 г., в Риме – до 389 г., после чего она была низложена.

Библиографические ссылки

1. Соколов ВС. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии. *Вестник древней истории*. 1959;4:43–62.
2. Манандян ЯА. *Труды. Том 1, Тигран II и Рим*. Ереван: АН Армянской ССР; 1977. 636 с. (на арм.).
3. Еремян СТ, редактор. *История армянского народа. Том 2, Армения в эпоху раннего феодализма*. Ереван: АН Армянской ССР; 1984. 691 с. (на арм.).
4. Астуриан О. *Политические взаимоотношения между Римом и Арменией. 190 г. до р. X. – 428 г. н. X*. Вена: Мхитарян; 1912. 391 с. (на западноарм.).
5. Ammianus Marcellinus. *Rerum gestarum. Volume 3*. Cambridge: Harvard University Press; 1958. 619 p.
6. Фавстос Бузанд. *История Армении*. Геворгян МА, переводчик. Ереван: АН Армянской ССР; 1953. 236 с.
7. Саркисян ГХ. *Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин*. Москва: Восточная литература; 1960. 160 с.
8. Stone ME, Topchyan A. *Jews in ancient and medieval Armenia. First century BCE to fourteenth century CE*. Oxford: Oxford University Press; 2022. 184 p.
9. Мовсес Хоренаци. *История Армении*. Аревшатян С, редактор; Саркисян Г, переводчик. Ереван: Айастан; 1990. 291 с.
10. Еремян СТ, редактор. *История армянского народа. Том 1, Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя*. Ереван: АН Армянской ССР; 1971. 991 с. (на арм.).
11. Thompson TL. *Early history of the Israelite people. From the written and archaeological sources*. Leiden: B. J. Brill; 1992. 516 p.
12. Ben-Sasson HH, editor. *History of the Jewish people*. Cambridge: Harvard University Press; 1976. 1170 p.
13. Ehrlich EL. *A concise history of Israel from the Earliest times to the destruction of the temple in the AD 70*. New York: Harper & Row; 1965. 153 p.
14. Grant M. *The history of ancient Israel*. New York: Charles Scribner's Sons; 1984. 317 p.
15. Библия. *Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Том 1*. [Б. м.]: Духовное просвещение; 1991. 572 с.
16. Библия. *Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Том 2*. [Б. м.]: Духовное просвещение; 1991. 621 с.
17. Miller JM, Hayes JH. *A history of ancient Israel and Judah*. Philadelphia: Westminster Press; 1986. 523 p.
18. Bright J. *A history of Israel*. Philadelphia: Westminster Press; 1960. 511 p.
19. Shanks H, editor. *Ancient Israel. A short history from Abraham to the Roman destruction of the Temple*. Washington: Biblical Archaeology Society; 1988. 289 p.
20. Тантлевский ИР. *История Израиля и Иудеи до 70 г. н. э*. Москва: Русская Христианская гуманитарная академия; 2013. 432 с.

21. Циркин ЮБ. *История библейских стран*. Москва: АСТ; 2003. 576 с. (Классическая мысль). Совместно с издательствами «Астрель» и «Транзиткнига».
22. Иосиф Флавий. *Иудейские древности*. Том 2. Генкель ГТ, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 613 с. Совместно с издательством «Ладомир».
23. Strabo. *The geography of Strabo. Volume 7. Books 15–16*. Jones HL, translator. Harvard: Harvard University Press; 1930. 387 p.
24. Авдиев ВИ. *Еврейские цари и первосвященники. Жизнь, быт и нравы*. Москва: Крафт+; 2011. 640 с.
25. Lemche NP. *Ancient Israel. A new history of Israelite society*. Orton DE, editor. Sheffield: Sheffield Academic Press; 1988. 276 p.
26. Липовский ИП. *Библейский Израиль. История двух народов*. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия; 2010. 575 с. EDN: QPPTPT.
27. Даймонт М. *Евреи, Бог и история*. Нудельман РИ, переводчик. Москва: Мосты культуры; 2010. 570 с. (Верхняя полка). Совместно с издательством «Гешарим».
28. Грушевой АГ. *Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.)*. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2013. 380 с. EDN: VQQFWJ.
29. Седов АВ, редактор. *История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй*. Москва: Восточная литература; 2004. 895 с.
30. Pliny. *Natural History. Volume 4. Books 12–16*. Cambridge: Harvard University Press; 1945. 580 p.
31. Noth M. *Geschichte Israels*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 1950. 392 S.
32. Mazar B. *The world history of the Jewish people*. Schalit A, editor. New Brunswick: Rutgers University Press; 1964. 306 p.
33. Арутюнян АЖ. Феодализация древнеармянского государства в аспекте границ полномочий царей династии Аршакидов и феодал-нахараров. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2008;1:134–138. EDN: QAIVXB.

Получена 02.01.2025 / исправлена 09.07.2025 / принята 09.07.2025.
Received 02.01.2025 / revised 09.07.2025 / accepted 09.07.2025.

УДК 94(497.2)«1876/1879»

БОЛГАРИЯ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ: ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ (КОНЕЦ 1876 – СЕРЕДИНА 1879 г.)

Э. Г. ВАРТАНЬЯН¹⁾

¹⁾Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Освещена роль Российской империи в формировании болгарской государственности после освобождения страны от османского гнета в 1878 г. С опорой на документальные источники (материалы архивов и опубликованные документы) определено место Российской империи в становлении Княжества Болгария, его основных институтов. Используются историко-генетический и проблемно-хронологический методы, позволившие выявить последовательность исторических событий, также задействованы методы компаративного и системного анализа материала. Показано, что еще до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. при главнокомандующем Дунайской армии была образована Канцелярия гражданского управления освобожденными территориями, целью которой было создание органов местной власти. Рассмотрено формирование аппарата управления на освобожденных в результате войны территориях во главе с российским императорским комиссаром. Подчеркнуто, что в связи с кратковременностью пребывания российской администрации в Болгарии было необходимо в минимальные сроки упрочить самостоятельность страны, подготовить кадры из местного населения, назначить на важные административные посты представителей болгарской интеллигенции. Проанализирована переписка российских государственных деятелей, которая свидетельствует о том, что в короткие сроки русское гражданское управление в Болгарии проделало большую работу (содействовало принятию конституции страны, введению налогового законодательства, созданию органов законодательной, исполнительной и судебной власти, Болгарского народного банка, новой военной и полицейской системы, системы народного просвещения, здравоохранения, почтового управления и многого из того, что было необходимо для функционирования возрожденного болгарского государства).

Ключевые слова: Княжество Болгария; Российская империя; освобождение; Сан-Стефанский договор; Берлинский конгресс; конституция; гражданское управление.

БАЛГАРЫЯ ПАСЛЯ ВЫЗВАЛЕННЯ: ПЕРШЫЯ КРОКІ Ў ФАРМІРАВАННІ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ І РОЛЯ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ У ГЭТЫМ ПРАЦЭСЕ (КАНЕЦ 1876 – СЯРЭДЗІНА 1879 г.)

Э. Г. ВАРТАНЬЯН^{1*}

^{1*}Кубанскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Стаўрапольская, 149, 350040, г. Краснадар, Расія

Анатацыя. Асветлена роля Расійскай імперыі ў фарміраванні балгарскай дзяржаўнасці пасля вызвалення краіны ад асманскага прыгнёту ў 1878 г. З апорай на дакументальныя крыніцы (матэрыялы архіваў і апублікаваныя дакументы) вызначана месца Расійскай імперыі ў станаўленні Княства Балгарыя, яго асноўных інстытутаў. Выкарыстаны

Образец цитирования:

Вартаньян Э.Г. Болгария после освобождения: первые шаги в формировании государственности и роль Российской империи в этом процессе (конец 1876 – середина 1879 г.). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2025;3:37–46.
EDN: ZIQANT

For citation:

Vartanyan EG. Bulgaria after liberation: the first steps in the formation of statehood and the role of the Russian Empire in this process (late 1876 – middle 1879). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;3:37–46. Russian. EDN: ZIQANT

Автор:

Эгнара Гайковна Вартаньян – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории, социологии и международных отношений.

Author:

Egnara G. Vartanyan, doctor of science (history), full professor; professor at the department of world history and international relations, faculty of history, sociology and international relations.
vartaneg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5030-8941>

гісторыка-генетычны і праблемна-храналагічны метады, якія дазволілі выявіць паслядоўнасць гістарычных падзей, таксама задзейнічаны метады кампаратыўнага і сістэмнага аналізу матэрыялу. Паказана, што яшчэ да пачатку Руска-турэцкай вайны 1877–1878 гг. пры галоўнакамандуючым Дунайскай арміі была ўтворана Канцылярыя грамадзянскага кіравання вызваленымі тэрыторыямі, мэтай якой было стварэнне органаў мясцовай улады. Разгледжана фарміраванне апарату кіравання на вызваленых у выніку вайны тэрыторыях на чале з расійскім імператарскім камісарам. Падкрэслена, што ў сувязі з кароткачасовай знаходжаннем расійскай адміністрацыі ў Балгарыі было неабходна ў мінімальныя тэрміны ўмацаваць самастойнасць краіны, падрыхтаваць кадры з мясцовага насельніцтва, прызначыць на важныя адміністрацыйныя пасады прадстаўнікоў балгарскай інтэлігенцыі. Прааналізавана перапіска расійскіх дзяржаўных дзеячаў, якая сведчыць аб тым, што ў кароткія тэрміны рускае грамадзянскае кіраванне ў Балгарыі прарабіла вялікую працу (садзейнічала прыняццю канстытуцыі краіны, увядзенню падатковага заканадаўства, стварэнню органаў заканадаўчай, выканаўчай і судовай улады, Балгарскага народнага банка, новай ваеннай і паліцэйскай сістэмы, сістэмы народнай асветы, аховы здароўя, паштовага кіравання і многага з таго, што было неабходна для функцыянавання адроджанай балгарскай дзяржавы).

Ключавыя словы: Княства Балгарыя; Расійская імперыя; вызваленне; Сан-Стэфанскі дагавор; Берлінскі кангрэс; канстытуцыя; грамадзянскае кіраванне.

BULGARIA AFTER LIBERATION: THE FIRST STEPS IN THE FORMATION OF STATEHOOD AND THE ROLE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THIS PROCESS (LATE 1876 – MIDDLE 1879)

E. G. VARTANYAN^a

^aKuban State University, 149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar 350040, Russia

Abstract. The article highlights the role of the Russian Empire in the formation of the Bulgarian statehood after the country's liberation from Ottoman rule in 1878. Based on documentary sources (archive materials and published documents), the place of the Russian Empire in the process of formation of the Principality of Bulgaria and its main institutions is established. Historical-genetic and problem-chronological methods are used to identify the sequence of historical events; comparative and systemic analysis methods are also used. It is shown that even before the start of the Russo-Turkish War of 1877–1878, the Chancellery of Civil Administration of the Liberated Territories was formed under the Commander-in-Chief of the Danube Army, the purpose of which was to create local government bodies. The article examines the formation of the administrative apparatus in the territories liberated as a result of the war, headed by the Russian Imperial Commissar. It is emphasised that due to the short duration of the Russian administration's stay in Bulgaria, it was necessary to try to strengthen the country's independence in the shortest possible time, train personnel from the local population and appoint representatives of the Bulgarian intelligentsia to important administrative posts. The correspondence of Russian government officials, which shows that in a short time the Russian civil administration in Bulgaria accomplished a great deal of work (facilitated the adoption of the country's constitution, the introduction of tax legislation, the creation of legislative, executive and judicial authorities, the Bulgarian People's Bank, a new military and police system, a public education system, health care, postal administration and much of what was necessary for the functioning of the revived Bulgarian state), is analysed.

Keywords: Principality of Bulgaria; Russian Empire; liberation; Treaty of San Stefano; Congress of Berlin; constitution; civil administration.

Введение

Настоящая статья посвящена вопросу становления государственности в Болгарии после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Согласно Берлинскому трактату от 1 (13) июля 1878 г.¹, изменившему условия Сан-Стефанского договора², страна была разделена на Северную Болгарию, которая должна была стать самоуправляющимся княжеством со столицей в Софии, возглавляемым князем, избранным народом, и Южную Болгарию, где образовывалась автономная область под названием «Восточная Руме-

лия» с центром в Филиппополе (Пловдиве), которая оставалась под управлением Высокой Порты во главе с христианским губернатором. В данной статье речь идет о Княжестве Болгария, хотя автор допускает упоминание отдельных сюжетов о Восточной Румелии по мере необходимости. Вместе с тем в работе освещен непродолжительный период русского гражданского управления, когда Болгария по Тырновской конституции (апрель 1879 г.) получила официальное название «Княжество Болгария». В статье рассма-

¹Берлинский трактат. Берлин // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 03.08.2023).

²Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm> (дата обращения: 28.07.2023).

тривается период с ноября 1876 по июнь 1879 г. (от образования Канцелярии гражданского управления освобожденными территориями до окончания русского гражданского управления в княжестве).

Актуальность темы не вызывает сомнений, несмотря на то что от этого события людей отделяют 147 лет. В 1878 г. Россия оказалась спасительницей братского южнославянского народа, находившегося под гнетом османского ига около пяти веков. Необходимо было возрождать болгарскую государственность. Несомненно, российское правительство хотело иметь влияние на политику нового болгарского

княжества. Однако этот факт никак не умалял вклада известных российских государственных деятелей в становление независимого болгарского государства, его основных институтов, а также в защиту православного населения Балканского полуострова. Автор исследования ставит перед собой цель путем анализа исторических документов, в первую очередь эпистолярных источников, показать роль В. А. Черкасского, А. М. Дондукова-Корсакова и других видных государственных деятелей в процессе создания основных институтов формирующегося болгарского государства.

Материалы и методы исследования

Методологической основой данной работы являются научные принципы историзма и объективности. Принцип объективности, предполагающий изучение исторических фактов с учетом степени их достоверности, особенно важен в случае, когда в научный оборот вводятся источники личного происхождения (в статье они рассматриваются наряду с официальными документами). Кроме того, в исследовании применяются историко-генетический и проблемно-хронологический методы, позволяющие выявить последовательность исторических событий, а также задействуются методы компаративного и системного анализа материала.

В настоящей работе используются материалы Центрального государственного архива Республики Болгария³ и Софийского городского и окружного государственного архива⁴, опубликованный сборник документов «Россия и восстановление болгарской государственности (1878–1885)», изданный болгарским государственным агентством «Архивы» в 2008 г. в Софии. Выход документального

сборника является результатом совместных усилий работников болгарских и российских архивов, он приурочен к 130-летию освобождения Болгарии [1]. Также используются второй том документального сборника «Освобождение Болгарии от турецкого ига» [2] и издание «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг.» [3]. Научной основой статьи являются труды русских историков Н. Р. Овсяного, А. Л. Погодина, А. В. Плотноковой, В. М. Хевролиной, М. М. Фроловой, Л. В. Гориной, Е. В. Сафроновой, болгарских ученых С. Н. Боянова, А. Божкова, М. Маноловой, В. Тонева, белорусских исследователей С. С. Александровича, А. П. Салькова и др. Автор настоящей работы делает попытку изучить роль Российской империи в становлении государственности Болгарии, опираясь на анализ источников, в первую очередь переписки императора Александра II, А. М. Дондукова-Корсакова, М. А. Домонтовича, Д. А. Милютина, Э. И. Тотлебена и А. Б. Лобанова-Ростовского.

Результаты и их обсуждение

Окончание Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – одно из важнейших событий болгарской истории, приведшее к формированию государственности страны после почти пятивекового османского гнета и к созданию Третьего Болгарского царства. Открылась новая страница в истории болгарского народа. Как отмечает В. М. Хевролина, болгарское княжество стало центром борьбы за единую Болгарию [4, с. 435].

В ноябре 1876 г. была образована Канцелярия гражданского управления освобожденными территориями, целью которой было создание органов

местной власти в Болгарии. Руководителем канцелярии был назначен князь В. А. Черкасский, хорошо знавший положение на этой территории [5, с. 260]. В. А. Черкасский старался как можно скорее ввести гражданское управление в стране, т. е. не оставлять ее в состоянии анархии. Он полагал излишним прибегать к ломке существующих в княжестве учреждений и вводить что-либо новое, ограничиваясь заменой турецкой власти временным русским гражданским управлением [6, с. 39]. Канцелярия гражданского управления освобожденными территориями

³Доклад ген.-майора Григория В. Золотарева об учреждении в болгарском земском войске школ для подготовки медицинских и ветеринарных фельдшеров. 17 ноября 1878 г. // Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 159к. Оп. 1. Арх. ед. 3. Л. 95–96; Письмо князя А. М. Дондукова-Корсакова генерал-майору М. А. Домонтовичу о задачах русского гражданского управления в Княжестве Болгарском и Восточной Румелии. Филиппополь, 19 августа 1878 г. // Там же. Ф. 430. Оп. 1. Арх. ед. 110. Л. 4–9; Проект, утвержденный великим князем Николаем Николаевичем (старшим) для учреждения первоначального военно-полицейского управления в занимаемом войсками крае, составлен князем Владимиром А. Черкасским, заведующим гражданскими делами. Плоещ, 3 юни 1877 г. // Там же. Ф. 379к. Оп. 1. Арх. ед. 8. Л. 11–14; Проект устава Болгарского народного банка. 1878 // Там же. Ф. 159к. Оп. 1. Арх. ед. 10. Л. 2–11.

⁴Софийски градски и окръжен държавен архив. Ф. 1к. Оп. 2. Д. 530.

состояла из 10 человек, в число которых входили известные деятели Болгарского национального возрождения Н. Геров, М. Дринов, Т. Бурмов, Х. Стоянов. Новые власти пытались вернуть на родину болгар, получивших образование в России, для участия в деятельности органов центрального и местного управления. Ввиду недостатка сотрудников из числа местных жителей в распоряжение князя В. А. Черкаского были направлены десятки русских офицеров, специалистов – будущих губернаторов, начальников полиции, градоначальников и др. Списки болгар, учившихся в России за государственный счет и за счет средств славянских комитетов, В. А. Черкасский получил от управляющего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел Российской империи Н. К. Гирса, а также председателей славянских комитетов Петербурга и Москвы [2, с. 106, 109, 118]. Согласно проекту В. А. Черкаского на занимаемых русскими войсками землях создавались военно-полицейские управления в целях охраны спокойствия и порядка, предотвращения распрей между людьми разных вероисповеданий и т. д.⁵

Князь В. А. Черкасский стремился привлекать к гражданскому управлению знающих местные порядки людей, в том числе сотрудников консульского корпуса, хотя, как отмечает А. В. Плотникова, канцлер А. М. Горчаков был поборником подчинения консульского корпуса исключительно Министерству иностранных дел Российской империи [7, с. 138].

В. А. Черкасский, который, по мнению Н. Р. Овсяного, был умелым и ловким администратором, превосходно справлялся со своими обязанностями по гражданскому управлению Болгарией. Он смог не только покрыть все расходы полученными им с края доходами, но и сделать некоторый запас наличных средств (около 300 тыс. руб.), сохранив почти не тронутыми податные ресурсы [8, с. 53]. Что касается злоупотреблений в администрации В. А. Черкаского, то таковых при князе было очень мало и виновные не оставались безнаказанными [9, с. 368].

В соответствии с инструкцией от 16 ноября 1876 г. заведующий гражданскими делами при главнокомандующем армии должен был исполнять следующие обязанности: собирать статистические и исторические материалы, необходимые для преобразований в крае в целях нравственного совершенствования населения и улучшения его материального состояния; постепенно вводить новое гражданское управление на местах; наблюдать за действиями граждан и соблюдением их прав; привлекать из числа местных жителей благонадежных, преданных российскому правительству людей для использования в деле устройства местного управления; обеспечи-

вать деятельность православной церкви, народных училищ; гарантировать свободное вероисповедание иностранцев, в том числе мусульман; улучшать порядок распределения и взимания податей и др. [10, с. 22–21]. Немаловажными задачами были соблюдение порядка в освобожденных районах, недопущение проявлений ненависти болгар к туркам. Как отмечает М. М. Фролова, во время первого забалканского похода генерал-лейтенанта И. В. Гурко их удавалось выполнять только в городе [11, с. 112].

В связи с необходимостью в создании основы болгарской государственности 10 июня 1877 г. была обнародована прокламация Александра II к болгарскому народу: «Мои войска перешли Дунай и вступают ныне на землю вашу, где уже не раз сражались они за облегчение бедственной участи христиан Балканского полуострова. <...> Время и обстоятельства не изменили того сочувствия, которое Россия питала к единоверцам своим на Востоке. <...>

Жители болгарского края! Задача России – создавать, а не разрушать. Она призвана... умиротворить все народности и все исповедания в тех частях Болгарии, где совместно живут люди разного происхождения и разной веры. <...> Одинаково будут обеспечены жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина. Но не мечь будет руководить нами, а сознание строгой справедливости, стремление создать постепенно право и порядок там, где доселе господствовал лишь дикий произвол. <...> По мере того, как русские войска будут продвигаться во внутрь страны, турецкие власти будут заменяемы правильным управлением»⁶. Прокламация была впервые опубликована в газете «Летучий военный листок» (1877. № 1)⁷. Административная практика вводилась в Княжестве Болгария и Восточной Румелии [12, с. 36].

Уже в первом освобожденном в ходе военных действий 1877–1878 гг. болгарском городе Свиштов было учреждено городское управление. Первым губернатором Свиштова был назначен чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, российский вице-консул в Филиппополе (1857–1877) Н. Геров – талантливый ученый-лингвист, поэт, создатель системы национального образования и др.⁸

Одновременно формировались военно-административные органы, местные советы управления. Русская администрация, учитывая разнообразный этнический облик ряда регионов Болгарии (болгары, румыны, греки, турки и др.), стремилась к пропорциональному участию всех народов в управлении, руководствуясь не территориальным, а национальным принципом [13, с. 274]. Летом 1877 г. князь В. А. Черкас-

⁵Проект, утвержденный великим князем Николаем Николаевичем... Л. 11–14.

⁶Там же. Л. 4–5.

⁷Сафронова Е. В. Найдено Геров и Россия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03, 07.00.02. Воронеж : Воронеж. пед. ун-т, 1996. С. 2–5.

⁸Там же. С. 3.

ский издал проект по учреждению военно-полицейского управления на занимаемых русскими войсками территориях. В проекте были определены обязанности военно-полицейских начальников санджаков и кази (административно-территориальных единиц в Османской империи), заключающиеся в первую очередь в строгом сохранении спокойствия и порядка, предупреждении и пресечении распри на освобожденных территориях [3, с. 3–5].

Согласно проекту В. А. Черкасского границы занятых русскими войсками территорий оставались без изменений; в каждой общине восстанавливались советы старейшин, образовался административный совет округа (нахии) из руководителей местных религиозных общин [10, с. 200–201]. Можно констатировать, что общий принцип управления занятыми территориями был охранительно-консервативным. Были организованы выборы чиновников городских административных советов среди малочисленной болгарской интеллигенции, а также советов старейшин в селах и мэриях. Предпринимались меры по заботе о раненых и больных солдатах и офицерах, обеспечению приюта, питания и защиты для тысяч беженцев в Восточной Румелии, т. е. по укреплению власти в стране и возможному содействию русским войскам.

Преемником князя В. А. Черкасского стал генерал от кавалерии, генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков, которому нужно было продолжать административную деятельность предшественника, опиравшегося в своей работе на широкое внутреннее самоуправление. А. М. Дондукову-Корсакову в связи с кратковременностью пребывания русских войск в Болгарии следовало в краткий срок упрочить самостоятельность страны, она должна была стать самоуправляющимся княжеством⁹. После заключения мира ввиду кратковременности пребывания русских войск на территории княжества А. М. Дондукову-Корсакову приходилось заботиться, как пишет Н. Р. Овсяный, главным образом «о пробуждении элементов болгарской жизни», быстром упрочении государственного порядка и особенно об укреплении вооруженных сил, чтобы после отхода русских войск было кому охранять княжество от посягательств врагов [14, с. 582]. Согласно Сан-Стефанскому договору на болгарской территории в течение 2 лет должна была находиться 50-тысячная русская армия¹⁰. Берлинский конгресс сократил период временного русского гражданского управления Болгарией до 9 месяцев и ограничил его деятельность в пределах урезанного болгарского княжества¹¹. Пока действующая русская армия находи-

лась в Болгарии, императорский комиссар подчинялся ее главнокомандующему генералу Э. И. Тотлебену.

Генерал от кавалерии, генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков руководил Советом правления, который был предшественником Министерского совета Республики Болгария. При формировании органов власти было необходимо готовить сотрудников из числа местного населения на должности, замещаемые российскими чиновниками, а по возможности назначать на государственные должности болгар, владеющих русским языком. Как отмечает А. Л. Погодин, местные жители не могли упрекнуть князя А. М. Дондукова-Корсакова в нерадении об их интересах [5, с. 263].

Решения Берлинского конгресса потребовали ускорения таких процессов, как создание нового гражданского управления, полиции и независимых судебных органов, введение светского образования, обязательного бесплатного обучения в начальной школе и т. д. А. М. Дондуков-Корсаков отмечал, что ему ввиду временного характера русского гражданского управления в Болгарии было разрешено перевести Центральное управление в Софию. Князь решил перенести в Софию лишь те учреждения, которые были созданы на время. Другие учреждения, например Военный совет и Штаб болгарского земского войска, предполагалось разместить в Тырново¹².

Одной из забот А. М. Дондукова-Корсакова было обеспечение условий для создания и укрепления земского войска в княжестве. Он ввел на освобожденных территориях обязательную воинскую повинность. Интересно в связи с этим письмо князя директору канцелярии Императорской российской комиссии в Болгарии и управляющему делами ее совета генерал-майору М. А. Домонтовичу от 19 августа 1878 г.: «Я два дня тому назад как вернулся из С.-Стефано и Буюкдере, где пробыл семь дней. <...> Я переговорил также с Тотлебеном об оккупационном корпусе и просил ходатайства его у военного министра об усилении состава корпуса, по крайней мере на 15 %. Нынешний мирный состав оккупационных войск, по 100 чел. в роте, решительно не отвечает условиям нашего здесь положения: вследствие болезней и разных расходов людей нельзя будет вывести в строй больше 60 человек. Обстоятельство это чрезвычайно серьезно и положительно возбуждает во мне опасение ввиду беспорядков, несомненно возникнувших при удалении нашей действующей армии»¹³.

Являются актуальными слова А. М. Дондукова-Корсакова в письме М. А. Домонтовичу о ситуации

⁹ Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ Берлинский трактат. Берлин // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 03.08.2023).

¹² Письмо князя А. М. Дондукова-Корсакова генерал-майору М. А. Домонтовичу... Л. 4–9.

¹³ Там же.

в Восточной Румелии: «Брожение в краях сильно и сдерживается в границах законности лишь благодаря нашему здесь влиянию. Разочарованные конгрессом (Берлинским конгрессом. – Э. В.) болгары не могут верить обеспечению их будущности при новых порядках и явной поддержке, оказываемой туркам иностранными державами. Больно действительно видеть, как всеильно влияние англичан в Константинополе и как ослабевает с каждым днем там наше влияние. Клевета, ложь, постоянные ноты о небывалых поступках нашей славной армии, которую хотят забросать грязью, и нашей администрации возмущают меня, тем более что на все это приходится отписываться и терять дорогое время, столь нужное на более важное и существенное дело. Думаю, что это первый пример в истории, чтобы победоносная армия у стен неприятельской столицы находилась постоянно как бы на скамье подсудимых перед недобросовестными представителями иностранных держав»¹⁴. В связи с этим необходимо упомянуть о мятеже в Западных Родопях турецкого и помакского населения против местных христиан и временного русского гражданского управления в Болгарии (Сенклеровский бунт, февраль – октябрь 1878 г.). Высокая Порта при поддержке Великобритании пыталась использовать мятеж как повод для пересмотра границ Одринской Фракии, установленных Сан-Стефанским договором. Одним из его организаторов был С. Сен-Клер, британский агент, работавший в Варне. Мятеж был подавлен русскими войсками и болгарскими четами [15, с. 317].

В отчете А. М. Дондукова-Корсакова о деятельности по управлению Болгарией от 18 сентября 1878 г. показаны комплектование болгарского войска новобранцами в разных губерниях, формирование пехоты, кавалерии, батарей, саперных частей, их снабжение боевым снаряжением и одеждой, а также подчеркнута необходимость в подготовке офицеров из числа болгар во вновь созданных учебных заведениях. Согласно правилам обязательной воинской повинности в княжестве [16, с. 65] военные должны были пройти обучение в училище, поэтому приказом князя от 26 ноября 1878 г. в Софии было основано военное училище [1, с. 169]. В это училище были приняты 250 молодых болгар (уже весной 1879 г. училище произвело первый выпуск офицеров), а 90 молодых людей были отправлены для обучения военному делу в Российскую империю. Была введена обязательная воинская повинность для мужского населения от 20 до 30 лет вне зависимости от вероисповедания и национальности. Срок действительной службы составлял 2 года [1, с. 195].

А. М. Дондуков-Корсаков считал, что господствующим языком княжества должен быть болгарский. В связи с тем что «как в официальных сношениях, так и в среде местного населения до сих пор сохрани-

лось в употреблении много неболгарских названий, установленных турецким правительством и взятых по преимуществу с турецкого языка», князь сделал «распоряжение о замене некоторых из наиболее употребительных подобных названий болгарскими или русскими именами» [1, с. 156]. Данный факт свидетельствует о том, что императорский комиссар вникал буквально во все вопросы жизни болгарского общества. Известно, что язык и письменность являются высшей духовной ценностью народа, основой развития национальной культуры, что прекрасно понимал А. М. Дондуков-Корсаков.

При А. М. Дондукове-Корсакове военное управление передало ведение почтового ведомства гражданскому управлению. Также был составлен проект организации почтовых сообщений для внешней и внутренней корреспонденции, открылись три новых тракта, изменилось направление существующих трактов, были устроены почтовые конторы и отделения почты в Софии, Варне, Шумене, Рушуке, Тырнове, Лом-Паланке, Филиппополе. Первое время там служили российские почтовые чиновники, а по мере подготовки в почтовом деле их должны были заменить болгары [1, с. 156]. Как отмечает С. С. Александрович, гражданское управление расширило почтовую сеть Болгарии, вовлекло в нее все санджаки и округа новой администрации [17, с. 157]. Российской администрации было необходимо решить спорные дела по земельной собственности мусульман и представителей других национальностей [1, с. 190–191].

Значительные изменения произошли в системе налогообложения. В 1878 г. был определен размер земельного налога, кроме того, новые финансовые учреждения были адаптированы к местным условиям и особенностям. По настоянию А. М. Дондукова-Корсакова была создана особая комиссия, состоящая из болгар, которая должна была подготовить предложение о размере годового земельного налога. Сумма прямых налогов рассчитывалась с учетом податных возможностей населения [1, с. 62].

Под руководством российского историка, филолога, общественного деятеля болгарского происхождения М. Дринова [18], который в Совете правления занимал должность министра народного просвещения и духовных дел, в августе 1878 г. был выработан Временный устав народных училищ. Согласно уставу учебное дело в Болгарии переходило в руки государства. Деятельность отдела народного просвещения была сосредоточена на устройстве народных школ, гимназий и издании учебников. Народные училища были разделены на следующие разряды: начальную школу с трехлетним курсом обучения для детей обоих полов, цель которой заключалась в распространении грамотности, основ религии и нравственности среди народа; среднюю школу, обеспечивающую получение более полного образования мальчиками

¹⁴Письмо князя А. М. Дондукова-Корсакова генерал-майору М. А. Домонтовичу... Л. 4–8.

и девочками, которая должна была существовать во всех населенных пунктах; четырехклассные народные училища, т. е. гимназии (законченное общее образование), которые открывались в городах и крупных населенных пунктах. Содержание обучения в школах определялось школьными настоятельствами, образование стало светским. Обучение осуществлялось на болгарском языке. К осени 1878 г. были завершены подготовительные работы для открытия гимназий в Софии и Габрово. В отделе народного просвещения создавалась особая комиссия из известных своей педагогической деятельностью лиц, на которых была возложена подготовка учебников. Однако, как отмечает А. Божков, Министерство народного просвещения и духовных дел характеризовалось высокой текучестью кадров, что затрудняло успешное выполнение поставленных задач. За несколько лет сменился ряд министров (Г. Атанасович, И. Гюзелев, М. Сарафов, К. Иречек и др.) [19, с. 350–351].

Интересен циркуляр окружным начальникам и софийскому полицмейстеру российского писателя, историка, первого гражданского губернатора Софии и софийского санджака П. В. Алабина, много сделавшего для восстановления в княжестве разрушенного хозяйства, школ, училищ, для набора слушателей на курсы русского языка и для подготовки переводчиков для структур гражданского управления [3]. П. В. Алабин приказал собирать исторические и художественные ценности столицы и окрестностей. К началу 1890-х гг. была сформирована большая коллекция ценных произведений материальной и духовной культуры. Также было предписано основать в Софии публичную библиотеку, а при ней – музей древностей с экспозицией материалов. Книжный фонд библиотеки быстро увеличивался за счет книг и средств, предоставленных русскими славянскими обществами. А. М. Дондуков-Корсаков также принял меры по охране культурных ценностей, в частности по сохранению немногих найденных артефактов и всего того, что осталось от древней столицы Болгарии Преслава [1, с. 157–158, 166]. В Болгарии восстанавливались разрушенные церкви. Духовные училища в Самокове и Лясковеце были превращены в семинарии. В столицу княжества Софию из румынской Браилы переместилось Болгарское научное общество (Българското книжовно дружество, с 1911 г. – Болгарская академия наук) [1, с. 13].

Болгарскому княжеству требовалось единое законодательство. Была создана комиссия под руководством известного российского юриста С. И. Лукьянова, назначенного начальником судебного отдела гражданского управления. Комиссия создала Временные правила устройства судебной власти в Бол-

гарии. Уже в ноябре 1878 г. в Софии был учрежден Верховный суд [1, с. 61]. Гражданское судопроизводство основывалось на принципах гласности и состязательности. Новая судебная система комплектовалась из болгар.

После освобождения Болгарии было необходимо развивать промышленность, торговлю, создавать условия для улучшения системы кредитования граждан. С этой целью в Софии был учрежден Болгарский народный банк (проект устава банка был подготовлен в конце 1878 г.)¹⁵. Вместе с тем согласно статьям Берлинского договора нужно было смягчить действие капитуляционного режима в пределах княжества. А. М. Дондуков-Корсаков рассматривал вопрос об отношениях княжества с консулами зарубежных, в первую очередь европейских, государств и их правах. Российская гражданская власть приложила значительные усилия для поднятия престижа болгарских судебных учреждений как единственных и независимых судебных органов в стране, чтобы на практике ограничить консульскую юрисдикцию [20, с. 251–252].

Временное русское гражданское управлениеало основы здравоохранения в Болгарии. В докладе генерал-майора Г. В. Золотарева от 17 ноября 1878 г. говорится об учреждении школ для подготовки медицинских и ветеринарных фельдшеров для болгарского земского войска¹⁶. Русское гражданское управление успело выработать медицинский, аптечный и больничный уставы. Согласно этим уставам предполагалось иметь врачей для заведования окружными и губернскими больницами, которые создавались за счет общих доходов края [1, с. 196].

Новое государство нуждалось в Основном Законе. Для разработки проекта конституции княжества была создана специальная комиссия. Проект был отправлен в ноябре 1878 г. в Санкт-Петербург и получил одобрение российского правительства. Учредительное собрание княжества начало работу 10 февраля 1879 г. в Тырново. Первое заседание открыл генерал от кавалерии, генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков, который выступил с речью, напомнив о том, что основной целью собрания является принятие конституции. Первая болгарская конституция (Тырновская конституция) была принята 16 апреля 1879 г. Тогда же название «Княжество Болгария» стало официальным (таким оно было до провозглашения независимости в 1908 г.). Конституция закрепила всеобщее избирательное право, гражданские права и свободы, неприкосновенность частной собственности и др.

Монарху были предоставлены широкие права¹⁷. Согласно Конституции форма правления в стране

¹⁵Проект устава Болгарского народного банка. 1878. Л. 2–11.

¹⁶Доклад ген.-майора Григория В. Золотарева... Л. 95–96.

¹⁷Конституция Болгарии 1879 г. // Мастерская конституционного дизайна : сайт. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=758> (дата обращения: 31.07.2023).

была определена как наследственная монархия. Выделялись законодательная, исполнительная и судебная ветви власти. Правительство Российской империи рекомендовало ввести прямое тайное голосование, расширить права народных избранников, сделать Народное собрание единственным толкователем законов, гарантировать свободу обществ, собраний, печати, соблюдать тайну переписки и др. [1, с. 232–246]. Все эти положения нашли отражение в Конституции. В государственное устройство Болгарии в период правления А. М. Дондукова-Корсакова были внесены изменения, связанные с лучшими достижениями европейской политической системы.

Еще в период работы Берлинского конгресса болгарское население было крайне встревожено перспективой раздела своей страны. Особое беспокойство проявлялось среди населения Восточной Румелии, в которой была сосредоточена значительная часть болгарской интеллигенции. А. М. Дондукову-Корсакову ежедневно поступали петиции о заступничестве и справедливости с большим количеством подписей. Толпы людей (по несколько сотен человек) приходили к дому князя в Пловдиве и выражали отчаяние и скорбь из-за угрожающего им в будущем положения. Особенно напряженной была ситуация в Македонии, где большинство населения составляли болгары. Там турки продолжали совершать насильственные действия, заниматься самоуправством, убивать жителей [1, с. 193]. Так, в письме генерал-майору М. А. Домонтовичу от 19 августа 1878 г. А. М. Дондуков-Корсаков выражает опасение за судьбу населения Южной Болгарии: «Я честно узнал, что в Восточной Румелии население готовит протест против решений конгресса и о раздроблении Болгарии, который намерено подать представителям великих держав в Константинополе. Конечно, из этого протеста ничего не выйдет, но останавливать подобное движение считаю неудобным и излишним»¹⁸.

Раздел Болгарии по решению Берлинского конгресса беспокоил и делегатов Всероссийского учредительного собрания, они считали его несправедливым. По этому поводу 23 февраля 1879 г. Александр II писал генералу Э. И. Тотлебену следующее: «Открытие Народного собрания в Тырнове произошло, как тебе уже известно, в должном порядке. <...> Но из телеграмм явствует, что умы болгар находятся в большом волнении и что они не смогут привыкнуть к мысли отчуждения от княжества Восточной Румелии и Македонии и хотят обратиться с протестом на решение Берлинского договора ко всей Европе, – и будто бы в этом находят поддержку как в английском, так и в австрийском делегатах. Признаюсь, на эту поддержку я смотрю с большим недоверием и опасаясь их намерения вовлечь болгар в такие действия, которые могли бы оправдать в глазах Европы вооруженное

вмешательство Турции. <...> К сожалению, по Берлинскому трактату турки имеют на это право, но однако не прежде окончательного проведения пограничной линии между княжеством болгарским и Восточной Румелией, на чем я и настаиваю» [1, с. 226]. А. М. Дондуков-Корсаков старался не допустить возможности ревизии решений Берлинского конгресса, к тому же представители Македонии, Одринской Фракии и Восточной Румелии оказывали сильное влияние на поведение и настроения депутатов. Уже тогда в политической жизни молодого государства проявились консервативное течение (К. Стоилов, Д. Греков, Г. Начович, Т. Икономов, М. Балабанов и др.) и либеральное течение (Д. Цанков, П. Каравелов и др.), выступающее за радикальные действия [21, с. 64].

В Северной Болгарии был определен порядок выборов первого болгарского князя. В письме военного министра Российской империи графа Д. А. Милютин А. М. Дондукову-Корсакову, связанном с изложением мнения Александра II о выборах болгарского князя и недопущении нарушения Турцией Берлинского трактата, написано следующее: «Его Величество, признавая вполне справедливым Ваше соображение относительно Вашего образа действий по вопросу о кандидатуре на Болгарское княжество, изволил, однако же, находить опасным вполне предоставить выбор будущего князя на произвол случайности или интриги.

Вашему сиятельству, конечно, известно уже, что главнокомандующему нашей армией дано повеление приостановить вывод наших войск в том случае, если мусульманская агитация под видом народного движения примет угрожающий характер. Необходимо подавить и прекратить это движение, искусственно возбужденное самою портою и европейскими ее друзьями, прежде чем оставить тот край на исключительную охрану нашего Оккупационного корпуса» [1, с. 141–142].

Было принято решение о том, что князя должно избирать собрание, состоящее из нотаблей, которыми считались управляющие епархиями духовные лица, вице-губернаторы из числа болгар, председатели всех окружных, губернских и коммерческих судов. Каждый округ для выборов князя выдвигал 6 депутатов. Княжеское достоинство в роде первого болгарского князя считалось наследственным, престол переходил лишь лицам мужского пола женского или мужского потомства православного вероисповедания (в случае если избранный князь будет неправославного вероисповедания, желательно, чтобы он присоединился к православной вере). При несовершеннолетии наследника ближайший родственник назначался регентом. Совершеннолетие наследника начиналось с 22-летнего возраста. В государстве должны были быть следующие министерства: министерство иностранных дел и исповеданий, министер-

¹⁸Письмо князя А. М. Дондукова-Корсакова генерал-майору М. А. Домонтовичу... Л. 4–9.

ство внутренних дел, министерство просвещения, министерство финансов, министерство публичных работ и земледелия, министерство юстиции и военное министерство [1, с. 159–160].

Гессенский принц Александр Баттенберг был избран князем Болгарии 17 апреля 1879 г. Однако после избрания князя представители российской администрации еще несколько лет находились на болгарской службе, а десятки офицеров – в болгарской армии, способствуя становлению болгарской государственности [21, с. 65–66].

Генерал Э. И. Тотлебен 8 ноября 1878 г. писал российскому дипломату А. Б. Лобанову-Ростовскому о положении в Восточной Румелии: «Болгары со страхом смотрят на свою ближайшую будущность при уходе наших войск. Они умоляли меня просить Государя не оставлять их в безвыходном положении... говорили мне с совершенно спокойным тоном, но со слезами,

что готовы умирать, но ни в коем случае не подчиниться туркам. Женщины наиболее образованного круга объявили мне, что с оружием в руках встретят турок. <...> Я вынес положительное убеждение, что для болгар невысказанно возвращение под турецкое иго и что они готовы на отчаянное сопротивление, даже без надежды на успех. <...> Решимость их рядом с покорностью и полным послушанием, невольно возбуждает участие и сострадание к этому несчастному народу» [1, с. 167–168]. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что великие державы Запада в остром соперничестве за Балканы и в своем стремлении укрепить позиции в Османской империи ревниво следили за ростом влияния Российской империи в регионе. В первую очередь данным обстоятельством объясняются пересмотр статей Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе и определение участи населения Восточной Румелии.

Заключение

Российское правительство в лице назначенных представителей гражданского управления в Болгарии в короткие сроки провело огромную работу по созданию государственности в Княжестве Болгария, а также по защите православного населения Балканского полуострова. Достаточно сказать, что, когда в июне 1879 г. русская армия и администрация покинули княжество, болгарская армия состояла из 21 пехотного отряда, 8 артиллерийских батарей, 4 конных сотен и 2 саперных рот [21, с. 61]. За время русского гражданского управления в Княжестве Болгария была принята Тырновская конституция, введена трехступенчатая система народного образования, а также были созданы органы законодательной, исполни-

тельной и судебной власти, налоговое законодательство, Болгарский народный банк, новая военная и полицейская система, почтовое управление и др., что способствовало нормальному функционированию нового государства. Были заложены основы болгарской государственности. Российская империя сделала все возможное, чтобы помочь братскому славянскому народу освободиться от чужеземного гнета и создать новую страну. Введенные в научный оборот источники, в частности эпистолярные, свидетельствуют о том, что государственные деятели Российской империи прилагали максимум усилий для воссоздания болгарского государства во всех его сферах жизни общества (политической, экономической, культурной сферах).

Библиографические ссылки

1. Република България Главно управление на архивите «Архиви». Архивите говорят. Русия и възстановяването на българската държавност (1878–1885). София: Главно управление на архивите при Министерския съвет на Република България; 2008. 439 с.
2. Никитин С.А., Конобеев В.Д., Гандев Х.Н., Тодоров Г.Д., редакторы. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Том 2, Борьба за национальное освобождение Болгарии в период Русско-турецкой войны. 1878–1879 гг. Москва: Наука; 1967. 678 с.
3. Овсяный Н.Р., редактор. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. Выпуск 1. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати; 1903. 364 с.
4. Хевролина В.М. Россия и воссоздание болгарского государства. Труды Института российской истории РАН. 2012; 10:435–444. EDN: RUAOXZ.
5. Погодин А.Л. История Болгарии. В: Овсяный Н.Р., Погодин А., Дмитриев К., Шумов С., Андреев А. История Болгарии. Москва: Монолит-евролинц-традиция; 2002. с. 72–282.
6. Овсяный Н.Р. Болгария. В: Овсяный Н.Р., Погодин А., Дмитриев К., Шумов С., Андреев А. История Болгарии. Москва: Монолит-евролинц-традиция; 2002. с. 5–70.
7. Плотникова А.В. Специфика взаимодействия российских и болгарских политических элит в процессе воссоздания государственности Болгарии в конце XIX в. Управленческое консультирование. 2013;5:136–142.
8. Овсяный Н. Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин. Русская старина. 1909;137(1):44–54.
9. Овсяный Н. Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин. Русская старина. 1909;137(2):365–376.
10. Овсяный Н.Р. Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. Выпуск 1, Заведывавший гражданскими делами при главнокомандовавшем действующей армии д. с. с. князь В. А. Черкасский. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати; 1906. 345 с.
11. Фролова М.М. Русское гражданское управление в Болгарии и проблема болгарских беженцев в свете становления болгарской государственности (1877 – 19.02.1878 гг.). В: Данченко С.И., редактор. Славяне и Россия: проблемы

государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.). Москва: Институт славяноведения РАН; 2020. с. 106–150. DOI: 10.31168/2618-8570.2020.08.

12. Боянов СН. Временное российское правление в Болгарии в 1877–1878 гг.: становление болгарской администрации. *Вестник Брянского университета*. 2020;3:31–44. DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-03-31-44.

13. Тонев В. Формиране и състав на органите на временното руско управление в Добруджа. *Сборник в чест на професора доктора Христо Гандев*. София: Българска академия на науките; 1985. с. 266–278.

14. Овсяный Н. Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин. *Русская старина*. 1909;137(3):579–586.

15. Сальков АП. Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность. В: Белорусский государственный университет. *История и историография: объективная реальность и научная интерпретация. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты; 5 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 316–327.

16. Овсяный НР. *Болгарское ополчение и земское войско: к истории гражданского управления и оккупации Болгарии в 1877–78–79 гг.* Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати; 1904. 328 с.

17. Александрович СС. Реформы русского гражданского управления в Болгарии (январь – май 1878 г). У: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Працы гістарычнага факультэта БДУ. Навуковы зборнік. Выпуск 5*. Мінск: БДУ; 2010. с. 157–164.

18. Горина ЛВ. *Марин Дринов – историк и общественный деятель*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1986. 207 с.

19. Божков А. Культура и культурни институции в България след 1878 г. (до първата световна война). В: Българско историческо дружество. *България 1300. Институции и държавна традиция. Том 1, Доклади на трети конгрес на Българското историческо дружество; 3–5 октомври 1981 г.; София, България*. София: Българско историческо дружество; 1981. с. 347–370.

20. Манолова М. Бърлинският договор и проблемът за държавноправното обособяване на България. У: Българската Академия на науките. *Освобождение на България. Материали от юбилейна Международна научна сесия в София*. София: Българската Академия на науките; 1982. с. 244–255.

21. Шаренкова С. *Болгария – Россия: исторический очерк*. София: Софийский университет имени Святого Климента Охридского; 2004. 196 с.

Получена 06.07.2024 / исправлена 29.06.2025 / принята 04.07.2025.
Received 06.07.2024 / revised 29.06.2025 / accepted 04.07.2025.

«ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ СОЗДАЛА НАШЕ ГОСУДАРСТВО»: И. Е. ЗАБЕЛИН ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ (НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ)

Ю. Г. КОКОРИНА¹⁾

¹⁾Московский политехнический университет, ул. Большая Семёновская, 38, 107023, г. Москва, Россия

Аннотация. Выдающийся российский историк И. Е. Забелин известен своими исследованиями по истории допетровской Руси и древней Москвы, а также археологическими раскопками в Северном Причерноморье. Современники ученого противоречиво оценивали его идеи о сущности исторической науки, хотя преобладало положительное мнение о его воззрениях. В советское время И. Е. Забелин считался историком монархического толка, к его научным трудам часто относились пренебрежительно. Для постсоветского времени характерны попытки объективного взгляда на теоретическое наследие ученого. Анализ его размышлений о сущности исторического знания представляется особенно актуальным в настоящее время кризисов и перемен, когда человечество обращается к прошлому в поисках ответов на остро стоящие вопросы. В связи с этим изучается рукописное наследие И. Е. Забелина в контексте развития исторической мысли его эпохи, впервые вводятся в научный оборот записи историка, которые хранятся в его архиве, и сравниваются с его печатными произведениями программного характера. Выявляется своеобразие взглядов исследователя на историческое знание. Он связывает историю с нравственными категориями, делает замечания о сущности дружинного строя, основанного на товариществе, и считает исторический факт носителем идеала. И. Е. Забелин выступает против бездумного собирания фактов и видит необходимость раскрывать закономерности исторического процесса. История для него – поиск свободы. Исследователь рассматривает историю как науку об обществе, а не о подвигах людей или уникальных событиях. По его мнению, задача исторического знания заключается в формировании личности в обществе, а задача государства как исторического феномена – в служении отдельной личности, народу, с чем и связано возвышение Москвы как центра русских земель. Причиной создания русского государства И. Е. Забелин считает любовь к отечеству.

Ключевые слова: теория истории; историческое знание; история России XIX в.; источниковедение; И. Е. Забелин.

«ЛЮБОЎ ДА АЙЧЫНЫ СТВАРЫЛА НАШУ ДЗЯРЖАВУ»: І. Я. ЗАБЕЛІН ПРА ГІСТАРЫЧНЫЯ ВЕДЫ (НА АСНОВЕ АРХІЎНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ)

Ю. Г. КАКОРЫНА^{1*}

^{1*}Маскоўскі політэхнічны ўніверсітэт, вул. Вялікая Сямёнаўская, 38, 107023, г. Масква, Расія

Анатацыя. Выбітны расійскі гісторык І. Я. Забелін вядомы сваімі даследаваннямі па гісторыі дапетроўскай Русі і старажытнай Масквы, а таксама археалагічнымі раскопкамі ў Паўночным Прычарнамор'і. Сучаснікі вучонага супярэчліва ацэньвалі яго ідэі пра сутнасць гістарычнай навукі, хоць пераважала станоўчае меркаванне пра яго погляды.

Образец цитирования:

Кокорина ЮГ. «Любовь к отечеству создала наше государство»: И. Е. Забелин об историческом знании (на основе архивных материалов). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:47–57. EDN: FLBKFO

For citation:

Kokorina JuG. «Love for the fatherland created our state»: I. E. Zabelin on historical knowledge (based on archival materials). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:47–57. Russian. EDN: FLBKFO

Автор:

Юлия Георгиевна Кокорина – кандидат исторических наук, доктор филологических наук; профессор кафедры гуманитарных дисциплин факультета базовых компетенций.

Author:

Julia G. Kokorina, PhD (history), doctor of science (philology); professor at the department of humanities, faculty of basic competencies.
kokorina@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>

У савецкі час І. Я. Забелін лічыўся гісторыкам манархічнага толку, да яго навуковых прац часта ставіліся зняважліва. Для постсавецкага часу характэрны спробы аб'ектыўнага погляду на тэарэтычную спадчыну вучонага. Аналіз яго разважанняў пра сутнасць гістарычных ведаў уяўляецца асабліва актуальным у цяперашні час крызісаў і перамен, калі чалавецтва звяртаецца да мінулага ў пошуках адказаў на вострыя пытанні. У сувязі з гэтым вывучаецца рукапісная спадчына І. Я. Забеліна ў кантэксце развіцця гістарычнай думкі яго эпохі, упершыню ўводзяцца ў навуковае абарачэнне запісы гісторыка, якія захоўваюцца ў яго архіве, і параўноўваюцца з яго друкаванымі творами праграмага характару. Выяўляецца своеасаблівае поглядаў даследчыка на гістарычныя веды. Ён звязвае гісторыю з маральнымі катэгорыямі, робіць заўвагі пра сутнасць дружнага ладу, заснаванага на таварыстве, і лічыць гістарычны факт носьбітам ідэалу. І. Я. Забелін выступае супраць бяздумнага збірання фактаў і бачыць неабходнасць раскрываць заканамернасці гістарычнага працэсу. Гісторыя для яго – пошук свабоды. Даследчык разглядае гісторыю як навуку пра грамадства, а не пра подзвігі людзей або ўнікальныя падзеі. На яго думку, задача гістарычных ведаў заключаецца ў фарміраванні асобы ў грамадстве, а задача дзяржавы як гістарычнага феномена – у служэнні некаторай асобе, народу, з чым і звязана ўзвышэнне Масквы як цэнтра рускіх зямель. Прычынай стварэння рускай дзяржавы І. Я. Забелін лічыць любоў да айчыны.

Ключавыя словы: тэорыя гісторыі; гістарычныя веды; гісторыя Расіі XIX ст.; крыніцазнаўства; І. Я. Забелін.

«LOVE FOR THE FATHERLAND CREATED OUR STATE»: I. E. ZABELIN ON HISTORICAL KNOWLEDGE (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Ju. G. KOKORINA^a

^a*Moscow Polytechnic University, 38 Bol'shaya Semenovskaya, Moscow 107023, Russia*

Abstract. The outstanding Russian historian I. E. Zabelin is known for his research on the history of pre-Petrine Russia and ancient Moscow, as well as his archaeological excavations in the Northern Black Sea region. The scholar's contemporaries had mixed feelings about his ideas on the nature of historical science, although the prevailing opinion was positive. During the Soviet era, I. E. Zabelin was considered a monarchist historian, and his scientific works were often treated with contempt. The post-Soviet era has been characterised by attempts to take an objective view of the scholar's theoretical legacy. An analysis of his reflections on the essence of historical knowledge seems particularly relevant at the present time of crisis and change, when humanity is turning to the past in search of answers to pressing questions. In this regard, I. E. Zabelin's manuscript legacy is being studied in the context of the development of historical thought in his era, and the historian's notes, which are stored in his archive, are being introduced into scientific circulation for the first time and compared with his printed works of a programmatic nature. The uniqueness of the researcher's views on historical knowledge is revealed. He links history with moral categories, comments on the essence of the vigilante system based on comradeship, and considers historical facts to be the bearers of ideals. I. E. Zabelin opposes the mindless «collection» of facts and sees the need to reveal the patterns of the historical process. For him, history is a search for freedom. The researcher views history as a science about society, rather than about the exploits of individuals or unique events. In his opinion, the task of historical knowledge is to shape the personality in society, and the task of the state as a historical phenomenon is to serve the individual and the people, which is why Moscow rose to prominence as the centre of the Russian lands. I. E. Zabelin believes that love for the fatherland was the reason for the creation of the Russian state.

Keywords: theory of history; historical knowledge; history of 19th century Russia; source studies; I. E. Zabelin.

Введение

Выдающийся российский историк И. Е. Забелин (1820–1908) известен своими трудами, посвященными истории допетровской России, в частности быту русских царей [1] и цариц [2], истории Москвы [3–5]. Он прославился исключительными находками в скифских курганах Северного Причерноморья [6–8], а также теоретическими работами в области археологии и истории [9; 10]. Размышления И. Е. Забелина о смысле исторического знания имеют особую ценность, что актуально в современных условиях засилья технократии, столкновения глобальных интересов разных стран и нахождения нравствен-

ных устоев под угрозой. Через полвека после смерти И. Е. Забелина выдающийся французский историк, основатель школы «Анналов» М. Блок сказал слова, звучащие удивительно современно: «Всякий раз, когда наши сложившиеся общества, переживая беспрерывный кризис роста, начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали» [11, с. 7].

Суть исторического знания интересовала профессиональных историков с момента зарождения истории как науки. За последние десятилетия мнение

о состоянии исторического знания в России середины XIX – начала XX в. значительно изменилось (от утверждения о кризисном характере [12] до восторженной оценки [13]). Уровень развития исторического знания в России того времени, на которое приходится творчество И. Е. Забелина, неоднократно анализировался в российской науке¹ [13–22]. Современные авторы оценивают период с середины XIX по начало XX в. как эпоху дискуссий славянофилов с западниками и революционерами-демократами, что в исторической мысли отразилось в существовании таких направлений, как позитивизм, неокантианство, романтизм и гегельянство, которые часто трудно отделить друг от друга [23]. В работах об исторической мысли данной эпохи указывается на косвенное и опосредованное влияние на нее марксизма [21]. Деятели исторической науки названного периода посвящены многочисленные монографии, отдельные статьи и сборники статей (например, см. публикации [24–26]); также защищены диссертации, в которых рассматривается их жизненный путь и научные взгляды с современной точки зрения². Обзор всех этих работ мог бы стать темой специального исследования. Кроме того, отдельная публикация может быть посвящена дискуссиям по поводу норманнской теории, движущих сил и закономерностей исторического процесса, роли народа в истории, разгоравшимся на страницах научной и публицистической печати и влиявшим на мировоззрение людей того времени, в том числе И. Е. Забелина. Цель настоящей

работы – выявление особенностей взглядов И. Е. Забелина на историю в контексте исторической мысли его эпохи, что позволит не только понять представления об истории как науке на основе рассмотрения высказываний исследователя, но и определиться с оценкой этого периода российской истории как кризисного. Как отмечено выше, кризисные периоды развития науки или политической системы заставляют обратиться к истокам формирования современных научных или политических представлений. Сегодня выходят труды как отечественных, так и зарубежных авторов, обобщающих положения об историческом знании [27–29]. Анализ взглядов И. Е. Забелина в этом плане представляется актуальным.

В российской историографии предпринимались попытки изучения теоретического наследия ученого, однако они делались на основе опубликованных сведений. Мы обратимся к архиву историка и введем в научный оборот его рукописные материалы. Кроме того, в данной работе особенности взглядов И. Е. Забелина впервые рассматриваются в контексте направлений, существовавших в историческом научном сообществе середины XIX – начала XX в., а также они сравниваются с его воззрениями, содержащимися в печатных трудах программного характера. Обилие цитат в тексте статьи объясняется обращением к новому источнику – научным рукописям историка. Мы хотим, чтобы читатель прочувствовал взволнованный слог исследователя, говорящего о самом дорогом в его жизни.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования выступили рукописи И. Е. Забелина, хранящиеся в его архиве в отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ) в Москве. Ученый сам упорядочивал свой архив, а в 1940-х гг. его тщательно разобрали сотрудники данного музея С. И. Сакович, И. И. Коган и С. П. Григорова [30, с. 13]. Давая археографическую характеристику рассматриваемым материалам, следует отметить, что они представляют собой самодельные тетради одинакового формата с широкими полями, в которых велись записи как чернилами, так и простым карандашом. Тетради пронумерованы рукой И. Е. Забелина синим карандашом, на первой странице некоторых из них стоит дата, проставленная также синим карандашом. Иногда в тетрадях содержатся записи дневникового характера с указанием даты, но большинство записей не датированы, и, судя по изменениям почерка, они велись в разное время. Также почерк отражает

настроение автора: в одних случаях он размеренный и каллиграфический, в других случаях – «летающий» (видно, что ученый торопился зафиксировать посетившую его мысль). В тетради присутствуют размышления об учебных курсах истории, которые И. Е. Забелин читал в Константиновском межевом институте, рецензии на исторические труды и записи лекций. Видимо, по воле историка тетради объединены в отдельную единицу хранения его фонда³.

В ходе исследования использовались некоторые научные методы. Сравнительно-исторический метод позволил сравнить идеи И. Е. Забелина с концепциями других историков его времени, многих из которых он знал лично или «дышал одним научным воздухом». Необязательно предполагать их непосредственное влияние на взгляды ученого, но формирующаяся научная парадигма (в понимании Т. Куна) воздействовала на его воззрения. Дескриптивный метод применялся для описания основных

¹Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции : учеб. пособие для вузов СССР / под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева ; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М. : Соцэкгиз, 1961. 511 с.

²Баранов М. В. Философия истории В. О. Ключевского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. М., 2007. 18 с. ; Чалая Т. П. Н. И. Костомаров (1818–1875). Общественно-политические взгляды и деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2006. 20 с.

³ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269.

идей И. Е. Забелина. Принцип историзма важен для определения места работ ученого в контексте развития исторического знания XIX в. Принцип объек-

тивности, являющийся значимым в любой работе по историографии, стал ключевым и в настоящем исследовании [30, с. 65].

Концепция истории, принадлежащая И. Е. Забелину

Взгляды И. Е. Забелина на природу исторического и археологического знания интересовали ученых с XIX в. Рассмотрим основные оценки, касающиеся его теоретического наследия.

Реакция В. О. Ключевского на печатный двухтомник историка отражена в следующих словах: «Стремление выпукло, наглядно изобразить явление с внешней стороны, но не объяснить его медленным анализом известий» [31]. К. Н. Бестужев-Рюмин положительно отозвался о концепции российской истории, высказанной И. Е. Забелиным в сочинении «История русской жизни с древнейших времен» [32]. Ученик К. Н. Бестужева-Рюмина С. Ф. Платонов подчеркивал, что тема роли народа в истории являлась ведущей в творчестве ученого [33]. Н. П. Павлов-Сильванский выступил с одной из первых энциклопедических статей о И. Е. Забелине, отметив значение развитой им теории вотчинного происхождения Московского государства⁴. С. С. Трубачев восторженно отозвался о трудах историка [34]. Полувековому служению русской науке И. Е. Забелина посвящена серия статей Д. Д. Языкова [35]. В ней прослежен путь ученого «в ряды замечательных представителей русской науки» [35, с. 278]. А. С. Лаппо-Данилевский писал об актуальности работ И. Е. Забелина для дальнейшего развития русской исторической науки [36]. Вклад историка в теорию археологии разносторонне и подробно рассмотрел Н. Н. Ардашев. В 1911 г. вышло издание «Памяти Ивана Егоровича Забелина», в котором В. Щепкин отметил, что «то был не только ученый и не только художник, а человек, слитно владеющий обеими сторонами духа» [37, с. 22].

В первые годы советской власти И. Е. Забелина считали историком монархического толка, идеи которого далеки от занимавших историков-марк-

систов проблем. В 1941 г. Н. Л. Рубинштейн назвал теоретические взгляды ученого созданными «на основе эклектического смешения понятий славянофильства и юридической школы» [38, с. 419], а Е. Звягинцев считал их «идеалистическими и даже политически реакционными» [39, с. 63]. Характеристика исторических воззрений И. Е. Забелина в работе Н. Л. Рубинштейна 1965 г. также отличалась критической направленностью [40]. В 1984 г. вышла единственная в настоящее время монография о жизни и деятельности И. Е. Забелина [30]. Ее автор, А. А. Формозов, указал, что «создание полной биографии замечательного русского историка – дело будущего» [30, с. 13]. Ценность его труда состоит в широком использовании архивных материалов и характеристике полевой работы И. Е. Забелина, однако теоретические взгляды на историческую науку исследователь не рассматривал. А. Н. Сахаров в работах 1990-х гг. [41; 42] отметил, что «И. Е. Забелин писал историю народа, одновременно он писал историю личностей; через личности он показывал народ, а характеризуя народ, шел к обрисовке характера личности» [42, с. 331]. В 1992 г. к 170-летию со дня рождения ученого вышел специальный номер сборника «Труды Государственного исторического музея», в котором помещены работы, содержавшие оценку его исторических взглядов [43]. В своей монографии по истории российской археологии Л. С. Клейн посвятил главу биографии И. Е. Забелина как археолога, а именно уделил внимание его воззрениям на теорию археологии [44]. Следует отметить, что российские историки постсоветского периода только начинают открывать для себя теоретическое наследие историка, руководствуясь, прежде всего, опубликованными работами.

История как нравственная категория

В своем дневнике молодой И. Е. Забелин писал, что ему «хотелось знания, хотелось учиться» [30, с. 34]. В Московский университет он не мог поступить из-за недостатка средств и отсутствия гимназического образования, однако на него влияли мысли ведущих историков России. В 1840-х гг. кафедру русской истории в названном учреждении образования возглавлял М. П. Погодин, которому сегодня не свойственна характеристика сторонника теории официальной народности⁵ [45]. И. Е. Забелин был знаком с его работами, знал его лично [44, с. 436]. М. П. Погодин считал, что, занимаясь историей, необходимо учитывать «чувствования» и «помышления» людей, изу-

чать народный быт [46, с. 76]. И. Е. Забелин также позиционировал себя как историка народного быта и считал исследование царского быта только началом обширной работы [41], но сторонником теории официальной народности его назвать нельзя. Когда в конце 1840-х гг. вышла серия статей ученого о домашнем быте русских царей XVII в., поборник теории официальной народности С. П. Шевырев заявил, что «автор... плюет на гроб отцов, что он человек неблагонамеренный» [47, с. 32–33].

И. Е. Забелин слушал курс истории Т. Н. Грановского и до конца дней сохранил признательность профессору [30, с. 50], но он был далек в своих воззрениях

⁴Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 18. СПб. : Типолитограф. И. А. Ефрона, 1899. 492 с.

⁵Почивалова А. В. Историческая концепция М. П. Погодина : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Казань, 2010. 25 с.

и от западников, и от славянофилов [41]. Главная черта отношения ученого к истории и историческому знанию – понимание их как категорий нравственных. Так, на полях тетради с лекциями об эволюции родового быта он сделал следующую запись: «Аристократизм не в том запечатлется, что есть аристократы, а в том, что умы сами не думают, а раболепствуют перед нею»⁶ (здесь и далее цитаты из архивных источников приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала). Историк продолжил размышления о природе социальной дифференциации: «Родовой быт – быт предания, порабощения ума старшему, хотя бы в виду и была община, т. е. равенство отношений, кажущаяся простота нравов. NB: простоту, прямоту нравов почитают за равенство. Если были люди, которых презрительно называли смердами, т. е. больше ничего и не надо для характеристики общины»⁷.

И. Е. Забелин был знаком лично с К. Д. Кавелиным. Его статья «Взгляд на юридический быт древней России» содержала идею о том, что до формирования государства народ жил по законам рода и впоследствии эти законы вытеснялись государственными [30, с. 58]. И. Е. Забелин считал, что К. Д. Кавелин «смотрит в душу истории»⁸. Сам он неоднократно размышлял о роли рода, проводя сопоставление социальных и нравственных категорий. На полях тетради с лекциями о родовом быте ученый отметил: «Род ни к чему не обязывал. А обязывал мир – община. Род налагал новые свои определения. Налагал ли мир – община: вот различия рода и мира. Летописец сказывал: живяху тогда своим миром, владеющие миром. Вот в чем дело. Род владел всем умом, чувством, волею»⁹.

Нравственными категориями проникнуты мысли историка о товариществе, которое он считал основой древнерусской дружины: «Другой пример управляющей силы – товарищество, из-за которого также являются права и обязанности. Я имею право требовать. Обязан отвечать этим требованиям. Является идеал хорошего товарища, как хорошего родича. Что нами управляет. Мысль, идеал, понятие о хорошем товарище»¹⁰. Далее И. Е. Забелин расшифровал свою мысль: «Я должен быть заодно, не выдавать товарища, хотя бы это стоило мне жертв, т. е. неприятностей, лишений. Я должен делить все с товарищем. Защищать его от нападок других»¹¹.

Темой специального исследования может стать отношение И. Е. Забелина к норманнской теории.

Влиявший на молодого историка сторонник этой теории М. Н. Погодин считал, что именно варяги создали Древнерусское государство, владеть и княжить их призвали славяне [48]. Говоря об отношении к этой теории в то время, антинорманнисты Ю. И. Венелин, С. А. Гедеонов и Д. И. Иловайский определили его «как скандинавоманию, как ультраскандинавский взгляд на русский исторический быт, как крайний норманизм» [26, с. 34]. Именно «...благодаря исследованиям С. А. Гедеонова, Д. И. Иловайского, И. Е. Забелина в 60–70-х гг. XIX в. был фактически преодолен ультранорманизм, присущий первой половине столетия. Неслучайно А. А. Куник назвал 1876 г., когда вышли работы указанных авторов, роковым для норманистов» [26, с. 299]. С. М. Соловьев, с которым И. Е. Забелин был знаком лично по кружку А. В. Станкевича, брата известного философа, считал, что варяги не только не изменили характер общего быта славян, но и подчинились ему. В связи с этим выделять особый, норманнский период в истории России, как это делал М. П. Погодин, нет оснований [49, с. 36].

И. Е. Забелин считал Рюрика выходцем из прибалтийских славян. Размышления о призвании Рюрика на княжение в Новгороде связаны у него с нравственными категориями: «Требовалось третьего лица, третьей силы, мирящей два эгоизма в их разногласии, столкновении, борьбе. Требовалось равенство, с родовыми понятиями утвердило самовластие касательно власти: самодержавие, деспотизм»¹².

Нравственная категория свободы неоднократно рассматривалась И. Е. Забелиным в контексте проблемы исторического развития общества: «Правды ищет человек, который ищет свободы. Не той свободы, которую всякий зверь понимает, т. е. свободы делать все, что мне захочется, а свободы человеческой, разумной, которая могла бы охранить и меня от насилия со стороны других, и других от моего насилия»¹³. Подобные идеи связаны у И. Е. Забелина с понятием исторического факта: «По всей истории проводится мысль, что нужно для полной свободы лица, чтобы воспитанник вынес программу, что ему нужно искать и делать для других поисков. Свобода лица – идеал, Р[оссийская] история скажет, насколько факт подошел или отошел от идеала. Факт должен ясно осязательно выразить идеал»¹⁴.

Уделяя значительное внимание работе исследователя с источником, М. П. Погодин считал, что из бесстрастных и максимально полных обобщений исторических фактов вырастет само собой историческое

⁶ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

⁷Там же.

⁸Там же. Л. 327.

⁹Там же. Л. 3.

¹⁰Там же. Л. 5.

¹¹Там же.

¹²Там же. Л. 10.

¹³Там же. Л. 10–11.

¹⁴Там же. Л. 14.

знание. Этот метод он называл математическим. И. Е. Забелин резко критиковал подобные взгляды, указывая на необходимость осмысления и объяснения фактов, наличия у историка первичной идеи [50]. Мысли, высказанные им в печати, еще ярче отражены в архивных материалах. Ученый выступал против собирания фактов. Он считал важным уяснить движущую силу истории: «Приступая к изложению истории, прежде всего мы находимся под влиянием фактов. Но факты, дела суть проявления мысли и чувства, понятий, идеи, руководящей общей силой. Ее-то, эту идею, начало интуитивно поймать, ловить за хвост»¹⁵.

Размышления В. О. Ключевского, младшего современника И. Е. Забелина, о проблеме построения фактов и работе с источниками выражены в следующем суждении: «Факт не есть в историческом труде нечто объективное и безличное...» [51, с. 133]. Следует отметить, что для него «исторические факты... являлись основой интерпретаций, с их помощью “он любил раскапывать жизненный “мусор”, как иногда он выражался про бытовые детали, так как в них порою лучше раскрываются подлинные черты минувшей жизни”» [51, с. 133]. Именно с жизнью, нравственностью связана история для И. Е. Забелина. Он писал: «Сколько раз на распутиях жизни молодой человек становится в тупик при встрече с так называемым долгом. Сколько раз в нерешительности совершить поступок он вращается между двух сил, которые двигают и будут всегда двигать и целыми обществами, и отдельной личностью. Эти силы – идеи и благоразумие. Между ними идет вечная, нескончаемая борьба – создающая и производящая Историю для жизни, самую жизнь. Идея говорит устами мученика, благоразумие разъясняет вещи устами купца, промышленника, дипломата, всякого хитреца»¹⁶.

При рассмотрении истории с позиции нравственных категорий И. Е. Забелин сравнил ее с богословием. Он отметил: «История есть наука об обществе, о жизни общества, о жизни в обществе. Богословие – наука о жизни индивидуальной, как жить отдельному человеку, по отношению к самому себе и к ближнему, к богу. История учит нравственности

к обществу как к целому, этому своего рода нашему ближнему, нашему другому»¹⁷.

Также И. Е. Забелин сравнивал историю и литературу. Возможно, это сравнение было связано с преподаванием ученым обеих дисциплин в Константиновском межевом институте: «Жизнь состоит из души и тела, иначе из слова и дела. Душа – слово, тело – дело. История занимается делом как типом жизни. Литература занимается словом как душою жизни. Весьма важно поставить на надлежащее место основы жизни. Основы дела и слова, т. е. основы и цели развития жизни. Что значат эти основы. Вечные причины (последнее слово подчеркнуто. – Ю. К.), как из них выходит и к ним идет развитие человека. <...> Наше время есть время, которое может указать эти цели. Например, что люди все равны. Что высшая цель – оставаться человеком. Узнать достоинство человека»¹⁸. И. Е. Забелин рассматривал историю как поиск свободы: «История начинается исканием свободы – описанием достижения свободы или погибелью на пути от заблуждения. История есть свобода развивающаяся. Там, где нет полной свободы, нет истории цивилизации, развития, нет там и человека – его личности. Цель свободы – свобода личности. Свобода и необходимость – две силы управляющие. Необходимость есть рабство»¹⁹.

В статье об истории, размещенной в издании Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона «Энциклопедический словарь», Н. И. Кареев, младший современник И. Е. Забелина, написал: «Достоинство истории как свидетельницы истины требует полной свободы; но бывали целые периоды, когда правительства не позволяли касаться наиболее важных исторических вопросов по тем или другим политическим соображениям, и общество или совсем не знало своего прошлого, или представляло его себе в том виде, в каком это было желательным официальной историографии. Одна из важнейших культурных и социальных задач истории как науки состоит именно в том, чтобы давать обществу настоящее знание его собственного и чужого прошлого, без которого невозможно и надлежащее понимание современности»²⁰. Идея о связи понятий «история» и «свобода» свойственна обоим названным историкам.

Сущность исторического знания

В 1860-х гг. И. Е. Забелин опубликовал статьи «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» и «Современные взгляды и направления в русской истории», которые были переизданы в 1870-х гг. Ученый понимал, что «требования науки... будут сиять вечно и переживут миллионы

бойких и назойливых дней» [52, с. 8]. Историк ставил задачу изучения народа, народного духа. Народ развивается, как живой организм. Обращение к естественно-научной лексике свойственно людям, увлекавшимся естествознанием в то время. Неслучайно И. Е. Забелин считал необходимым при изучении

¹⁵ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269. Л. 45.

¹⁶Там же. Л. 40.

¹⁷Там же. Л. 202.

¹⁸Там же. Л. 302.

¹⁹Там же. Л. 311.

²⁰Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 13-А. СПб. : Типолитограф. И. А. Ефрона, 1894. С. 505.

истории прибегать к микроскопу, а раскопки курганов сравнивал с анатомическим препаратом [53]. В аналогичном ключе размышлял С. М. Соловьев, полагавший, что народы живут и развиваются по известным законам, как отдельные лица, все живое. По его мнению, историческая наука – это проявление народного самопознания для всего человечества [54, с. 1117]. И. Е. Забелин назвал труд С. М. Соловьева «естественным, необходимым... последствием нового поворота исторических требований и чаяний» [52, с. 33]. В историографии И. Е. Забелин выделял следующие течения: этнографическое течение, олицетворяемое Н. И. Костомаровым, историческое течение во главе с западником К. Д. Кавелиным, а также славянофильское течение. Представители этнографического направления ставили своей задачей изучить отдельные черты быта народа. Сторонники исторического течения доказали необходимость государственного элемента. Антагонисты отделяли государство от народного элемента, будучи поверхностно знакомыми с историей своего народа [52, с. 38].

Общий взгляд И. Е. Забелина на историю России заключался в противостоянии личного и общего. На вкладном листке, датированном 24 октября 1860 г., он сделал следующую запись: «История наша – переход из патриархальных отношений в юридические. Из отношений личного желания в определение общего требования. Идеалы: храбрость, смелость, сила, благородство. Один – предводитель храбрых»²¹. Ученый считал, что историю движет сознание общих целей: «Такое состояние людей мы называем родовым бытом, в противоположность быту государственному – хоть дела людей, их мысли, понятия управляются другими силами – общественными, когда является сознание общих целей, в то время, как в родовом быту цели рода всюду играют первую роль, исключают всякие другие цели и составляют в сложности только однородность целей, а не общую цель, до всех касающуюся»²². По его мнению, сущность истории состоит в единстве личного и общего: «Вся история – это запись истории борьбы общего с личностным. Каждый свои цели преследует и повторяет общим. Сочувствия у всех одинаковы к общему и за общее. Где нарушается закон или требование общего, там всегда является сочувствие к этому общему против эгоизма. Кто идет за общее – тот герой, благотворитель, кто идет за частное – тот злой враг человечества. Личности сначала руководствуются личным, потом они уже доходят до требований общего. Личное... (неясное слово. – Ю. К.) – общий мир, благополучие»²³.

М. В. Погодин одним из первых в российской историографии поставил вопрос о наличии истори-

ческих закономерностей, но ведущую роль в историческом процессе он отводил провидению, географическим и природным факторам²⁴. В. О. Ключевский отмечал, что «из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем – и это будет торжеством исторической науки – выработаться и общая социологическая часть ее – наука об общих законах строения человеческих обществ» [55, с. 39].

Задачу историка И. Е. Забелин видел в раскрытии законов общественного развития, движущих исторический процесс: «История не есть описание событий, достопримечательных происшествий, лиц, царей, героев, не есть изображение всего этого. Описание, изображение есть только средства, которыми она пользуется для достижения главной интерпретаторской своей цели (последние два слова подчеркнуты. – Ю. К.), т. е. раскрытий законов человеческой жизни, нравственной, духовной, вообще, т. е. законов жизни общественной и единичной. Законы вырастают в событиях и лицах – вот это картины, явления, которые как естественные явления она описывает и изображает, как естественная история. Как является событие. Величие законов жизни. Например, близкое каждому событие, ссора, разрыв, борьба, драка – то же, что война, хотя бы и самая большая. Как оно происходит. Показать процесс. Таким образом создаются события, дела людей и обществ. Ход, развитие заключают в себе закон. Этот закон и необходимо добыть. Исследованием, описанием, изображением художественным»²⁵. И. Е. Забелин отметил высокий гуманистический посыл исторического знания: «Освобождение личности – вот смысл нашей истории. Родить зерно, из которого вырастет дерево, называемое Личностью, его рост или процесс его развития в лицах и событиях»²⁶.

Стремясь выделить наиболее важные исторические силы в жизни того или иного народа, В. О. Ключевский указывал, что эти силы «в своем взаимодействии вступают в столь сложные сочетания, что научная мысль пока останавливается перед ними, как перед неразобранными письменами» [55, с. 416]. И. Е. Забелин ставил перед собой задачу «...узнать эти силы, уяснить их себе, след в нашей истории жизни, на чем она растет и чем она питается.

Рабство – сила

Товарищество – сила

Вера – сила

Просвещение – сила

Торговля – сила

Ремесло – сила»²⁷. Вместе с тем, по мнению ученого, «человек живет среди силы, которая управляет

²¹ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269. Л. 6.

²²Там же. Л. 8.

²³Там же. Л. 108.

²⁴Почивалова А. В. Историческая концепция М. П. Погодина. С. 19.

²⁵ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269. Л. 138.

²⁶Там же. Л. 142.

²⁷Там же. Л. 17.

им физически, диктует его нравственность, его ум, его деятельность и его поступки»²⁸.

При расшифровании понятия силы государства И. Е. Забелин обращался к истории Московского царства: «Сила есть право. Не насилие, а сила. Сила защитит тебя от насилия. Вот право Москвы и Руси. Сила отстоять свою землю от нашествия. Москва собирала землю, развивала только силу, чтобы вернуть эту силу на всю землю. И теперь ее милостью каждый чувствовал: силен – политически»²⁹.

Исследователю чужд индивидуализм. Он отмечал: «История, изобразительница человеческой жизни, не помнит того времени, когда человек на земле жил один. Она застаёт уже многих людей, живущих вме-

сте, по племенам»³⁰. Понимание истории как науки о развитии общества нашло выражение в следующих словах ученого: «История занимается исследованием и изображением общей жизни человека, т. е. жизни человека в обществе себе подобных»³¹. И. Е. Забелин проследил связь истории и искусства на смысловом, теоретическом уровне: «Природа – то, что человек – животное. Он – животное общественное. Общество уже искусство. Его требование есть искусственное развитие. Вот отсюда и начинается ход истории и искусства. Венец искусства-истории есть развитая личность. Сама одна личность развиваться не может. Она развивается от общества. Чрез, из общества, в обществе, т. е. в искусстве, среди искусства»³².

Государство как историческое явление

И. Е. Забелин уделял внимание формированию идеи государства. В 1859 г. в дневнике он писал: «Почему развилось самодержавие, единодержавие. Потому что в народе лежат такие элементы. Следовательно, народ, народ в том виноват, а не кто другой, не черт, не дьявол» [47, с. 41]. М. П. Погодин, как сторонник концепции С. С. Уварова «самодержавие, православие, народность», видел причины формирования самодержавия на Руси в природных условиях и особенностях народного характера (он «тихий, спокойный, терпеливый» [56, с. 78]). Н. И. Костомаров (в 1870-х гг. И. Е. Забелин выступил против его оценки героев Смутного времени, опровергнув в работе «Минин и Пожарский. Прямые и кривые Смутного времени» как концепцию историка, так и использованные им источники [44, с. 455]), в отличие от И. Е. Забелина, отказывался в своем курсе обращаться к проблематике государства в России [57]. К. Д. Кавелин связывал появление первой идеи государства на русской почве с приходом норманнов, однако он объяснял возникновение государства внутренним развитием славянских племен [26]. Ученый считал, что «вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, и именно в государстве сосредоточились все силы и соки народной жизни» [26, с. 186]. С. М. Соловьев писал: «Государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства» [54, с. 761]. Только на этой стадии народ обретает способность к успешному прогрессу. От схемы С. М. Соловьева, который считал природу страны, природу племени и ход внешних событий основными влиявшими на жизнь народа условиями, существенно отличалась теоретическая модель

В. О. Ключевского *географическая среда – «людское общество» (народ) – человеческая личность* [55, с. 26]. Он впервые попытался проследить историю отдельных общественных элементов и роль экономического фактора в истории России.

И. Е. Забелин рассматривал государство также в рамках нравственных категорий: «Государство таково, каковы люди, все существует, ибо ему что необходимо, что есть потребность мощи. Владыки явились потому, что их ждали, желали, слались. Спор из того, что два взгляда, один классический, литературный, славянского факультета, другой физический, факультета естественного, понять трудно друг без друга.

Спор о государственном начале. Нужно отделить в понятии о Государстве личное начало от общего, народного. Народ способен создать Государство, государственную жизнь развить, устроить, а лицо способно поглотить в свою единичную пользу благо и интересы народа»³³.

Советская историография обвиняла И. Е. Забелина в поддержке монархизма. Представления об историке как монархисте ставятся под сомнение его замечанием: «Власть царя рождается из неправды, чем больше неправды, тем сильнее неуловимые... (неясное слово. – Ю. К.) власть»³⁴. Против самовластия направлены следующие размышления ученого: «Жизнь скверна, жизнь хороша, жизнь скучна, весела, легка, тяжела, достаточна, бедна – все это зависит от господствующей политики или управления, или отношений между людьми и отношений в общей власти.

Жизнь скучна, тяжела, бедна от рабских чувств, боязни, с какою человек проживает каждый день, боязни, что вот-вот порвется довольство, радость, счастье,

²⁸ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269. Л. 17.

²⁹Там же. Л. 71.

³⁰Там же. Л. 10.

³¹Там же. Л. 17.

³²Там же. Л. 73.

³³Там же. Л. 35.

³⁴Там же. Л. 37.

покой и т. д. А от чего порвется? От царства случайностей, от царства произвола и всяческого самовластия. Вот человек копит деньги... (неясное слово. – Ю. К.), прячет деньги в землю, и нисколько не улучшает свой быт – делается скрягою, скупцом»³⁵. Размышления о современном И. Е. Забелину государственном устройстве, политической ситуации можно проследить в таких словах: «Теперь необходимо знать историю – природу общества и затем антропологию – природу отдельной личности. Теперь нужен человек – философ, просвещенный философ, знаток человеческого сердца. Между тем думают вместо знаний этого сердца, нравов, обычаев народа иметь корпус жандармов – он заменит всякую философию, наблюдательность»³⁶.

Мысль о том, что государство должно воплощать идею свободного развития личности, принадлежит К. Д. Кавелину, которого считают одним из основоположников российской либеральной историографии [58, с. 38]. Размышляя о сути государства, И. Е. Забелин высказал идею о необходимости служения государства человеку, личности: «При определении, что такое государство, забывают, что оно существует только для индивида. Цари, правительства, забывая индивидов, слишком напевают на общее благо и забывают частное, так что общее вредит частному, личности, понимаемой в абстрактах чего-то общего. Главное – личность, обязанная общему... (неясное слово. – Ю. К.) только для собственного счастья, а не для счастья этого общего, счастья абстрактного, отвлеченного, ибо общее без частного невысказано»³⁷.

В понимании И. Е. Забелина размышления о роли государства связаны с руководящей ролью Москвы в нем, с опорой на простой народ: «Москве припи-

сывают хитрость лисицы, деспотичность и пр. в отношении порабощения всей страны. Но это – вздор. Она только держала великорусскую идею. И вся земля, можно сказать, наперекор стихиям тянулась к центру. Почему? Потому, что в Москве противником эгоистического было нечто общее, чего не было ни у Новгорода, ни у казаков. Общее это вытекало из хозяйственного взгляда на свою отчину. Все стремление обезопасить, дать правду, защитить народ, чернь. Москва всегда пользовалась тем, что протягивала руку черни, поддерживала чернь, а не бояр, не старшину. У ней было больше социального начала, чем у ее противников. Прежде всего надо согласиться, что Москву признали люди (последнее слово подчеркнуто. – Ю. К.) живые, а не абстрактные»³⁸. На принадлежащую исследователю концепцию государства, которое он рассматривал как единение народа с царем в противовес корыстному дворянству, повлияли общие настроения николаевской эпохи [30, с. 69].

И. Е. Забелин, как и его младшему современнику В. О. Ключевскому, свойственно представление о гражданственности истории. В. О. Ключевский, издавая свой курс за два года до смерти И. Е. Забелина, отмечал, что, «определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином» [55, с. 62]. В то же время сквозь все тексты записей И. Е. Забелина прослеживается вывод, пронизанный горечью («Земля велика и обильна, а жить не умеем (последние два слова подчеркнуты. – Ю. К.)»³⁹) и одновременно гордостью за свою страну («Любовь к отечеству создала наше государство»⁴⁰).

Заключение

Взгляды И. Е. Забелина на историю формировались под разными влияниями. Не всегда можно однозначно определить их истоки. На некоторые аспекты, в частности на необходимость исследования народного быта, оказал воздействие М. П. Погодин. Обращение к быту народа и понимание народа как истока всего объединяют идеи И. Е. Забелина с мнениями либеральных историков того времени, например со взглядами К. Д. Кавелина на роль рода в истории России или Н. И. Кареева о свободе и историческом знании. Современниками ученого были С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Их идеи о важности внимательной работы с источниками, бережном отношении

к историческому факту, а также о существенной роли государства в истории страны в определенной мере перекликаются с положениями И. Е. Забелина.

Необходимо отметить нестандартный характер взглядов И. Е. Забелина на историческое знание. История для него не просто сухая наука или средство зарабатывать на жизнь. Ученый рассматривал ее в тесной связи с нравственными категориями. По его мнению, история является нравственной категорией. В настоящее время замечания И. Е. Забелина, например идея о возникновении аристократии от желания рядовых членов общества подчиняться ей, могут показаться наивными. Однако глубокими

³⁵ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 269. Л. 39.

³⁶Там же. Л. 40.

³⁷Там же. Л. 58.

³⁸Там же. Л. 77–78.

³⁹Там же. Л. 42.

⁴⁰Там же. Л. 396.

и тонкими являются высказывания исследователя о сущности дружинного строя, основанного на товариществе. Живое, страстное отношение историка-антинорманиста к своему предмету видно в его замечаниях о призвании Рюрика как необходимости третьей силы, противостоящей эгоизму славянских вождей. По мнению И. Е. Забелина, исторический факт должен воплощать в себе нравственный идеал. Ученый выступал против бездумного собирания фактов. Он считал необходимым раскрывать причины, закономерности исторического процесса, что привело его к сравнению истории с другими областями знания – богословием и литературой. В результате история для исследователя есть вечный поиск свободы, а необходимость является рабством.

При рассуждении о сути исторического знания И. Е. Забелин видел истоки исторического процесса в единстве общих целей. Он рассматривал историю как науку об обществе, а не о подвигах отдельных личностей или уникальных событиях. Как полагал ученый, задачи историка – вскрыть законы, движущие общественное развитие, и понять сущность сил, управляющих обществом. Задача исторического

знания состоит в том, чтобы создать личность, которая формируется в обществе.

Интересны взгляды И. Е. Забелина на государство как исторический феномен. Ученый считал монархию следствием проявления насилия, а задача государства для него заключалась в служении отдельной личности, причем не просто личности, а простому народу. По его мнению, причины возвышения Москвы как центра русских земель связаны именно со способностью видеть «чаяния» простого человека. Рассмотрение концепций И. Е. Забелина в контексте развития российской исторической науки его времени заставляет усомниться в положении о ее кризисном состоянии и поддержать современных исследователей, стремящихся пересмотреть сложившуюся ранее точку зрения на основе новейших достижений науковедения.

Важно отметить, что причиной создания русского государства И. Е. Забелин считал любовь к отечеству. Этой мыслью проникнуты все идеи исследователя об историческом знании. Хочется надеяться, что знакомство с ними окажется необходимым нашим современникам.

Библиографические ссылки

1. Забелин ИЕ. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Том 1, Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.* Москва: Типография В. Грачева и К.; 1862. 530 с.
2. Забелин ИЕ. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Том 2, Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.* Москва: Типография В. Грачева и К.; 1869. 670 с.
3. Забелин ИЕ. *Опыты изучения русских древностей и истории. Часть 2.* Москва: Типография Грачева и К.; 1873. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия; с. 351–506.
4. Забелин ИЕ. *Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря.* Москва: Типография В. Грачева и К.; 1865. 160 с.
5. Забелин ИЕ. *Кунцово и древний Сетунский стан: исторические воспоминания.* Москва: Типография Грачева и К.; 1873. 262 с.
6. Императорская Археологическая комиссия. *Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом. Выпуск 1.* Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1866–1872. 3, 28, XVI с.
7. Забелин ИЕ. Скифские могилы. Чертомлыкский курган. *Древности. Труды Московского Археологического общества.* 1865;1(1):71–90.
8. Забелин ИЕ. *Скифия и сарматия.* Москва: Вече; 2015. 352 с.
9. Ардашев НН. И. Е. Забелин как теоретик археологии. *Древности. Труды Московского археологического общества.* 1909;22(2):71–218.
10. Забелин ИЕ. В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки? В: Модестов ВИ. *Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Том 1.* Киев: Типография Императорского университета имени Святого Владимира; 1878. с. 1–17.
11. Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка.* Москва: Наука; 1986. 256 с. (Памятники исторической мысли).
12. Ковальченко ИД, Шикло АЕ. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века. *Вопросы истории.* 1982;1:18–35.
13. Кривошеев ЮВ, Дворниченко АЮ. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века. *Отечественная история.* 1994;3:143–158. EDN: SBXXXB.
14. Нечкина МВ, Алпатов МА, Вебер БГ, Городецкий ЕН, Дубровский СМ, Станиславский АМ, редакторы. *Очерки истории исторической науки в СССР. Том 3.* Москва: Издательство АН СССР; 1963. 830 с.
15. Левин ШМ. *Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX в.* Ленинград: Наука; 1974. 441 с.
16. Хмылев ЛН. *Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв.* Томск: Издательство Томского университета; 1978. 172 с.
17. Рамазанов СП. *Кризис в российской историографии начала XX века. Часть 1, Постановка и попытка решения проблемы.* Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета; 1999. 144 с.
18. Корзун ВП. *Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.* Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2000. 226 с.
19. Цамутали АН. *Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века.* Ленинград: Наука; 1977. 256 с.

20. Сидненко ТИ. *Идейно-теоретические и методологические взгляды представителей российской либерально-исторической мысли конца XIX – начала XX вв.* Санкт-Петербург: Нестор; 2006. 246 с.
21. Сидненко ТИ. *Либеральное направление отечественной историографии в конце XIX – начале XX веков.* Санкт-Петербург: Элексис Принт; 2007. 380 с.
22. Шаханов АН. *Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты.* Москва: Наука; 2003. 419 с.
23. Леонтьева ОБ. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв. в понимании современной историографии. *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки.* 2015;3:68–75.
24. Нечкина МВ. *Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества.* Москва: Наука; 1974. 638 с.
25. Погодин СН. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технический университет; 1997. 377 с.
26. Петров ЮА, редактор. *С. М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка.* Москва: Институт Российской истории РАН; 2020. 407 с.
27. Егоров АГ. *Почему и как изменяются наука и культура?* Москва: Новый хронограф; 2013. 304 с.
28. Кукарцева МА, редактор. *Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки.* Москва: Канон+; 2011. 352 с.
29. Тоштендаль Р. *Профессионализм историка и историческое знание.* Серегина АЮ, переводчик. Москва: Новый хронограф; 2014. 346 с.
30. Формозов АА. *Историк Москвы И. Е. Забелин.* Москва: Московский рабочий; 1984. 239 с.
31. Ключевский ВО. *Неопубликованные произведения* [Интернет]. Москва: Наука; 1983 [протитировано 26 марта 2024 г.]. Доступно по: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1876_zabelin.shtml.
32. Бестужев-Рюмин КН. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Часть 1. *Древняя и новая Россия.* 1876;8:386–387.
33. Платонов СФ. *Статьи по русской истории (1883–1912).* Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова; 1912. 528 с.
34. Трубаев СС. Пятидесятилетие ученой деятельности И. Е. Забелина. *Исторический вестник.* 1892;48(6):746–757.
35. Языков ДД. Иван Егорович Забелин (ко дню полувекового служения его русской науке). *Библиографические записки.* 1892;4:276–278.
36. Лаппо-Данилевский АС. Иван Егорович Забелин. Некролог. *Известия Императорской Академии наук. Серия 6.* 1909;3(2):123–128.
37. Щербатов Н, Забелина М, Кузьминский К, Щепкин В. *Памяти Ивана Егоровича Забелина.* Москва: Синодальная типография; 1911. 32 с.
38. Рубинштейн НЛ. *Русская историография.* Москва: Госполитиздат; 1941. 659 с.
39. Звягинцев Е. Историограф великого города – И. Е. Забелин (1829–1908). *Исторический журнал.* 1943;3–4:61–66.
40. Рубинштейн НЛ. Иван Егорович Забелин: исторические воззрения и научная деятельность. *История СССР.* 1965;1:54–74.
41. Сахаров АН. И. Е. Забелин: новая оценка творчества. *Вопросы истории.* 1990;7:3–17.
42. Сахаров АН. Народ – разгадка всего. Иван Егорович Забелин. В: Сахаров АН, редактор. *Историки России XVII – начало XIX века.* Москва: Скрипторий; 1996. с. 315–333.
43. Яновский АД, редактор. *И. Е. Забелин: 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ; 29–31 октября 1990 г.; Москва, Россия. Часть 1.* Москва: Государственный исторический музей; 1992. 133 с. (Труды Государственного исторического музея; выпуск 81).
44. Клейн ЛС. *История Российской археологии: учения, школы и личности. Том 1, Общий обзор и дореволюционное время.* Санкт-Петербург: Евразия; 2014. 704 с.
45. Бачинин АН. М. П. Погодин в отечественной историографии: заметки. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2010;7:28–42. EDN: MSWCTV.
46. Погодин МП. *Исторические афоризмы.* Москва: Университетская типография; 1836. 128 с.
47. Забелин ИЕ. *Дневники. Записные книжки.* Либкова НП, редактор. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 2001. 384 с.
48. Погодин МП. *Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том 2, Происхождение варягов-руси. О славянах.* Москва: Университетская типография; 1846. 439 с.
49. Соловьев СМ. *История России с древнейших времен.* Москва: АСТ; 2017. 527 с.
50. Забелин ИЕ. *Опыты изучения русских древностей и истории. Часть 1.* Москва: Типография Грачева и К.; 1872. Математический метод в истории; с. 355–394.
51. Алеврас НН. В. О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная история»). *Вестник Челябинского государственного университета.* 2007;11:132–146. EDN: NCBIXR.
52. Забелин ИЕ. *Опыты изучения русских древностей и истории. Часть 2.* Москва: Типография Грачева и К.; 1873. Размышления о современных задачах русской истории и древностей; с. 1–71.
53. Кокорина ЮГ. «Раскопка кургана есть анатомический препарат» (неизвестная инструкция И. Е. Забелина по раскопкам причерноморских курганов). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.* 2023;15:579–592. DOI: 10.53737/7274.2023.34.89.019.
54. Соловьев СМ. *Собрание сочинений Сергея Михайловича Соловьева.* Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза»; 1901. 1616 с.
55. Ключевский ВО. *Сочинения. Том 1, Курс русской истории.* Янин ВЛ, редактор. Москва: Мысль; 1987. 430 с.
56. Погодин МП. *Историко-критические отрывки по русской истории. Книга 1.* Москва: Типография Августа Семена; 1846. Параллель русской истории с историей западноевропейских государств; с. 55–82.
57. Фатыхова ИИ, Худолеев АН. Н. И. Костомаров: страницы исторической биографии. *Научные исследования и разработки молодых ученых.* 2014;1:31–34. EDN: TGXPRTN.
58. Арсланов РА. История российского государства в концепции К. Д. Кавелина. *Вестник РУДН. Серия: История России.* 2007;1:37–47.

ЗНАЧЕНИЕ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ КИТАЯ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Б. А. АЛИМДЖАНОВ¹⁾, Ж. Е. НУРБАЕВ²⁾, Г. Ж. СУЛТАНГАЗЫ³⁾

¹⁾Ташкентский международный университет Кимё, ул. Ш. Руставели, 156, 100121, г. Ташкент, Узбекистан

²⁾Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан,
ул. Бейбитшилик, 4, 010000, г. Астана, Казахстан

³⁾Университет КазГЮУ им. М. С. Нарикбаева, ш. Коргалжынского, 8, 010000, г. Астана, Казахстан

Аннотация. На основе неопубликованных архивных документов, данных коммерческих банков, биографий купцов и баев рассматривается развитие торговли на границе между Казахской степью, Китаем и Российской империей во второй половине XIX – начале XX в. В исторической литературе ситуация на этой границе характеризуется как модернизирующаяся и сочетающая признаки имперской и колониальной политики. Доказывается, что на границе Восточного Туркестана велась скорее имперская, чем колониальная политика, поскольку регион не находился под контролем, а на местное купечество и приграничное население не оказывалось давление. Пассивное вмешательство имперской администрации в трансграничную торговлю приносило политическим игрокам определенную выгоду и обеспечивало лояльное отношение местных торговых структур. Названная выше граница зафиксировала политические амбиции Китая и России, не оказав значительного влияния на трансграничную торговлю, что способствовало росту предпринимательства с обеих сторон. Данная ситуация изменила степной регион Казахстана в социально-экономическом отношении, а именно трансформировала традиционную структуру казахского общества (появились новые социальные категории – байство и казахское купечество) и внутреннюю торговлю. Имперская политика обусловила рост роли приграничных городов, таких как Верный, Кашгар, Кульджа, Оренбург и Ташкент, в торговле.

Ключевые слова: империя; трансграничная торговля; купечество; бай; Казахская степь; Центральная Азия; Восточный Туркестан; фронтир.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта AP19679187 «Институт байства в условиях имперской и большевистской модернизации: исторический и культурологический анализ».

Образец цитирования:

Алимджанов БА, Нурбаев ЖЕ, Султангазы ГЖ. Значение Казахской степи в трансграничной торговле Китая и Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:58–67.
EDN: EYROPQ

For citation:

Alimdjanov BA, Nurbayev ZhE, Sultangazy GZh. The importance of the Kazakh Steppe in the cross-border trade of the China and Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:58–67. Russian.
EDN: EYROPQ

Авторы:

Бахтийёр Абдирахимович Алимджанов – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории исторического факультета.

Жаслан Есеевич Нурбаев – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела азиатских исследований Центра международных исследований.

Гулмира Жолмагамбет-кызы Султангазы – кандидат исторических наук; доцент кафедры права юридического факультета.

Authors:

Bakhtiyor A. Alimdjanov, PhD (history); associate professor at the department of history, faculty of history.

balimdjanov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8251-0201>

Zhaslan E. Nurbayev, PhD (history); senior researcher at the department of Asia research, International Research Center.

nurbayev_zh@kisi.kz

<https://orcid.org/0000-0003-4862-6152>

Gulmira Zh. Sultangazy, PhD (history); associate professor at the department of law, faculty of law.

g_sultangazy@kazguu.kz

<https://orcid.org/0000-0002-8998-5875>

ЗНАЧЭННЕ КАЗАХСКАГА СТЭПУ Ў ТРАНСГРАНІЧНЫМ ГАНДЛІ КІТАЯ І РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Б. А. АЛИМДЖАНАЎ^{1*}, Ж. Я. НУРБАЕЎ^{2*}, Г. Ж. СУЛТАНГАЗЫ^{3*}

^{1*}Ташкенцкі міжнародны ўніверсітэт Кімё, вул. Ш. Руставелі, 156, 100121, г. Ташкент, Узбекістан

^{2*}Казахстанскі інстытут стратэгічных даследаванняў пры Прэзідэнце Рэспублікі Казахстан,
вул. Бэйбітшылік, 4, 010000, г. Астана, Казахстан

^{3*}Універсітэт КазГЮЎ імя М. С. Нарыкбаева, ш. Каргалжынская, 8, 010000, г. Астана, Казахстан

Анатацыя. На аснове неапублікаваных архіўных дакументаў, дадзеных камерцыйных банкаў, біяграфій купцоў і баеў разглядаецца развіццё гандлю на граніцы паміж Казахскім стэпам, Кітаем і Расійскай імперыяй у другой палове XIX – пачатку XX ст. У гістарычнай літаратуры сітуацыя на гэтай граніцы характарызуецца як зменлівая і такая, якая спалучае прыметы імперскай і каланіяльнай палітыкі. Даказваецца, што на граніцы Усходняга Туркестана вялася хутчэй імперская, чым каланіяльная палітыка, паколькі рэгіён не знаходзіўся пад кантролем, а на мясцовае купецтва і прыгранічнае насельніцтва не аказваўся ціск. Пасіўнае ўмяшанне імперскай адміністрацыі ў трансгранічны гандаль прыносіла палітычным гульцам пэўную выгаду і забяспечвала лягальнае стаўленне мясцовых гандлёвых структур. Названая вышэй граніца зафіксавала палітычныя амбіцыі Кітая і Расіі, не аказаўшы значнага ўплыву на трансгранічны гандаль, што садзейнічала росту прадпрыемніцтва з абодвух бакоў. Дадзеная сітуацыя змяніла стэпавы рэгіён Казахстана ў сацыяльна-эканамічных адносінах, а менавіта трансфармавала традыцыйную структуру казахскага грамадства (з'явіліся новыя сацыяльныя катэгорыі – байства і казахскае купецтва) і ўнутраны гандаль. Імперская палітыка абумовіла рост ролі прыгранічных гарадоў, такіх як Верны, Кашгар, Кульджа, Арэнбург і Ташкент, у гандлі.

Ключавыя словы: імперыя; трансгранічны гандаль; купецтва; бай; Казахскі стэп; Цэнтральная Азія; Усходні Туркестан; францір.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Камітэта навукі Міністэрства навукі і вышэйшай адукацыі Рэспублікі Казахстан у рамках навуковага праекта AP19679187 «Інстытут байства ва ўмовах імперскай і большавіцкай мадэрнізацыі: гістарычны і культуралагічны аналіз».

THE IMPORTANCE OF THE KAZAKH STEPPE IN THE CROSS-BORDER TRADE OF THE CHINA AND RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY

B. A. ALIMDJANOV^a, Zh. E. NURBAYEV^b, G. Zh. SULTANGAZY^c

^aKimyo International University in Tashkent, 156 Sh. Rustaveli Street, Tashkent 100121, Uzbekistan

^bKazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan,
4 Beibitshilik Street, Astana 010000, Kazakhstan

^cMaqsut Narikbayev University, 8 Korgalzhynskoe Highway, Astana 010000, Kazakhstan

Corresponding author: B. A. Alimdjano (balimdjano@gmail.com)

Abstract. Based on unpublished archival documents, data from commercial banks and biographies of merchants and bays, the article examines the development of trade on the border between the Kazakh Steppe, China and the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. In historical literature, the situation on this border is characterised as modernising and combining features of imperial and colonial policies. It is argued that imperial rather than colonial policy was pursued on the border of East Turkestan, since the region was not under control and there was no pressure on local merchants and border populations. Passive intervention by the imperial administration in cross-border trade brought certain benefits to political players and ensured a loyal attitude from local trade structures. The above-mentioned border recorded the political ambitions of China and Russia without having a significant impact on cross-border trade, which contributed to the growth of entrepreneurship on both sides. This situation changed the steppe region of Kazakhstan in social-economic terms, namely, it transformed the traditional structure of Kazakh society (new social categories such as bays and Kazakh merchants appeared) and internal trade. Imperial policy led to the growing role of border towns (Verny, Kashgar, Kuldja, Orenburg and Tashkent) in trade.

Keywords: empire; cross-border trade; merchants; bay; Kazakh Steppe; Central Asia; East Turkestan; frontier.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project AP19679187 «The institution of bay in the conditions of imperial and bolshevik modernisation: historical and cultural analysis».

Введение

Граница между Казахской степью, Китаем и Российской империей фиксировала политические амбиции сторон, не оказывая значительного влияния на трансграничную торговлю. Китай и Российская империя были заинтересованы в открытости границы, что определило экспансию последней в названный регион Казахстана. Стоит отметить, что Китай был слаб, поэтому уйгуро-дунганское восстание 1864–1877 гг. вызвало серьезную обеспокоенность в его столице – Пекине [1]. Возвращение Кульджи и Илийского края Китаю в 1881 г. гарантировало ему спокойствие на западной территории. Ситуация на пограничье Восточного Туркестана больше напоминала имперскую, чем колониальную, поскольку местное купечество и приграничное население данного региона фактически не находились под контролем. Имперская ситуация понимается как фиксация существовавших торговых отношений без стремления к их быстрой трансформации. Вмешательство имперской администрации в трансграничную торговлю обеспечивало всем политическим игрокам определенную выгоду и лояльность местных торговых структур.

Имперские идеологи понимали Казахскую степь как закрытую и изолированную систему, которая нуждалась в упорядочении, открытости и контроле. По мнению Ж. Баландые, ситуация открытости местной экономико-политической системы и ее контролирования условно называется колониальной [2], т. е. колониализм предполагает насильственное вмешательство в экономико-политическую систему завоеванного края с целью сделать ее понятной. В XIX–XX вв. граница между Казахской степью, Китаем и Россией была прозрачной и открытой. Возникают вопросы: «Насколько колониальная ситуация изменила трансграничную торговлю?»; «Можно ли назвать колониальной ситуацией простое фиксирование границ с помощью имперских договоров?»; «Насколько можно применить термин “периферийный империализм”, принадлежащий С. М. Горшениной, к трансграничной торговле, при которой принятие решений по фронтиру¹ и политика на границе формировались “более всего на знаниях и личных амбициях местных администраторов” [3, с. 157]?». Цель настоящего исследования – выявление роли Казахской степи в ее торговле с Китаем и Россией.

Результаты и их обсуждение

Трансграничная торговля как фактор расширения Российской империи. В середине XIX в. завершилось завоевание казахских жузов Россией. Идеологи расширения границ государства объясняли данный процесс с опорой на ориенталистские представления. В 1866 г. в газете «Русский инвалид» было отмечено: «...завоевание принесет важные нравственные плоды, которые выразятся распространением европейской цивилизации и гражданственности среди кочующих инородцев, остающихся в течение целых веков в застое и невежестве»². Кроме того, некоторые имперские идеологи, говоря о присоединении южных казахских областей к Российской империи, называли их новой Америкой. Так, по выражению представителя торгово-промышленных кругов С. Хрулева, «углубление в недра Турана – для нас та же Америка, открытая, но еще не тронутая» (цит. по [4, с. 4]). Таким образом, имперские идеологи хотели превратить Казахскую степь в связующее звено между Азией и Европой.

Сначала было необходимо установить контроль над степным регионом Казахстана с помощью военной силы, а также наладить трансграничную торговлю с развитыми народами. В конце XVIII – середине XIX в. основным торговым городом на названной территории был Оренбург. Через него проходила вся центральноазиатская караванная торговля. Рос-

сийская империя экспортировала в ханства Центральной Азии преимущественно золото и серебро: «...за 25 лет конца XVIII – начала XIX в. в Среднюю Азию было вывезено золота и серебра на 25 млн рублей» [4, с. 52]. На золотые и серебряные монеты бухарские купцы приобретали индийские товары, которые пользовались спросом в Бухаре, а также в российских городах. Активное завоевание Казахской степи и Ферганской долины Российской империей привело к конфликту интересов между Китаем и Россией в Восточном Туркестане. По мнению С. М. Горшениной, действия России в регионе Казахстана объяснялись поиском «естественных границ». Уйгуро-дунганское восстание 1864–1877 гг. и попытки вторжения британцев в Кашгар повлияли на ускоренное формирование границы данной территории [5–7]. В результате, кроме Оренбурга, важную роль в Казахской степи стали играть такие пограничные города, как Верный (Алма-Ата), Кашгар, Кульджа, Ташкент и Чугучак. Они были торговыми центрами и влияли на формирование имперской политики Китая и России в степном регионе Казахстана. Согласно архивным документам оба государства осознавали значение местных купцов и, исходя из этого, конструировали отношения с ними. Их действия обеспечивали появление прозрачной границы и беспопытной торговли. В 1930-х гг. историк В. Лаврентьев

¹Фронт – непрерывно движущаяся вперед граница освоенных поселенцами земель, которая включает обширные пространства, находящиеся в отдалении от ядра государства.

²Россия в Средней Азии и Англия в Индии // Рус. инвалид : воен., полит. и лит. газ. 1866. 11 февр. С. 3.

отметил: «Опорой самодержавия в Туркестане оказался не феодал, а торговый буржуа и ростовщик. Туземная торгово-ростовщическая буржуазия была оставлена неприкосновенной» [8, с. 112].

По мнению авторов настоящей статьи, именно компромиссы привели к возникновению имперской ситуации. На ее устойчивость в пограничье негативно влияло передвижение контрабандистов, торгующих оружием, драгоценными камнями и наркотиками, в частности опиумом [9; 10]. Реализации деятельности пограничных купцов и контрабандистов способствовала лояльная таможенная политика местных властей. В большинстве случаев российские пограничники практически не боролись с контрабандистами³, так как их было сложно отличить от купцов. В отчетах таможенники писали, что контрабандистами опиного мака были в основном киргизы-кочевники, поощрявшиеся китайскими властями⁴. В начале XX в. в Восточном Туркестане и Казахстане появились коммерческие банки, которые пытались контролировать внутреннюю и трансграничную торговлю. В населении Казахской степи увеличилась доля купцов из России и стран Европы. Можно считать, что трансграничная торговля велась в условиях, сочетавших признаки имперской и колониальной политики. Открытие отделений российских коммерческих имперских банков и торговых фирм коренным образом не изменило характер трансграничной и внутренней торговли в Восточном Туркестане и степном регионе Казахстана.

Одним из факторов мягкой политики России на фронтире была трудовая миграция из Восточного Туркестана. Из Кашгара в Ферганскую долину на заработки отправлялись сезонные рабочие. Например, в 1904 г. границу между этими территориями перешли 14,556 тыс. человек, в 1912 г. – 27,174 тыс. человек [11, с. 114]. Рабочие способствовали появлению российских денег в Кашгаре, что усиливало товарооборот между странами.

Следует отметить, что Оренбург служил важной базой для российской военной и торговой экспансии в Казахскую степь. Активное завоевание Средней Азии пришлось на 1860-е гг. Как и другие оренбургские купцы, Н. И. Иванов стал снабжать российскую армию провиантом. Он начал вести свою деятельность в Казалинске и вскоре распространил торговые операции по всему Туркестану. В обеспечение провиантом войск, находившихся в Туркестанском крае, были вовлечены в основном оренбургские купцы, которые из-за нехватки средств образовывали торговые компании. Н. И. Иванов также участвовал в деятельности купеческих торговых фирм

по снабжению провиантом, однако он каждый раз становился главной фигурой в купеческой компании и самостоятельно контролировал все вопросы. С 1871 г. купец был подрядчиком интендантства. Он поставлял мату (бумажную ткань) войскам, саксаул (древесное растение) судам бывшей Аральской флотилии, морскую провизию чинам этой флотилии и продовольственные припасы войскам Туркестанского военного округа⁵. Крупным делом Н. И. Иванова считается снабжение ферганского похода генерала М. Д. Скобелева провиантом. Оно принесло купцу миллионное состояние. С 1879 г. купец первой гильдии⁶ Н. И. Иванов поселился в Ташкенте, откуда он руководил всеми торговыми операциями [13]. Ежегодный торговый оборот его предприятий составлял не менее 3,5 млн руб. Как отмечал директор Ташкентского отделения Государственного банка Российской империи, недвижимое имущество Н. И. Иванова (дома, лавки, пахотные и засеянные земли), находящееся в Аулие-Ате, Верном, Джаркенте, Казалинске, Маргелане, Намангане, Оренбурге, Перовске, Петроалександровске, Ташкенте, Ходженте и Уфимской губернии, оценивалось в размере не менее 800 тыс. руб. Оренбург постепенно терял ведущую роль в экономическом развитии Российской империи. Впоследствии функция активизации трансграничной торговли была возложена на Верный и Ташкент.

Торговля в Казахской степи в условиях фронтальной модернизации. Если рассматривать модернизацию как комплекс прогрессивных инноваций, которые характеризуются трансформацией традиционного общества в современное, то этот процесс на границе между Казахской степью, Китаем и Российской империей выступал особенно актуальным. Исследователи изучали данное явление на колониальных окраинах России, рассматривали направления интеграции этих регионов в общее имперское пространство [14]. Казахстан, входивший в XIX – начале XX в. в состав Российской империи, был фронтальной территорией. Во-первых, он находился под юрисдикцией административных властей тех регионов, которые сейчас считаются пограничными (Урал, Западная Сибирь) [15]. Во-вторых, в XIX в. казахи были активно интегрированы в общее имперское пространство [16]. Исследования модернизационных процессов, происходивших в имперский период в Казахской степи, проводили, например, А. Ю. Быков, С. И. Ковальская и Д. Б. Тебаев [17–20].

Казахская степь имела выгодное географическое расположение, что способствовало развитию транзитной торговли между ханствами Центральной

³Отчеты Департамента таможенных сборов Министерства финансов по Туркестанскому и Закаспийскому таможенным округам о состоянии торговли и контрабандных делах, 1896–1897 гг. // Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 737. Л. 20–28.

⁴Там же. Л. 28.

⁵Об открытии промышленного кредита Н. И. Иванову // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 756. Л. 139–140.

⁶Купцы первой гильдии пользовались правами визита к императорскому двору, ношения шпаги или сабли и губернско-го мундира [12, с. 214].

Азии, Китаем и Российской империей. Коренное население степи (казахи) сумело организовать перевозку товаров с юга на север, к пограничным меновым дворам России, и наоборот, предоставляя коней и верблюдов для купеческих караванов. И. И. Завалишин отмечал, что богатые казахи держали для караванного найма до 500 верблюдов [21, с. 55–56]. Материалы статистических ежегодников подтверждают эти данные: «...через степные области совершалось торговое движение караванов и транспорта, идущих в Россию из Туркестанского края и из Среднеазиатских ханств и обратно. Перевозка производилась местными казахами, получавшими в этом немало-важные заработки, через отдачу своих верблюдов под караваны»⁷. Таким образом, осознавая выгоду торгового движения, казахское население активно вовлекалось в сферу транзитной торговли. В данном контексте необходимо отметить значение баев – богатых людей, обладавших огромными стадами скота и развивавших товарное скотоводство в дореволюционной Средней Азии.

Роль казахского населения в товарном скотоводстве менялась с течением времени. Если до середины XIX в. логистика купеческих товаров осуществлялась русскими крестьянами и казачеством, то во второй половине XIX – начале XX в. перевозкой занималось в основном казахское население, которое устанавливало гибкие цены и несло большую ответственность за доставку товара⁸.

Извозный промысел был распространен до проведения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. После ее появления он осуществлялся главным образом по трактам Троицк – Костанай – Тургай и Челкар – Иргиз – Тургай. Провозная плата колебалась от 20 до 60 коп. за пуд на расстоянии Троицк – Тургай и Тургай – Челкар⁹. Строительство железных дорог не искоренило данный вид деятельности, а, наоборот, оптимизировало доставку товаров. Стали меняться маршруты и дистанции извозов, мелкие извозчики объединялись и создавали более крупные предприятия по перевозке грузов.

Казахская степь в различных направлениях была изрезана скотопрогонными трактами, по которым непрерывно двигались партии скота, товары и караваны в промышленные и торговые центры края. Почти все местные заводы были заняты обработкой скотоводческого сырья: сала, кожи, овчины, шерсти и т. д. Первостепенными предметами торговли на главнейших степных ярмарках были скот и продукты скотоводства, которые вывозились в такие

торгово-промышленные центры, как Москва, Варшава, Лодзь и т. д.

Наличие в Казахской степи крупных скотовладельцев указывало на то, что казахское общество располагало начальным капиталом для развития различных форм предпринимательской деятельности. Многие казахские баи постепенно осваивали торговые операции. Материалы экспедиции В. К. Кузнецова, которая состоялась в 1907–1911 гг., свидетельствуют о том, что 65–70 % крупных баев, имевших от 500 до 600 голов разного рода скота, параллельно занимались крупномасштабной торговлей скотом¹⁰.

Важным средством установления торговых связей между Казахской степью, государствами Центральной, Восточной, Южной Азии и Центральной Россией послужили ярмарки. Они стали фактором приобщения кочевого населения к новым рыночным условиям. Через Казахскую степь доставлялись купеческие товары из Кокандского и Бухарского ханств, Индии, Ирана, Китая, Монголии и России, в частности из Сибири, Урала, Московской и Пермской губерний. Бурное развитие ярмарочной торговли в степном регионе Казахстана обусловлено появлением железных дорог. Благодаря ярмаркам степные рынки и рынки среднеазиатских ханств сближались с российским, в том числе сибирским, рынком. Сибирская железная дорога представляла собой центр торговой активности народов, которые населяли Казахстан. Вследствие функционирования железной дороги в конце XIX – начале XX в. сформировался эффективный канал по транспортировке скота и продуктов животноводства. Согласно статистическим материалам, собранным в 1900 г. в Семипалатинской области, некоторые казахские баи продавали скот через экспортеров в страны Европы и Америки за наличный расчет и по высоким ценам¹¹. Отсюда следует, что ярмарки связали Казахскую степь с центрами торговли всего евразийского пространства.

Крупными торговыми центрами в Казахской степи становились такие города, как Акмолинск, Актюбинск, Кустанай, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск и Тургай. Так, Семипалатинск имел узловое значение для купеческих караванов, которые следовали через Семиреченскую область в Китай и обратно. К тому же Семипалатинская область на юге примыкала к заповедным провинциям Китая. Торговля проводилась через таможенную Зайсану, Алкабекский и Катон-Карагайский переходные пункты.

⁷ Обзор Тургайской области за 1884 год. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1885. С. 7.

⁸ Красовский Н. И. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргиз : в 3 ч. Ч. 1. СПб. : Тип. Траншея : Тип. Ретгера и Шнейдера, 1868. С. 414.

⁹ Справочная книга и адрес календарь Тургайской области на 1911 год. Оренбург : Тип. Тургайс. обл. правления, 1911. С. 202.

¹⁰ Мамытова С. Н. История развития предпринимательства во второй половине XIX – начале XX веков : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Павлодар, 2004. С. 8.

¹¹ Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год / сост.: Ф. К. Зобнин, Н. Я. Коншин. Семипалатинск : Тип. Семипалат. обл. правления, 1900. С. 74.

В начале XX в. основными предметами, ввозимыми в Китай, являлись бумажные ткани (75,8 %), рога марала и сайги (10,3 %), юфть и сафьян (7,3 %). Главными привозными товарами были скот и скотоводческое сырье (42,5 %), невыделанная кожа (22,7 %), войлок и шерсть (13,9 %) ¹². Из Китая также прибывали джебага (длинная шерсть, собираемая со спины верблюда), чай и хлопок, которые затем направлялись в центральные районы России. Из Семипалатинска в Китай отправляли в основном железо и ткани. Для срочной переброски товаров действовало пароходное сообщение, курсирующее от Семипалатинска и Павлодара до Тюмени. В 1893 г. почти 60 % товаров вывозились из Семипалатинской области, что свидетельствовало о лидирующей позиции данной территории в вывозе товаров из степных областей и Сибири в Китай ¹³.

Ярмарочная торговля в Казахской степи являлась главным местом сбора скотоводческой продукции и шерсти, а также центром распределения промышленных товаров среди населения. Доход от продажи местных товаров и продуктов скотоводства был выше дохода от продажи привозимой фабрично-заводской продукции. В начале XX в. в Акмолинской области действовали около 200 ярмарок и торжков, дававших торговый оборот на сумму до 15 млн руб. со сбытом около 10 млн руб. Скот и скотоводческая продукция составляли 70 % суммы ярмарочного сбыта, а другие товары – 30 % объема продаж. Разница между доходами от сбыта скота, продуктов скотоводства и затратами на покупку ввозимых в степь товаров формировала чистый доход региона ¹⁴. В 1887 г. скот и скотоводческое сырье составляли большую часть товара, привезенного на ярмарки Акмолинской области (95,9 и 99,4 % соответственно), тогда как азиатские и европейские промышленные товары были представлены в меньшей степени (40,0 и 20,4 % соответственно) [22, с. 142]. В структуре промышленных товаров из России и европейских стран особое место занимало сельскохозяйственное оборудование. В Казахской степи с развитием земледелия стала быстро распространяться торговля сельскохозяйственными машинами и орудиями, например сенокосилками, конными граблями, лобогрейками и сеялками ¹⁵.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. происходило превращение степных областей в важную житницу евразийского пространства. Наряду со скотом и животноводческой продукцией предметами внешней торговли выступали зерно

и хлеб. Маршруты хлебной торговли были проложены из Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей как в Европу, так и в Центральную Азию. Главными пунктами хлебной торговли в Семипалатинской области служили Павлодар и Семипалатинск. В течение осени и зимы местные торговцы скупали хлеб, который с открытием навигации отправлялся на буксирных пароходах по Иртышу в Омск или Тюмень для дальнейшего следования в Россию и другие страны ¹⁶.

С развитием торгового предпринимательства в казахском обществе появились новые социальные группы и категории. Высокий спрос на продукцию животноводства на рынках России и европейских государств обеспечил высокую прибыль, что привлекло внимание казахских баев и покупателей скота и продуктов скотоводства в лице так называемых алыпсатаров (скупщиков) и саудагеров (торговцев). Покупая скот, шкуру и шерсть у казахских баев по выгодной цене, а затем перепродавая их на крупных ярмарках и рынках Казахской степи, государств Центральной Азии и России, в частности Сибири, они получали значительную прибыль, тем самым накапливая первоначальный капитал.

Покупка и продажа животных производились исключительно при помощи казахов-маклеров. Имея небольшой оборотный капитал в размере 50–100 руб., они занимались только данными видами деятельности. Например, прасольство было значительно развито в Иргизе. Число лиц, посвятивших себя этому промыслу, доходило до 70 человек, которых составляли 32 казаха, 26 сартов и 12 татар ¹⁷.

В начале XX в. богатые казахи стали уделять больше внимания производству товаров и торговле ими, поскольку они понимали, что эпоха традиционного животноводства закончилась. Во второй половине XIX в. капиталистические отношения усилились в масштабах всей Российской империи, роль промышленного производства возросла. Эти изменения не могли не затронуть Казахскую степь. В степных областях увеличилось количество татарских и русских купцов, которые начали заниматься торговлей и промышленностью. По данным переписи населения 1897 г., в Казахстане проживали около 40 тыс. купцов (3,6 % населения). Только в Акмолинской области насчитывалось 1,107 тыс. представителей купеческого сословия ¹⁸.

С появлением торговцев и предпринимателей в Казахской степи активизировалась благотворительная деятельность, направленная на поддержку

¹² Обзор Семипалатинской области за 1903 год. Семипалатинск : Тип. Семипалат. обл. правления, 1903. С. 43–44.

¹³ Сибирь и Великая сибирская железная дорога. СПб. : Изд. Департамента торговли и мануфактур М-ва финансов, 1893. С. 249.

¹⁴ Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 год. Омск : Изд. Акмолин. обл. стат. ком., 1912. С. 25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Обзор Семипалатинской области за 1903 год. С. 41–42.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXI. Акмолинская область. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1905. С. 28.

как уязвимых слоев местного населения, так и жителей соседних регионов. Например, крестьянам Поволжья и Прикамья, которые пострадали от неурожайного года, торговцы степных областей и казахские баи пожертвовали 62 лошадей¹⁹.

Верный как торговый центр Казахской степи.

Верный являлся административным центром Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В начале XX в. этот город активно развивался, к 1913 г. его население составило 40 тыс. человек. В Верном функционировали 59 промышленных предприятий. Торговлю вели в основном владельцы крупного капитала. Так, на банковские операции приходилось 6 млн руб. от общего торгового оборота, который составлял 14 млн руб. В 1913 г. банки контролировали более 85 % торгово-промышленного оборота в городе²⁰. В Верном имелись отделения Государственного банка Российской империи, Русско-азиатского банка и Сибирского банка. Также существовали Городской общественный банк, городское общество взаимного кредита, учреждение мелкого кредита, транспортные организации, страховые общества и отделения различных российских фирм. В Верный свозилась вся сельскохозяйственная продукция Семиреченской области, в городе совершались сделки на хлеб, скот и продукты скотоводства²¹. В 1911 г. сильное землетрясение разрушило большую часть города, что навредило торговле и развитию промышленности. Несмотря на все экономические и природные трудности, Верный был восстановлен. Город не потерял статуса экономического и культурного центра Семиреченской области, о чем свидетельствуют архивные материалы Русско-азиатского банка.

Русско-азиатский банк финансировал внутреннюю и внешнюю торговлю. Следует отметить, что товарооборот в Верном был скромным по сравнению с товарооборотом в Ташкенте и Оренбурге. Местные купцы вели торговлю в основном с Кашгаром, Кульджей и Ташкентом.

Верненское отделение Русско-азиатского банка было открыто в 1904 г. Финансирование получали в основном проживавшие в Верном скотоводы, крупные коммерсанты, купцы, мелкие торговцы и пе-

рекупщики. Одним из самых значимых клиентов был член учетного комитета банка купец И. Шахворостов, который пользовался своим положением, чтобы получать большие средства от отделения. Например, в 1911 г. ему, как купцу, был открыт кредит в размере 125 тыс. руб., хотя он являлся клиентом Сибирского торгового банка, в котором ранее ему был выдан кредит на сумму 100 тыс. руб.²² Некоторые купцы средней руки постоянно брали в банке кредит, превышающий их кредитоспособность. Например, на 13 июня 1911 г. долг Таджибая Калдыбаева по вексельному учету составил 9,8 тыс. руб., что превышало разрешенный правлением банка кредит в 7,0 тыс. руб. на 40 %²³. На 13 июня 1911 г. задолженность Хамды Абдулловича Тюменева по онкольному счету, обеспеченному векселями, равнялась 31,85 тыс. руб. 72 коп. и превышала разрешенный правлением банка кредит в 25,0 тыс. руб. на 25 %²⁴. Следует отметить, что 11 июля 1911 г. Верненское отделение Русско-азиатского банка получило разрешение увеличить кредиты Мухаммаду Али Умарбаеву с 1 до 2 тыс. руб. и владельцам торгового дома «Сулейманов, Тазетдинов, Ибрагимов» с 30 до 50 тыс. руб. в форме учета. Также в данном отделении открыл новый кредит собственникам торгового дома Н. А. Кадки и К. в размере 5 тыс. руб.²⁵ Два клиента банка получили отказ на запрос об увеличении кредита²⁶.

Среди местных торговых фирм выделялся торговый дом «Братья Мусабаевы», владельцам которого с 1900-х гг. давали ссуды и кредиты в отделениях Русско-азиатского банка в Кашгаре и Кульдже. Скот, скотоводческое сырье и ткань, представленные в этом торговом доме, активно продавались в Кашгаре, Кульдже и городах Семипалатинской области²⁷. Вскоре фирма разорилась из-за неудачной постройки обширного завода для обработки кожи в Кульдже.

Торговля в Восточном Туркестане. Во второй половине XIX – начале XX в. история отношений Китая и Российской империи была наполнена различными событиями, которые значительно повлияли на торговлю и экономическую политику. В XIX в. усилилось проникновение иностранного капитала в Китай, что привело к ослаблению империи Цин.

¹⁹О закупке лошадей в киргизских степях // Киргиз. степная газ. 1901. С. 4.

²⁰Злобин П. Улицы города как учебник истории // Комсом. правда : электрон. газ. 2017. 14 апр. URL: <http://old.kp.kz/incidents/13776-ulitsy-goroda-kak-uchebnik-istorii> (дата обращения: 29.01.2024).

²¹Документ составлен 18 июня 1915 г. в стенах Верненской городской управы и адресован туркестанскому генерал-губернатору как арбитру (см.: *Ивлев Н. О Верном. 1914 год* // Silk road adventures : сайт. URL: <http://silkadv.com/en/content/o-vernom-1914-god> (дата обращения: 29.01.2024)).

²²Переписка Управления отделениями с Верненским отделением банка о главнейших операциях отделения и состоянии местного рынка, об открытии кредитов клиентам, представлении отчетов и по другим вопросам, 1911 г. // РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 273. Л. 21–22.

²³Там же. Л. 38.

²⁴Там же.

²⁵Там же. Л. 48.

²⁶Там же.

²⁷Из письма директора Кульджинского отделения Русско-китайского банка // РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 306. Л. 146–147.

Россия и европейские государства активно включились в борьбу за сферы влияния на новой территории. В результате «опиумных войн», уйгуро-дунганского восстания 1864–1877 гг. и других социальных потрясений центральная власть в Китае ослабла. В 1864 г. на западных границах государства возникли спорные территории, на которые стала претендовать Россия. Кульджинский договор был заключен 25 июля 1861 г. В соответствии с ним обеспечивалась беспопыльная торговля, в Синьцзяне появилось русское консульство, Россия установила контроль над купечеством Китая [23].

По Санкт-Петербургскому договору 1881 г. Китай предоставил Российской империи возможность вести беспопыльную торговлю в Кашгаре, Кульдже и Чугучаке, а также дал право совершать транзит в города на своей территории. Н. Пианчола отметил, что в результате проницаемости государственной границы различные группы китайских мигрантов переселялись через нее и выращивали опиумный мак. Расцвет трансграничной торговли опиумом пришелся на 1908–1930-е гг. [10]. Его ввозили в Россию для обеспечения военной фармацевтической отрасли.

В конце XIX – начале XX в. деятельность российских предпринимателей приобрела новые черты в связи с инвестированием капитала в экономику Синьцзяна. К концу XIX в. в русской колонии, которая находилась в Синьцзяне, насчитывалось около 2 тыс. чел. [24, с. 194]. В Кашгаре, Кульдже и Чугучаке были открыты отделения Русско-китайского банка (с 1910 г. Русско-азиатского банка). Товары, привозимые из России, удовлетворяли основные потребности населения Синьцзяна. В 1903–1904 гг. оборот русско-синьцзянской торговли составлял 15–20 млн руб. В 1913 г. экспорт из России в данную провинцию Китая равнялся 8,244 тыс. руб., импорт из Синьцзяна в города России – 9,846 тыс. руб.²⁸

В годы Первой мировой войны торговый оборот между городами Средней Азии и Синьцзяном уменьшился. Голод в Средней Азии повлиял на структуру торговли. Повысился спрос на продовольствие и скот. Если в 1915–1916 гг. из Синьцзяна в города Средней Азии было перегнано 10,0–20,0 тыс. баранов, 0,5–2,0 тыс. голов рогатого скота и 0,2–0,5 тыс. лошадей, то уже в 1917 г. через восточную границу поступило 120,0 тыс. баранов, 1,2 тыс. голов рогатого скота и 3,0 тыс. лошадей.

В отношении организации торгового дела и управления им в крае следует отметить деятельность Кашгарского отделения Русско-азиатского банка. Его кли-

ентами были преимущественно купцы-экспортеры, скупщики и торговые фирмы. Под залог недвижимого имущества банк выдавал кредиты владельцам торгового дома братьев Ахунбаевых. В 1915 г. они получили 15 тыс. руб. под залог имущества. Директор отделения писал: «Ахунбаевы обладают миллионным состоянием и никогда не позволят себе не оправдать своих обязательств. Вчера у нас был Мухаммед Рахим Ахунбаев и сказал, что на днях должен быть из Андижана перевод для них (они продали там 30 вагонов хлопка), и тогда они погасят этот долг»²⁹. Постоянным клиентом банка был торговец кораллами Ислам Зубайдуллаев. В 1914 г. он был должен банку 2,4 тыс. руб. под залог 6 пудов кораллов³⁰. Кашгарское отделение Русско-азиатского банка успешно обслуживало всех клиентов, банкротство среди них было редким случаем [25].

Хрупкую имперскую ситуацию на центрально-азиатском фронтире отражает состав учетного комитета Чугучакского отделения Русско-азиатского банка. В 1910 г. его членами были следующие лица:

- Григорий Ефимович Ботвин – учредитель торгового дома, который пользовался уважением среди местных и иногородних коммерсантов;
- Хасан Абдуллович Биришев – почетный аксакал русской фактории, влиявший на местных жителей и около 10 лет занимавший должность торгового старшины купечества;
- Таджиусман Исхакбаевич Измаилбаев – энергичный и предприимчивый коммерсант, главный руководитель фирмы «Х. Г. Измаилбаев», который собирал ценные сведения о положении клиентуры;
- Аминджан Ильхамджанов – человек, стоявший во главе крупного торгового дома в Западном Китае и пользовавшийся авторитетом среди сартов (часто являлся у них поручителем за исправные платежи), московских фабрикантов;
- Турды Ахун Сабирабаев – выборное лицо на должность старшины от китайских подданных кашгарских сартов, влиятельный человек, который предоставлял отделению сведения о местных купцах, бравших кредиты³¹.

В начале XX в. баланс сил на фронтире был обусловлен социально-экономической ситуацией в Казахской степи, которая характеризовалась переселением крестьян, строительством железных дорог, возникновением обрабатывающей промышленности. Эти факторы стали причиной восстания 1916 г., нарушившего имперскую торговлю в мультикультурной жизни Центральной Азии [26].

²⁸Экономическое развитие Синьцзяна в XIX – начале XX в. // Студопедия : сайт. URL: <https://studopedia.org/2-14848.html> (дата обращения 29.02.2024).

²⁹Письма Кашгарского отделения банка Управлению отделениями о развитии операций отделения, предоставлении кредитов клиентам, о состоянии рынка в Кашгаре в связи с войной, о представлении отчетности и по другим вопросам, 1910–1917 гг. // РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 376. Л. 128–129.

³⁰Там же. Л. 50–51.

³¹Там же. Д. 579. Л. 4–5.

Заключение

Развитие торговли в приграничных регионах Казахской степи, Китая и Российской империи происходило в условиях формирования границы между этими территориями. Ее неустойчивость и размытость подтверждаются наличием выполняющих административные функции временных поселений, которые могли укрепляться. На рубеже XIX–XX вв. минимальное присутствие бюрократического аппарата способствовало расширению торговли между Казахской степью, Россией и Восточным Туркестаном, а также активизации таких субъектов торговли, как казахские баи и русские, татарские, узбекские купцы. Интегрирование казахского хозяйства в систему российской экономики привело, с одной стороны, к кризису традиционного общества, а с другой стороны, к развитию у кочевников коммерческих навыков. В результате сформировалось предпринимательское сословие в лице казахских баев.

Фронтир, будучи модернизирующей силой, активизировал социальную дифференциацию и вовлечение казахских баев в контекст имперской торговли. Именно байство было социальной категорией, заинтересованной сферой товарно-денежных и властных отношений через ярмарки, банки, кредитные товарищества и т. д. Имея большое количество скота, баи располагали начальным капиталом для развития различных форм предпринимательства. Экономические реалии способствовали развитию трансграничной торговли и вовлечению в нее новых субъектов. Китай и Россия зафиксировали уже существовавший порядок торговых отношений без стремления к их быстрому изменению. Пассивное вмешательство имперской администрации в трансграничную торговлю обеспечивало всем экономическим субъектам определенную выгоду, а также лояльность местных торговых структур.

Библиографические ссылки

1. Исиев ДА. *Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877)*. Москва: Наука; 1981. 94 с.
2. Баландые Ж. Колониальная ситуация: теоретический подход. *Ab Imperio*. 2013;2:29–64. DOI: 10.1353/imp.2013.0050.
3. Горшенина СМ. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): автопортрет Российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана. *Ab Imperio*. 2014;2:102–165.
4. Михалева ГА. *Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века. Ремесло, торговля и пошлины*. Леус ЛА, редактор. Ташкент: Фан; 1991. 112 с.
5. Почекаев РЮ. Соглашения Российской и Британской империй с Йэтишаром: историко-правовое исследование. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2021;3:527–544. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544.
6. Hopkirk P. *The great game: on secret service in High Asia*. London: Counterpoint; 1990. 562 p.
7. Meyer KE, Brysac ShB. *Tournament of shadows: the great game and the race for empire in Central Asia*. Washington: John Murray; 1999. 646 p.
8. Лаврентьев В. *Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии)*. Ленинград: Наука; 1930. 160 с.
9. Piaciola N. Illegal markets and the formation of a Central Asian borderland: the Turkestan – Xinjiang opium trade (1881–1917). *Modern Asian Studies*. 2020;6:1828–1875. DOI: 10.1017/S0026749X18000227.
10. Пианчола Н. Маки для большевиков: опиум на туркестано-синьцзянском приграничье в 1914–1929 годах. *Acta Slavica Iaponica*. 2022;1:127–149.
11. Галузо ПГ. *Туркестан – колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года*. Москва: Коммунистический университет; 1929. 240 с.
12. Бовыкин ВИ, Гавлин МЛ, Епифанова ЛМ и др., редакторы. *История предпринимательства в России. Книга 2, Вторая половина XIX – начало XX века*. Москва: РОССПЭН; 1999. 572 с.
13. Алимджанов БА, Чориев ШХ, Иванов ТН. История Среднеазиатского коммерческого банка (1881–1911). *Вопросы истории*. 2020;2:215–222. EDN: YWNIPO.
14. Побережников ИВ. Азиатская Россия: фронтальная модернизация. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. 2011;4:191–203. EDN: OPROXV.
15. Алексеев ВВ, Побережников ИВ, Зубков КИ, Нефедов СА, Алексеева ЕК, Корнилов ГЕ и др. *Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов*. Алексеев ВВ, редактор. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; 2011. 404 с. EDN: UJCIIN.
16. Почекаев РЮ. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2013;4:174–190. EDN: RYGFJX.
17. Быков АЮ. *Истоки модернизации Казахстана: проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века*. Москва: Азбука; 2003. 267 с.
18. Быков АЮ. *Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.)*. Том 1. Москва: Институт востоковедения РАН; 2023. 466 с.
19. Ковальская СИ. *Судьбы модернизации Казахстана в англоязычной историографии*. Астана: Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева; 2007. 336 с.
20. Тебаев ДБ. Фронтир в политике Российской империи на территории Степного края во второй половине XVIII века (на примере Младшего и Среднего жузов). *Иран-наме*. 2010;1:246–256.
21. Завалишин ИИ. *Описание Западной Сибири. Том 3, Сибирско-киргизская степь*. Москва: Издательство Общества распространения полезных книг; 1867. [2], 145, [5], IV с.

22. Щеглова ТК. *Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли*. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного педагогического университета; 2002. 236 с.

23. Янченко ДГ. Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023;2:317–333. EDN: GOADER.

24. Попов АВ. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В: Российская Академия наук. *Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.* Москва: Издательство РАН; 2001. с. 194–201. EDN: PXDASZ.

25. Алимджанов БА, Алтымышова ЗА. История деятельности Кашгарского отделения Русско-азиатского коммерческого банка. *Вопросы истории*. 2019;8:88–100. EDN: QRDAEP.

26. Котюкова ТВ, составитель. *Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов*. Москва: Марджани; 2016. 468 с.

Получена 11.08.2024 / исправлена 07.07.2025 / принята 07.07.2025.
Received 11.08.2024 / revised 07.07.2025 / accepted 07.07.2025.

УДК 908(476):930.2(437.6)

ОПИСАНИЕ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ ДАНИЭЛЯ КРМАНА

С. МОЙШОВА¹⁾

¹⁾ Университет им. А. Я. Коменского, ул. Гондова, 2, 81499, г. Братислава, Словакия

Аннотация. Путевой дневник (итинерарий) протестантского священника Даниэля Крмана представляет собой уникальный памятник литературы, содержащий сведения о Северной войне, шведском походе 1708–1709 гг. и поражении шведов в Полтавской битве. Ценность этого источника заключается в наличии в нем массива информации социологического, этнографического и политического характера, которая касается истории Беларуси, Украины, Литвы и Польши начала XVIII в. Даниэль Крман, будучи послом верхненевгерских (словацких) протестантских сословий, направленным ко двору шведского короля Карла XII, зафиксировал в своих записях значительное количество поразивших его фактов. Цель исследования – рассмотреть, как в тексте путевого дневника Даниэля Крмана представлены население, религия, топонимика, архитектура Беларуси, а также некоторые особенности этих земель, характерные для начала XVIII в.

Ключевые слова: Северная война; Беларусь; XVIII в.; Речь Посполитая; путевой дневник.

АПІСАННЕ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ПАЎНОЧНАЙ ВАЙНЫ Ў ПАДАРОЖНЫМ ДЗЁННІКУ ДАНІЭЛЯ КРМАНА

С. МОЙШАВА^{1*}

^{1*} Універсітэт імя А. Я. Каменскага, вул. Гондава, 2, 81499, г. Браціслава, Славакія

Анатацыя. Падарожны дзённік (ітынерарый) пратэстанцкага святара Даніэля Крмана ўяўляе сабой унікальны помнік літаратуры, які ўтрымлівае звесткі пра Паўночную вайну, шведскі паход 1708–1709 гг. і паражэнне шведаў у Палтаўскай бітве. Каштоўнасць гэтай крыніцы заключаецца ў наяўнасці ў ёй масіву інфармацыі сацыялагічнага, этнаграфічнага і палітычнага характару, якая тычыцца гісторыі Беларусі, Украіны, Літвы і Польшчы пачатку XVIII ст. Даніэль Крман, які быў накіраваны да двара шведскага караля Карла XII у якасці пасла верхненевгерскіх (славацкіх) пратэстанцкіх саслоўяў, зафіксаваў у сваіх запісах значную колькасць фактаў, што яго ўразілі. Мэта даследавання – разгледзець, як у тэксце падарожнага дзённіка Даніэля Крмана паказаны насельніцтва, рэлігія, тапаніміка, архітэктура Беларусі, а таксама некаторыя асаблівасці гэтых зямель, характэрныя для пачатку XVIII ст.

Ключавыя словы: Паўночная вайна; Беларусь; XVIII ст.; Рэч Паспалітая; падарожны дзённік.

Образец цитирования:

Мойшова С. Описание Беларуси в годы Северной войны в путевом дневнике Даниэля Крмана. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3: 68–75 (на англ.).
EDN: PDJFNB

For citation:

Moyšová S. Belarus in the period of the Northern War according to the travelogue of Daniel Krman. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:68–75.
EDN: PDJFNB

Автор:

Станислава Мойшова – кандидат филологических наук; преподаватель кафедры романских языков философского факультета.

Author:

Stanislava Moyšová, PhD (philology); lecturer at the department of Roman languages, faculty of philosophy.
stanislava.moysova@uniba.sk
<https://orcid.org/0009-0004-3072-4031>

BELARUS IN THE PERIOD OF THE NORTHERN WAR ACCORDING TO THE TRAVELOGUE OF DANIEL KRMAN

S. MOYŠOVÁ^a

^a*Comenius University, 2 Gondova Street, Bratislava 81499, Slovakia*

Abstract. The travelogue (itinerarium) of the Protestant priest Daniel Krman is not only a unique testimony about the Northern War, about the advance and defeat of the Swedish troops at Poltava, but it is also a precious well of sociological, ethnographic, and political knowledge relating to present-day Belarus, Ukraine, Lithuania, and Poland, i. e. to the regions he passed through as an envoy of the Upper Hungarian (Slovak speaking) Protestant estates. As an astute observer, Daniel Krman took notes on everything that crossed the coordinates of his Central European origins. The aim of this article is to map the images of the Belarus that relate to the population, religion, toponymy, architecture, and specifics of the Belarusian region in the early 18th century.

Keywords: Northern War; Belarus; 18th century; Rzeczpospolita; travelogue.

Introduction

In the Slovak literary space, the early germs of literary travelogue-memoires started to appear in the second half of the 16th century [1, s. 29]. As a majority of the literary works of these times, they were written in Latin. This documentary-literary genre showed its rapid development in the 17th and at the beginning of the 18th century. The overwhelming majority of the authors belonged to the ranks of Evangelical parsons and scholars. The triggering elements of this type of literary texts that are written mostly in Latin, but also in Slovakised Czech were the Turkish invasion of the Kingdom of Hungary (1663) and the religious persecution of protestant believers, notably protestant clergy starting from the second half of the 17th century. They were autobiographical texts witnessing of personal experiences with far-reaching social and political impact: the protestant priests focused on manipulated trials with trumped up charges, exile stories, and escape from the prison, but they also wrote detailed autobiographies. A specific literary genre is represented by travel diaries. In terms of cohesion, complex approach to the issue, description of local customs, and interest in linguistic and ethnographic details, a noteworthy example is represented in the «Incarceratio, liberatio et peregrinatio» by Ján Simonides and Tobiáš Masník. Both Protestant priests describe their unfair trial, sentence to the galleys, forced journey to Italy through Austria, and their escape and return home [2; 3].

A similar literary text is also represented by the travelogue (itinerarium) written by Daniel Krman¹ (1663–1740), a prominent personality of the Slovak protestant church, author of religious works and theologian [4–10] who is the main subject of this paper. From a literary-narrative point of view, compared to the texts by Ján Simonides and Tobiáš Masník, Daniel Krman's itinerarium is incomplete², but it is still a precious historiography

source describing among the rest the decisive breakthrough in the Northern War, i. e. the Battle of Poltava. At the same time, it constitutes a rich reservoir of detailed ethnographic, linguistic, and architectural information. In his travelogue, Daniel Krman does not describe only his personal experiences or stories (strictly relating to the concrete implementation of his mission), but he acts as a smart observer recording geographical, economical, commercial, and social conditions in the visited lands [11, s. 194]. Daniel Krman based his manuscript on the notes he recorded during his journey in 1708–1709. His mission had political and religious character: in 1707, in the city of Ružomberok (Slovakia, then Upper Hungary), he was assigned to a mission by the Synod (national church assembly of the Evangelical councils). Together with other representatives of the Protestant church, he was in charge of conveying a message to Charles XII, king of Sweden and Prussia. Charles XII was a Protestant sovereign and Daniel Krman was supposed to ask him for political support in favour of the Hungarian Protestants and at the same time for financial support for the Prešov Protestant college. Back then, king Charles XII was on the territory of Belarus together with his army. On 12 February 1708, Daniel Krman and another Protestant priest named Samuel Pohorský reached the Swedish army, travelling through Prussia, Poland, Lithuania, and Belarus (in other words, they crossed the territories of today's Poland, Lithuania, and Belarus). They held a letter by Francis Rákóczi thanks to which they were under the protection of the Swedish army. After several months of travelling, Daniel Krman was welcome by Charles XII at the Swedish troops' camp near Mogilev. Daniel Krman accompanied the Swedish army up to the Poltava River. After the fatal defeat, he decided to go back to the Kingdom of Hungary through Moldova and Transylvania.

¹In Slovak literature this person is known as Daniel Krman junior.

²Daniel Krman's narration ends in medias res, in the Máramaros county, i. e. in the Kingdom of Hungary but not in his native county of Trenčín (Upper Hungary).

His peregrination was full of perils. The life of the envoys was jeopardised by deserters or brigands, but also by the starving local inhabitants³, that's why Daniel Krman joined a merchant caravan from Vilnius carrying supplies to the Swedish army and escorted by Crimean Tatars. The Hungarian envoys and the Swedish troops were afflicted by various diseases, e. g. plague epidemic (which Daniel Krman encountered at least twice in Belarus, when he dwelt in Smorgon and Smolevichi) or dysentery⁴, which negatively influenced the health conditions of the Swedish troops and had a serious impact also on the defeat during the Battle of Poltava.

For the sake of our issue, an interesting part is constituted by Daniel Krman's notes relating to its passage

through current Belarus. In this regard, it is necessary to refer to an article by Peter Káša, recently published in the magazine of the Slovak-Polish Commission for the Humanities and focusing on the image of Poland and Poles in the Daniel Krman's itinerarium [13]. The following texts aims to present a similar analysis of the issues regarding ethnographic images, topography, and religious belief in relation with the territory of today's Belarus.

As we've already mentioned, Daniel Krman met Charles XII near Mogilev, where the monarch had his military camp. In his diary, Daniel Krman reports the toponyms of places he crossed or where he spent his nights (see table).

The toponyms in Daniel Krman's itinerarium

Slovak translation	Toponymical denomination noted by Daniel Krman	Current name of the site in Belarusian
Slobodky	Slobodka	?
Szol	Czol	Солы
Smorgoň	Smergoň	Смаргонь
Markovo	Markhowa	Маркава
Lebedevo	Lebedowa	Лебедзева
Radoškoviči	Radoskowec	Радашковічы
Beloručie	Biralowce	Бяларучы
Smoleviči	Smolowec	Смалявічы
Upereviči	Upirowce	?
Borisov	Borisów	Барысаў
Lošnica	Nossnice	Лошніца
Nača	Naacs	Нача
Krupky	Krupka	Крупкі
Veľký Bobor	Wielki Bobr	Бобр
Sloveny	Slawenie	Славені
Pavloviči	Pawlowice	Паўлавічы
Čičerino	Csecserin	Цяцерын
Golovčino	Holowcin	Галоўчын
Mogil'ov	Mohilovia (Mohilow)	Магілёў
Bogotec	Bochatec	?
Stalky	Stalky	Сталка
Golovenčice	Holowčice	Галавенчыцы
Čausy	Csaus	Чавусы
Čerikovo	Csernikow	Чэрыкаў
Vysokoje	Wisokium	Высокае
Zabolotie	Sapulova	Забалацце
Batvinovci	Budischinova	Бацвінава

³In a village where the Russian had burnt mills, the travellers («scared of villagers») built a bonfire and took shifts to guard it.

⁴According to his diary, Daniel Krman treated it «with forest pears and radish» and with a product recommended by the royal physician, doctor Skragge, to be prepared as follows: «Take the mixture to make pills against dysentery; make four pills and strew them with antimony powder. Ingest two pills in the evening and two pills early in the morning. Take a drachma of tea, three parts of rose and poppy flower. Drink instead of tea» (here and further translated by us. – S. M.) [12, s. 61]. Daniel Krman recovered from dysentery perhaps even thanks to such a product. For some other people this disease was lethal.

Ending of the table

Slovak translation	Toponymical denomination noted by Daniel Krman	Current name of the site in Belarusian
Moľatiči	Miletic (Mileticz)	Маляцічы
Bezvodichi	Bezvodie	Бязводзічы
Packov	Pacskow	Пацкава
Milejkov	Milowka	Мілэйкава
Kolodžin	Kolodžin	?
Moľatiči	Mileticz (Miletice)	Маляцічы
Kričov	Krucow (Kricovia)	Крычаў
Kosfukoviči	Kasstukowice	Касцюковічы
Kaniči	Kanice	Канічы
Drokova	Drokow	Дрокаўка

Note. The question mark refers to toponyms that we were not able to find in the current geographical space of Belarus. They could probably be extinct locations or merged with other settlements.

In this location, Daniel Krman and the Swedish army moved into the Moscovite (i. e. Russian) territory (Mignoviči – Michanowicz – Мигновичи), but then they soon returned to the Belarusian territory. Daniel Krman's explanation is the following: «The Swedish king would have wanted to attack the enemy had it not been for the problem of food supplies. He decided to let the enemy flee rather than see himself and his soldiers find themselves in misery from one day to the next» [12, s. 64]. Daniel Krman also mentions some more sites, located in today's Belarus (see table). The list is followed by some other sites in current Russian territory. Then, together with the troops, they move towards Ukrainian territory (Novgorod Severskii).

From the reported versions of the toponyms we observe that the Slovak translator of the travelogue⁵

tried to adapt as much as possible the toponymical names to Russian pronunciation (Čičerino, Golovčino) or choosed Slovakised toponymical solutions (Velký Bobor, Krupky). In most of the cases, Daniel Krman was rather using a Polonising phonetic transcription (Pawlowice). In the case of Mogilev and Golovchino (Mohilovia and Holowčín) he caught the Belarusian [h] phoneme in his transcription. Apart from that, he inserted the Latinising suffix *-via*, by admitting the historicity of this toponym. Daniel Krman's orthography is not stable. In the case of Mogilev, in certain places of the text, he chose the Latinised form, whereas in other places he used the Polonised form (Mohilow). Similarly, the phenomenon of the [c] phonemes ending with an suffix *-ice* in the Slovakised transcription (*-iči* in Belarusian) is trascribed by Daniel Krman either as *-c-* (Miletice) or *-cz-* (Mileticz).

Images of the Belarusian country

According to the notes in the travelogue, the topographic images of the Belarusian region can be subdivided in two categories: on the one hand, there is a devastated and burnt landscape, marked by the passage of armies (Swedish or Russian), on the other hand, endless forests and hills. Daniel Krman overcomes hills between Belaruchi and Smolevichi, then, he reaches Chicherino through «terrifyingly desolate hills» [12, s. 42]. He often spends his nights in abandoned forests, and he mostly identifies Belarus as a place with «high hills»⁶. The feeling of loneliness and fear caused by a landscape lacking human presence is intensified by images of devastation and war: the burnt and destroyed villages in the surroundings of Bezvodichi [12, s. 61], where the «Tsar [Peter I] destroyed everything with fire to leave nothing for the Swedes

to eat», clouds of smoke come out of the abandoned enemy military camp of Mileikov [12, s. 62]. Together with the merchants and the Tatars, Daniel Krman traveled towards Smolensk «a plain from which only smoke flowed» [12, s. 64]. The Belarusian landscape is marked by destruction, but it is also characterised by military structures, e. g. the Moscovite (Russian) camp close to the Berezina River, between Uperevichi and Borisov. In its description, Daniel Krman addresses the reader in the second person singular, presenting the image of the military camp directly before his eyes: «You would have seen thousands of felled trees as defence against the Swedish attacks... you would have seen reed huts, where the Moscovites took shelter from the rain; on both river banks you would have seen large trenches with ramparts and several cannons placed on them» [12, s. 39].

⁵We are talking about translation of Daniel Krman's travelogue by Gustáv Viktory that was published in 1969 [14].

⁶«Curiously enough, since we arrived to Lithuania [the Belarusian part of the Rzeczpospolita], in these high hills we did not see any birds or hares...» [12, s. 41].

Architecture and places of worship

Daniel Krman is an accurate observer of the religious architecture, also because of the fact that in his homeland he did not have any chances to encounter other religions than Judaism and Catholicism (back then, Protestantism was not a recognised religion in the Kingdom of Hungary). Its detailed descriptions of the Orthodox churches and Jewish synagogues witness of the fact that the temples of such confessions appeared to him as a foreign and exotic element, which had impressed him greatly and were then worthy of note. As for the potential contacts between Daniel Krman and the Hungarian Judaism, he might have possibly visited the Jewish prayer hall in the Trenčín ghetto or in Nové Mesto nad Váhom (in his native region). But it is also possible that he had never set foot in a Jewish synagogue in the Kingdom of Hungary because he was a Lutheran dignitary. At that time, Jews represented a rather disfavoured minority. In his travelogue, Daniel Krman often emphasises its negative stance towards them [15, s. 19–22]. Moreover, back then the concentration of Jews in the Kingdom of Hungary was not as strong as in the territory of Belarus. According to records from the times of the Rákóczi revolt, a total of about 4000 Jews lived in all counties of Upper Hungary [16, s. 264–265], whereas the share of Jewish population in the then territory of Belarus was much higher. The region inhabited by Jews was commonly called *Litvakia* (*lite* in Yiddish [17, p. 64]) and compared to the Kingdom of Hungary, here Jewish education and culture began to develop earlier, because the first yeshivas were founded already in late 16th century. For all these reasons, Daniel Krman considered that the visit of the Jewish synagogue in Radoshkovichy was a very good reason to describe it in detail in his travelogue: «Jewish synagogues... consist of two spaces: an outer one for women and an inner one for men. The first room is separated from the second by a wall with grilles or flaps; in the centre of the second room there is a raised point, with steps, and its walls are decorated with various sheets with Hebrew inscriptions. Jewish synagogues do not have domes like Russian churches» [12, s. 37].

Orthodox religion (or Uniate confession) is also considered by Daniel Krman as a religion he never met before. For this reason, even the Orthodox churches are seen as an exotic element worthy of mention. He carefully notes their structure and layout: «...the Russian churches always have three domes: the first over the room of the beggar, the second over the space for people,

and the third over the hall of priests. These domes have a beautiful wooden vault; light penetrates through their windows into the inner halls; rays of sunlight shine from above and overcome the surrounding outer hall» [12, s. 37].

Daniel Krman stops to admire the rich interior paintings of Russian churches; he even translates the transcription of the inscription «in Russian letters»: «Prygdjite blahoslawenyi Otca mojeho, nasljduyte uho-towannoje wam carstwiye ot slossenija mira [Come, you who are blessed by my Father, inherit the kingdom prepared for you from the foundation of the world]»⁷ [12, s. 38]. He particularly mentions the church in Mogilev: «The city's Church of God is magnificent, very bright and features three domes» [12, s. 45].

Another places of reverence to which Daniel Krman pays attention are cemeteries. The Catholic cemeteries in the Kingdom of Hungary are usually either located close to churches or separated from the church area by a wall, i. e. in both cases, they are integrated in the village space. In Belarus, they are located outside the church area and outside the inhabited zone. «The cemeteries are located outside the villages, in a raised or otherwise separate area, decorated by huge birch trees» [12, s. 41]. Daniel Krman also pays attention to how the dead are buried: «In the woods, near the main route, in some areas we also saw small constructions with beams, similar to tombs, where noble people are buried. People who are not of noble birth are buried with two big stones at their feet and head; sometimes they place a small wooden cross on graves» [12, s. 41]. The separation of cemeteries from human settlements is explained by Daniel Krman with the Jewish model. According to him, since there was once a tradition among Jews to bury the dead in gardens. The separation of cemeteries (as sovereign realm of the dead, which must not collide with the world of the living people) and even the wooden barrows in the woods or the two stones placed at the head and feet of the dead are signs that rather suggest a kind of pre-Christian tradition and a Slavic interpretation of the world⁸, which became extinct later in Central Europe than in Eastern Europe (and this applies even more to the historical space of the Belarus).

Daniel Krman makes no specific mention of secular architecture in the villages, hence we can deduce that it was similar to that of the Kingdom of Hungary. The only exception is the descriptive passage to complete

⁷In the 1969 Latin original edition this text is written in Cyrillic alphabet as well as many other liturgical formulations. This is a proof that during his short passage through Belarus Daniel Krman learnt to read the Cyrillic alphabet («...here [in Krichev] a priest taught me how to read the Russian alphabet» [12, s. 65]). In the 1984 and 2008 editions, this text is reported in Latin letters and in the Old Church Slavonic script which suggests that Daniel Krman included the translation in a note.

⁸According to the religious ideas of the Slavic tribes, the Nav (the realm of the dead) had to be separated from the Jav (the realm of the living) even in material terms [18, s. 100; 19, s. 385]. In the funerary local customs, one can observe reflections of concrete efforts to preserve this separation even in the 18th century, with the burial of corpses outside the areas inhabited by men (in the woods or otherwise outside the village). In the case of noble individuals or celebrities, burial took place in structures such as memorials.

the narrative on the transfer from Sloveny to Pavlovichi, where the author describes the habitations in «Lithuania»: «Each house is separated from the other by a piece of land. At that time, they did not use fences at all; and roofs were covered with sand, sometimes protected

by long planks or in some cases with straw» [12, s. 41]. The only urban environment mentioned in the passage through Belarus is Mogilev: «This city has deep trenches, ramparts, and very large suburbs, although the city itself is not so large» [12, s. 43].

Inhabitants and society

In the travelogue, not much is said about the local Belarusian population. When it is mentioned, its misery is often denoted: in the town of Borisov «the inhabitants, according to Gypsy customs, used to sit together under the open sky and prepare bran-based meals» [12, s. 39]. Daniel Krman also relates in great detail an anecdote concerning milk spilled accidentally on the floor at a farmers' home in Markov – which should have served as food for the whole family for several days: «From the screams of the mother and the ravenousness of the children licking the milk mixed with the dirty soil, we understood how great the misery of local people was» [12, s. 37].

In his text, Daniel Krman mentions two ethnic groups of Mongolian origin (the Kalmyks and the Tatars), by always highlighting their wildness. In his opinion, the Kalmyks are «a populace of cannibals» and he comes into contact with them near Mogilev. As for the Tatars, they appear in his notes several times, because the Hungarian envoys were trying to reach Charles XII from Vilnius, together with a caravan made up of merchants and Crimean Tatars (who were supposed to protect them). On the one hand they are helpful and good protectors who do

not care too much about their comfort («they slept under the stars at night»), but on the other hand they are also depicted as cruel creatures. «Two of them [Tatars] had an argument for I do not know what reason. Suddenly, they took their axes and hit and injured one another as wild animals»⁹ [12, s. 40].

In Daniel Krman's prose we find frequent references to the Jewish ethnic group, since he often takes refuge in inns and taverns and most of the places he goes to are run by Jews (Loshnitsa, Radoshkovich, Smorgon, etc.). The images of Jews almost always have negative connotations, especially because of their avidity and also due to the fact that like the vast majority of his contemporaries Daniel Krman also regards Jews as an inferior minority and Judaism as a false religion. He also often criticises «the avidity of Polish and Lithuanian aristocrats who authorised the Jews to build their synagogues, exempted them from paying customs duties, and allowed mixed marriages between Christians and Jews, disregarding the danger of abandoning the faith – although in other places... this is forbidden and subject to death penalty» [12, s. 39].

Overview of religions

Thanks to his mission, Daniel Krman managed to access to foreign religious circles (e. g. the environment of the Eastern Church, which in those days only had representation in the eastern part of the Kingdom of Hungary). The official and state Catholicism of the Kingdom of Hungary suppressed and persecuted unofficial but increasingly vigorous Protestantism. In Rzeczpospolita, Catholicism acquires more human connotations. Daniel Krman's narration shows that the three religions present (Orthodox, Greek-Catholic, and Roman Catholic) co-existed without frictions¹⁰. Before entering the Belarusian territory, Daniel Krman explains that «in Lithuania and in other Polish territories, the Ruthenian Church is divided in Uniates, recognising the Roman Pope as head of the Church, and schismatic, never recognising him as such» [12, s. 35]. The Orthodox worship service in Krupki, where he first saw «Russian», i. e. Orthodox, rituals¹¹, is described in a neutral manner, without any stylistic or lexical signs of irony. Nevertheless, as a real Protestant, Daniel Krman

comments the devotion to saints: «People carried thin candles, lit them and in this way worshipped the saints» [12, s. 40]. In the city of Krupki, a meeting took place that contributed to Daniel Krman's many times derogatory interpretation of the Orthodox clergy¹²: «I was speaking with a priest whom they called sometimes «pop» or «püp». He was a very uneducated man. He did not even know the Russian alphabet correctly and he was complaining by stating that it is very hard to read in Russian. He was not even able to read or speak Latin and – as for his clothing – he did not differ from the peasant villagers» [12, s. 41]. Of course, Daniel Krman recorded the most evident cases of lack of education of clergymen, as the «pop» in Krupki, but elsewhere in his travelogue he states that the «pop» in Krichev taught him the «Russian letters» [12, s. 65], i. e. that man had a skill that requires a certain level of education.

Daniel Krman also attended Greek-Catholic liturgy in Smorgon, where the Uniate Ruthenians had their

⁹The Kalmyks and the Tatars are mentioned also in František Tóth's memoirs. František Tóth was a contemporary of Daniel Krman and travelled to the same ethnic-geographical environment a few decades later. In his description, both ethnic groups are characterised as «ennobled savages», since František Tóth was already influenced by Enlightenment conceptions [20, s. 27].

¹⁰The Islamic religion practised by the Tatars is not mentioned presumably because of the absence of religious symbols and rituals.

¹¹Daniel Krman uses the expression «divine services», which is typical for the Protestant rites.

¹²Tatiana Kusá (in her afterword to the itinerarium) [12], or Peter Káša [13] wrote about it.

church and he participated in ceremony of evening prayer¹⁵: «A bald-headed priest approached the altar and bowed several times before the painting of a saint; afterwards he moved on to another saint; he showed him the same veneration and then ended the celebration by muttering something in a low voice» [12, s. 36]. He noticed the devotion to saints also amongst the Greek-Catholics, which is something incomprehensible for a Protestant.

We conclude our remarks on Daniel Krman's mentions of rites unknown to him, by quoting his description of the Jewish liturgy in Radoskovichi: «We accessed the Jewish synagogue; here I saw a Jew on a raised point reciting something while chanting; then there was

another one standing in front of the wall, still chanting, swinging from side to side; the other people came and went, some quickly and some slowly, and all of them had a decalogue attached to their foreheads and hands, enclosed in a leather case; and they prayed continuously. During the prayer they talked intimately with each other, even laughed; then suddenly together with the cantor they sang «Amen», sometimes almost howling; sometimes only one person sang; sometimes there were two people singing; very often, however, it happened that they all raised their voices as if they were mad or desperate» [12, s. 37]. According to his strong or emotionally tinged expressions, it is possible to observe that this worship service impressed him the most.

The steam bath as a Belarusian specific element

In Daniel Krman's travel diary, the reader encounters the contrast and antithesis that are typical of Baroque literature in general [5, s. 13]. High, sublime and intellectual themes intertwine with lower themes, religious often borders the material things of life. An emblematic passage is the one of his stay in Mogilev, where Daniel Krman notes that the local church is beautiful and boasts no less than three domes, but then he suddenly goes on to report that in the tavern called «Worldly lights» the Hungarian envoys had ordered beer, but «those obscurantists» had refused to serve them [12, s. 45]. In his text, Daniel Krman devotes attention to the prayers and liturgical readings from the Bible, which had been recited on the occasion of the king of Sweden's private divine service; and with the same intensity he then speaks of the prescription against dysentery that had been provided to him by the royal physician Skragge. Also due to his ability to capture

the sublime and, at the same time, the down-to-earth side of tangible reality, Daniel Krman certainly deserves a place of honour, as he is the first author in Slovak literature to record the existence and functioning of the steam bath, a crucial element of the Russian-speaking environment and culture: «Some of us were not ashamed to enter [the steam bath] and sweat. It was a kind of very dark shack, with a small copper boiler and some red-hot stones, on which water was dripped; and the radiated heat filled the whole space of the shack. That's what the far-famed steam bath looks like» [12, s. 40].

On the basis of the final glossing sentence, concluding the description of the bath, it is possible to assume that Daniel Krman had already heard about this typical Russian way of hygiene, but in Borisov he tried it for the first time personally. The ironically used adjective «far-famed» is an indication that reality has once again fallen far short of Daniel Krman's expectations.

Conclusions

In his itinerary, Daniel Krman describes ethnographic characteristics, geographic specifications, and the religious-political situation on the territory of Belarus. In accordance with the canons of the Baroque literary text (which often mixes noble and elevated themes with lower-level topics), Daniel Krman describes the tiring everyday life and vicissitudes he experienced during his journey. At the same time, he also talks about his meeting with Charles XII and his mission of delivering a message from the Hungarian Protestants. He does not explicitly delineate Belarus from Rzeczpospolita, but through his descriptions he emphasises the specificities of Belarus

compared to Poland: rural character, wider ethnic variety, hilly landscape. Daniel Krman is an acute observer and his notes about ethnographic characteristics of people living in Belarus rank amongst the most valuable sources of its time. Thanks to Daniel Krman's travelogue, Slovak literature comes into possession of a picture that would later find its way into the literature, and it will become probably the most renowned archetypical topos connected with the Russian geographical space: white, tall birch trees between villages that later appear in poetic texts as aestheticising metaphors for clean nature and peaceful rural life.

References

1. Pířová P. Obrazy Podunajska v cestopisnej reflexii grófa N. M. V. du Parc Locmariu. *Mladá veda*. 2022;5:29–42.
2. Minárik J. *Váznenie, vyslobodenie a putovanie Jána Simonidesa a jeho druha Tobiáša Masníka*. Bratislava: Tatran; 1981. 222 s.
3. Moyřová S. Slovenský cestopis v 17. storočí: monomýtus v malom. In: Mihet M, editor. *New encounters: literary, cultural and historical studies*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave; 2023. p. 285–297.

¹⁵In his text, Daniel Krman uses the term «sacra vespertina», i. e. the general notion for evening divine services. The Slovak translators chose the word «večiereň», indicating the official evening prayer of both Greek-Catholic and Orthodox believers.

4. Kowalská E. *Daniel Krman ml., exulanti a pietisti: reflexia, akceptácia a odmietnutie pietizmu* [Internet; citované 20 februára 2024 r.]. Dostupné na: https://www.academia.edu/7115232/Daniel_Krman_ml_exulanti_a_pietisti_reflexia_akcept%C3%A1cia_a_odmietnutie_pietizmu.
5. Brtáňová E, Vráblová T. *Cestopisná a memoárová literatúra 16.–18. storočia*. Bratislava: Kalligram; 2010. 650 s.
6. Macho P. Daniel Krman ako symbol prieniku lokálnej, konfesionalnej a národnej identity (na príklade Myjavy). *Slovenská literatúra*. 2017;1:43–61.
7. Minárik J. Baroková cestopisná próza. *Studia Academica Slovaca*. 1973;2:149–153.
8. Minárik J. Poznámky o Krmanovej ceste a cestovnom denníku. V: Krman D ml. *Cestovný denník z rokov 1708–1709*. Bratislava: Slovenská akadémia vied; 1969. s. 777–822.
9. Zmeták I. Daniel Krman a jeho cesty. *Klio, Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym*. 2016;2:47–60. DOI: 10.12775/KLIO.2016.014.
10. Brtáň R. Krman redivivus. *Slovenská literatúra*. 1971;4:406–412.
11. Minárik J. *Baroková literatúra, svetová, česká, slovenská*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo; 1984. 389 s.
12. Krman D ml. *Itinerarium. Cestovný denník*. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov; 2008. 197 s.
13. Káša P. Obraz Poľska a Poliakov v cestopise Daniela Krmana ml. *Itinerarium. Kontakty*. 2022;19:24–37.
14. Krman D ml. *Itinerarium (Cestovný denník z rokov 1708–1709)*. Bratislava: Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied; 1969. 975 s.
15. Pastuszek J. *Negatívny obraz židovstva v slovenskej literatúre v 18. a 19. storočí*. Prague: Univerzita Karlova; 2018. 57 s.
16. Marek M. *Národnosti Uhorska*. Trnava: Trnavská univerzita; 2011. 459 s.
17. Le Foll C. The Jews of Belorussia in Western and Russian historiography. *Bulletin de centre de recherche français à Jérusalem*. 2022;11:64–82.
18. Čaplovič D. Pohanské náboženstvo Slovanov – kontexty a hodnoty. *Studia Archeologica Slovaca Mediaevalia*. 2000–2001; 3–4:99–108.
19. Marčeková K. Mytológia smrti u Slovanov a iných etník. *Acta historica Neosoliensia*. 2006;9:383–386.
20. Daniš M, Rybár L, Bachoríková P, Moyšová S. *Spomienky Františka Tótha na Turkov a Tatárov*. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov; 2022. 456 s.

Received 26.11.2024 / revised 02.06.2025 / accepted 04.06.2025.

УДК 327.7(6)+325.1“1991/2000”

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТРУКТУРАМИ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В АФРИКЕ В 1990-х гг.

А. В. СЕЛИВАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются доклады Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 46–66-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Выделяется взаимодействие Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев с агентствами системы ООН, международными, региональными и неправительственными организациями, направленное на решение проблем вынужденной миграции в Африке в 1990-х гг. Делается вывод о том, что межорганизационное сотрудничество Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в рассматриваемый период эволюционировало от оказания чрезвычайной помощи беженцам до участия в репатриации и решении вопросов развития как мест, в которые они возвращались, так и мест, которые они покинули. Международное сообщество демонстрировало эффективное сотрудничество при решении проблем вынужденной миграции в Африке. При наличии политической воли для урегулирования старых и предотвращения новых конфликтов текущие проблемы вынужденной миграции будут решаться более эффективно.

Ключевые слова: Африка; беженцы; вынужденная миграция; международное сотрудничество; Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

УЗАЕМАДЗЕЯННЕ ЎПРАВЛЕННЯ ВЯРХОЎНАГА КАМІСАРА ААН ПА СПРАВАХ БЕЖАНЦАЎ З МІЖНАРОДНЫМІ СТРУКТУРАМІ І НЯЎРАДАВЫМІ АРГАНІЗАЦЫЯМІ ПА ВЫРАШЭННІ ПРАБЛЕМЫ ВЫМУШАНАЙ МІГРАЦЫІ Ў АФРЫЦЫ Ў 1990-я гг.

А. У. СЕЛІВАНАЎ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Аналізуюцца даклады Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў на 46–66-й сесіях Генеральнай Асамблеі ААН. Вылучаецца ўзаемадзейне Упраўлення Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў з агенцтвамі сістэмы ААН, міжнароднымі, рэгіянальнымі і няўрадавымі арганізацыямі, накіраванае на вырашэнне праблем выму-

Образец цитирования:

Селиванов АВ. Взаимодействие Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев с международными структурами и неправительственными организациями по решению проблемы вынужденной миграции в Африке в 1990-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:76–89.
EDN: OZFMVJ

For citation:

Selivanov AV. Cooperation between the United Nations High Commissioner for Refugees and international and non-governmental organisations to address the issue of forced migration in Africa in the 1990s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:76–89. Russian.
EDN: OZFMVJ

Автор:

Андрей Владимирович Селиванов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений.

Author:

Andrey V. Selivanov, PhD (history), docent; associate professor at the department of international relations, faculty of international relations.
selivanych@bsu.by

шанай міграцыі ў Афрыцы ў 1990-я гг. Робіцца выснова аб тым, што міжарганізацыйнае супрацоўніцтва Упраўлення Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў у 1990-я гг. эвалюцыяніравала ад аказання надзвычайнай дапамогі бежанцам да ўдзелу ў рэпатрыяцыі і вырашэнні пытанняў развіцця як месцаў, у якія яны вярталіся, так і месцаў, якія яны пакінулі. Міжнародная супольнасць дэманстравала эфектыўнае супрацоўніцтва пры вырашэнні праблем вымушанай міграцыі ў Афрыцы. Пры наяўнасці палітычнай волі для ўрэгулявання старых і прадукілення новых канфліктаў бягучыя праблемы вымушанай міграцыі будуць вырашацца больш эфектыўна.

Ключавыя словы: Афрыка; бежанцы; вымушаная міграцыя; міжнароднае супрацоўніцтва; Упраўленне Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў.

COOPERATION BETWEEN THE UNITED NATIONS HIGH COMMISSIONER FOR REFUGEES AND INTERNATIONAL AND NON-GOVERNMENTAL ORGANISATIONS TO ADDRESS THE ISSUE OF FORCED MIGRATION IN AFRICA IN THE 1990s

A. V. SELIVANOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article analyses the reports of the UN High Commissioner for Refugees presented to the 46–66th UN General Assembly sessions. Particular attention is given to the cooperation between the Office of the UN High Commissioner for Refugees and UN system agencies, as well as international, regional, and non-governmental organisations, aimed to address the challenges of forced migration in Africa during the 1990s. The research concludes that inter-agency cooperation of UN High Commissioner for Refugees evolved throughout the analysed period from the provision of emergency assistance to refugees to active involvement in repatriation and support for development both in areas of return and in the communities left behind. The international community demonstrated effective collaboration in tackling the issues of forced migration in Africa. It is argued that, given sufficient political will to resolve protracted conflicts and prevent new ones, current challenges related to forced migration can be addressed far more effectively.

Keywords: Africa; refugees; forced migration; international cooperation; UN High Commissioner for Refugees.

Последнее десятилетие XX в. в Африке ознаменовалось процессом массового перемещения населения, вызванным множеством причин. Данный период характеризуется обилием межгосударственных и межэтнических вооруженных конфликтов, а также природных катаклизмов (засухи, наводнения и т. д.). Эти факторы стали ключевыми для возникновения вынужденной миграции как за пределы государств, так и внутри них. При описании ситуации в Африке часто отсутствует четкое разделение понятий добровольной и вынужденной миграции, в частности, в этом контексте детально не рассматривается проблема беженцев: многие люди вынуждены покидать свои дома под давлением различных обстоятельств [1, р. 173–174].

В начале 1990-х гг. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН) отмечало заметное возрастание количества беженцев в мире до примерно 17 млн человек. На рассматриваемом нами континенте по данному показателю

лидировали страны Африканского Рога и Западной Африки¹. В этот период ООН все больше осознавала миграцию как глобальную проблему. Принятие Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей в 1990 г., а также программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г. подчеркнуло растущее признание ООН необходимости применения комплексного подхода к миграционным процессам, охватывающим как добровольные, так и вынужденные перемещения².

Последнее десятилетие XX в. стало временем, когда решались миграционные проблемы и возникали новые кризисы. Хотя в среднем 1,5 млн беженцев ежегодно возвращались домой в течение 1990-х гг., что свидетельствует о высокой активности репатриации, глобально ситуация в начале десятилетия значительно ухудшилась³. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что, несмотря на разрешение некоторых застарелых кризисов (например, в Мозамбике

¹Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/46/12. П. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/131164> (дата обращения: 11.03.2025).

²International migration [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/migration> (date of access: 12.12.2024).

³Refugees [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/refugees> (date of access: 12.12.2024).

или Южной Африке), новые масштабные чрезвычайные ситуации (в частности, геноцид в Руанде) быстро возникали или обострялись.

Целью данной статьи является характеристика взаимодействия УВКБ ООН с международными структурами и неправительственными организациями (далее – НПО) по решению проблем вынужденной миграции в Африке в 1990-х гг. Безусловно, проблема беженцев в Африке рассматривалась как в англоязычной, так и в русскоязычной литературе, но комплексно данный вопрос не изучался. Аспекты в сфере международного сотрудничества по защите внутренне перемещенных лиц можно найти в работе российского юриста Д. В. Иванова [2]. Помощь беженцам в Африке рассматривается в публикациях Дж. Криспа [3; 4]. Большой интерес в контексте изучаемого вопроса вызывают работы А. Беттса⁴.

В качестве нижней временной границы в настоящем исследовании определен 1991 г., что обусловлено глобальными изменениями на международной арене. Верхней временной границей стал 2000 г., когда отмечалось 50-летие УВКБ ООН: в юбилейный год управление подводило некоторые итоги. Кроме того, рассматриваемый период характеризуется работой в должности Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – Верховный комиссар) Садако Огата (с 1 января 1991 по 31 декабря 2000 г.). Все эти факты помогают выделить период международного сотрудничества в рамках ООН по решению вопросов вынужденной миграции в Африке.

Подготовка статьи происходила с опорой на доклады Верховного комиссара Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленные в 1991–2000 гг. Данные доклады, как правило, охватывают период с января предыдущего года по март текущего года включительно, что в некоторой степени затрудняет характеристику рассмотренных документов. При этом, например, финансовая статистика в них приводится за календарный год. Кроме того, Северная Африка в докладах рассматривается отдельно от других регионов континента, что также вызывает дополнительные сложности. Также некоторые цифры, которые характеризуют ситуацию на одной и той же территории, в рамках документа могут отличаться.

Основной структурой, которая занималась решением проблемы вынужденной миграции в Африке в 1990-х гг., являлось именно УВКБ ООН. В зону ответственности управления входят следующие категории лиц: беженцы, лица, ищущие убежища, репа-

рианты, внутренне перемещенные лица и лица без гражданства. В деятельности УВКБ ООН в Африке делался упор на оказание чрезвычайной помощи людям, а также на обеспечение жизненно необходимых потребностей беженцев и вынужденных мигрантов. Помимо этого, агентство оказывало помощь в рамках своей концепции трех долговременных решений: добровольной репатриации, интеграции в стране убежища и переселения в третью страну.

В докладе Верховного комиссара в 1991 г. отмечалось позитивное настроение относительно континента: говорилось о вероятном урегулировании конфликтов, которые «вызывали потоки беженцев из Руанды, Южной Африки, Анголы и Западной Сахары»⁵. Констатировался рост количества беженцев в Африке за счет миграции жителей Мозамбика, Либерии, Руанды, Сомали, Судана, Чада и других стран в соседние государства. Попытки разрешения сложившейся ситуации предпринимались на уровне отдельных стран и Организации африканского единства (ОАЕ). Специфика вынужденной миграции на Африканском континенте заключалась в том, что большинство мигрантов находили новое место жительства в странах, которые сталкивались с экономическими трудностями. При этом, несмотря на сложности экономического и социального характера, принимающие африканские государства продолжали предоставлять убежище⁶.

В документе выделялись проблемные места в Африке, например западная часть континента, где количество беженцев увеличилось с 200 до 875 тыс. человек. Отмечались также Судан, Мозамбик, Замбия, Зимбабве, Свазиленд, Танзания, страны Африканского Рога и Центральной Африки (Чад, Руанда)⁷.

Так, в рассматриваемый период «...число и положение беженцев в Судане оставались относительно стабильными. Тем не менее к концу 1990 г. обеспеченность питанием эфиопских беженцев в поселениях на востоке Судана (которые обычно не получают продовольственных рационов) значительно ухудшилась»⁸. Для разрешения сложившейся ситуации Всемирной продовольственной программой (ВПП) и управлением было принято решение «обеспечить в 1991 г. всех получающих помощь от УВКБ ООН полноценными продовольственными рационами»⁹. Обратим внимание и на тот факт, что из-за дефицита средств не обеспечивалось финансирование сельскохозяйственного проекта в Судане, проекта развития регионов с беженцами в Сомали (Всемирный банк совместно с УВКБ ООН)¹⁰.

⁴Alexander Betts [Electronic resource]. URL: <https://www.rsc.ox.ac.uk/people/alexander-betts> (date of access: 30.04.2025).

⁵Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/46/12. П. 5, 89, 91, 92, 93 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/131164> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶Там же.

⁷Там же. П. 95, 97.

⁸Там же. П. 100.

⁹Там же.

¹⁰Там же. П. 61.

Региональная конференция руководителей Бурунди, Заира, Кении, Руанды, Танзании и Уганды «поручила ОАЕ и УВКБ ООН подготовить план действий по интеграции (реинтеграции) руандийских беженцев (репатриантов)»¹¹. Он создавался во взаимодействии с государствами и структурами, которые работали в сфере развития.

Международная НПО «Спасем детей» и УВКБ ООН 25–27 марта 1991 г. провели в Малави консультации по реализации Руководящих принципов в отношении детей-беженцев¹².

В следующем докладе Верховный комиссар констатировала ухудшение ситуации в странах Африканского Рога, а также подчеркнула необходимость обратить внимание на многочисленные группы беженцев в Африке¹³.

Продолжалось увеличение числа мозамбикских беженцев в Малави. Кроме того, «события в Сомали, Эфиопии, Судане, Бурунди, Заире и Сьерра-Леоне, начавшиеся в первые месяцы 1991 г., привели к увеличению притока беженцев соответственно в Джибути, Кению, Уганду, Руанду, Заир, Конго и Гвинею», что потребовало дополнительного финансирования, «а также укрепления местных отделений УВКБ ООН»¹⁴.

Генеральная Ассамблея ООН 18 декабря 1991 г. приняла новую программу ООН по обеспечению развития в Африке в 1990-х гг., в которой миграционная проблематика не была описана¹⁵. При этом Верховный комиссар в отношении программы обратила внимание на такие аспекты в числе прочих, как человеческие ресурсы и демографическое регулирование¹⁶.

В докладе показано сотрудничество с ВПП, ОАЕ, НПО¹⁷. В Уганде УВКБ ООН в сотрудничестве с местными властями и Программой развития ООН (ПРООН) оказывало содействие «в совершенствовании экономической инфраструктуры поселений руандийских беженцев на юго-западе» страны¹⁸.

В январе 1992 г. ПРООН и УВКБ ООН обсудили вопросы разделения функций и деятельности в про-

цессе добровольной репатриации. Совместная миссия посетила Мозамбик для подготовки программ возвращения и реинтеграции. В Малави в октябре 1991 г. этими структурами был разработан компонент программы решения проблем окружающей среды и развития с учетом пребывания там беженцев. Отметим также участие ПРООН в совместной разработке плана действий по интеграции (реинтеграции) руандийских беженцев (репатриантов)¹⁹. Кроме того, ПРООН, ливийское правительство и страны-доноры содействовали удовлетворению потребностей 400 сомалийских беженцев, прибывших в Ливию в октябре – ноябре 1991 г.²⁰

Характеризуя сотрудничество с ОАЕ, обратим внимание на то, что в соответствии с Дар-эс-Саламской декларацией от 19 февраля 1992 г. двум вышеупомянутым структурам «было поручено составить план действий в целях долгосрочного решения 30-летней проблемы руандийских беженцев»²¹. В рамках выполнения этой задачи ими были рассмотрены вопросы как репатриации беженцев, так и интеграции тех, кто не желал покидать новые места проживания в соседних странах²². В мае 1991 г. и феврале 1992 г. прошли консультации УВКБ ООН и ОАЕ, а Верховный комиссар приняла участие в работе 55-й сессии Совета министров Организации африканского единства в феврале 1992 г.²³

В марте 1992 г. в Женеве состоялась встреча представителей Африканского банка развития (АБР) и УВКБ ООН. В рамках обсуждений были выделены конкретные области для сотрудничества, например восстановление инфраструктуры, система кредитования, создание источников доходов и др. К концу 1992 г. было разработано проектное соглашение о сотрудничестве между АБР, УВКБ ООН и Африканским фондом развития²⁴.

Международное сообщество проводило операцию «Мост жизни для Судана», оказывая стране различные виды помощи. Одним из партнеров в проведении данной операции был Международный

¹¹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/46/12. П. 60 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/131164> (дата обращения: 11.03.2025).

¹² Там же. П. 81.

¹³ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/47/12. П. 1–3 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/242341> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁴ Там же. П. 88.

¹⁵ Окончательный обзор и оценка осуществления программы действий Организации Объединенных Наций по обеспечению экономического подъема и развития в Африке на 1986–1990 годы : док. ООН А/RES/46/151 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/135195> (дата обращения: 21.05.2025).

¹⁶ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/47/12. П. 89 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/242341> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁷ Там же. П. 90, 91, 95, 102.

¹⁸ Там же. П. 110.

¹⁹ Там же. П. 61–63, 65.

²⁰ Там же. П. 179.

²¹ Там же. П. 114.

²² Там же. П. 179.

²³ Там же. П. 200.

²⁴ Там же. П. 65, 203 ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/48/12. П. 190 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/506107> (дата обращения: 11.03.2025).

комитет Красного Креста (МККК). Он, например, оказывал помощь 12 тыс. мальчиков из Судана, «первоначально находившимся в специальных лагерях в Эфиопии, которые в апреле 1992 г. перемещались в поисках безопасности» в окрестности города Капозта²⁵.

Также Верховный комиссар выделила мирные процессы на юге континента, где достижениями стали подписание 4 сентября 1991 г. Меморандума о взаимопонимании в отношении добровольной репатриации и реинтеграции южноафриканских беженцев и подписание 2 октября 1991 г. соглашения, регулирующего статус УВКБ ООН в Южной Африке²⁶.

Верховный комиссар в докладе на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН обратила внимание на увеличение количества беженцев в мире, а также на появление новых беженцев в Африке как в рамках уже существующих, так и в рамках новых конфликтов, сопровождающихся природными катаклизмами²⁷.

В документе отмечена необходимость межучрежденческой координации в рамках ООН для использования уникальных мандатов каждой ее структурой. Так, УВКБ ООН «установило новые отношения партнерства с военными органами, пользуясь средствами материально-технического обеспечения военных для укрепления своего потенциала, а также военным прикрытием гуманитарных операций в ситуациях открытого конфликта»²⁸. В качестве африканского примера в документе приводится операция в Сомали.

Также «в юго-восточной Эфиопии УВКБ ООН объединило свои усилия с другими организациями системы ООН для удовлетворения потребностей целых общин в целях стабилизации населения»²⁹. В странах Африканского Рога управление предложило использовать «межмандатный» подход (термин используется в рассматриваемом докладе) в целях удовлетворения потребностей всего населения региона: как лиц, находящихся в ведении УВКБ ООН, так и местных жителей³⁰.

Помимо межучрежденческого взаимодействия, УВКБ ООН заключило «резервные» соглашения с НПО в целях оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации в сферах здравоохранения, водоснабжения, санитарии, материально-технического обеспечения и социальных услуг. Во исполнение

соглашений две НПО (в докладе не указано, какие) начали реализовывать свои функции в Кении и Джибути в 1992 и 1993 гг. соответственно. Кроме того, в 1992 г. в рамках Программы подготовки к управлению в чрезвычайных ситуациях в ряде регионов (на рассматриваемом континенте в странах Африканского Рога) сотрудники УВКБ ООН, правительственных организаций и НПО прошли обучение и подготовку³¹.

Завершившее многолетнюю гражданскую войну мирное соглашение было подписано в Мозамбике 4 октября 1992 г. Его заключение предоставило возможность репатриации 1,5 млн мозамбикских беженцев. УВКБ ООН и другие структуры организации, а также ряд НПО готовились оказывать содействие в данном процессе. Управление разработало план операций и составило бюджет. По мнению Верховного комиссара, «в Мозамбике, как и во многих других районах Африки, успех мирного соглашения будет в значительной степени определяться готовностью и способностью международного сообщества помочь перемещенным внутри страны лицам, демобилизованным солдатам и пострадавшим от засухи, а также возвращающимся беженцам и, помимо этого, взять обязательство содействовать долгосрочному процессу стабилизации и восстановления»³². В перспективе рассматривалась репатриация в Анголу, Сомали, Эритрею и Эфиопию³³.

При изучении опыта добровольной репатриации Верховный комиссар отметила важную связь с инициативами в области развития, назвав имеющийся серьезный разрыв между программами чрезвычайной помощи и развития препятствием для эффективной реинтеграции репатриантов. Для успеха в этом процессе УВКБ ООН выступило за более активное привлечение Международной организации труда (МОТ), ПРООН, ЮНИСЕФ, ВПП, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Всемирного банка и др.³⁴

Международное сотрудничество интенсивно развивалось в вопросах помощи беженцам и репатриантам в целях развития. Так, в 1992 г. совместные миссии УВКБ ООН и АБР отбирали проекты для реализации в Малави, Мозамбике и Судане, а также работали в рамках совместного проекта по восстановлению пастбищных угодий в юго-восточной части Эфиопии³⁵.

²⁵ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/47/12. П. 103 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalibrary.un.org/record/242341> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶ Там же. П. 118.

²⁷ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/48/12. П. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalibrary.un.org/record/506107> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁸ Там же. П. 9.

²⁹ Там же. П. 4.

³⁰ Там же. П. 20.

³¹ Там же. П. 44, 45.

³² Там же. П. 102.

³³ Там же. П. 55.

³⁴ Там же. П. 182.

³⁵ Там же. П. 63.

Управление приветствовало решение «утвердить в принципе создание в рамках ОАЕ и в соответствии с целями и принципами Устава механизма для предотвращения, регулирования и разрешения конфликтов»³⁶, принятое на 28-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ, которая состоялась в июне – июле 1992 г. Руководители африканских государств давно признали, что «мир, стабильность, безопасность и соблюдение прав человека связаны с предотвращением потоков беженцев»³⁷, ввиду чего 9 апреля 1992 г. руководителями стран Африканского Рога была опубликована Декларация об основах сотрудничества и программе действий, в которой также был сделан призыв к международному сообществу, включая ООН, создать условия для обеспечения возможности беженцам вернуться в свою страну, где они могли бы продолжать нормальную жизнь.

В начале 1992 г. УВКБ ООН, Департамент по гуманитарным вопросам (ДГВ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (далее – ФАО), ПРООН, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ предприняли попытки координации работы по оказанию гуманитарной помощи, а также деятельности МККК и НПО. В частности, данные попытки осуществлялись в контексте Специальной чрезвычайной программы для стран Африканского Рога и чрезвычайных операций в южной части Африки³⁸.

В докладе Верховного комиссара на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН уже немного больше внимания уделялось африканскому вектору сотрудничества с международными структурами и другими организациями. Так, речь шла о реализации превентивных решений в целях оказания гуманитарной поддержки внутренне перемещенным лицам в ряде африканских регионов. Кроме того, управление было участником инициатив международного сообщества по урегулированию гуманитарных кризисов и катастроф в Африке, например, поддерживало операцию ООН в Мозамбике³⁹.

Для реализации крупных операций по добровольной репатриации в Африке в 1993 г. был заключен ряд соглашений. Одновременно ситуация с потоками беженцев ухудшилась, и, соответственно, их возвращение стало нецелесообразным⁴⁰.

В докладе также упоминался проект УВКБ ООН, ОАЕ и Афро-азиатского консультативно-правового

комитета по разработке типового закона о беженцах. В конце 1992 г. была принята Каирская декларация о защите беженцев и перемещенных лиц в арабском мире⁴¹.

Верховный комиссар подчеркнула наращивание потенциала для поддержки операций в разных регионах мира, в том числе в Африке. В качестве примера в докладе приводилась Либерия, где управление использовало «свои резервные соглашения со шведским советом по оказанию чрезвычайной помощи в целях создания лагеря-базы... с предметами первой необходимости для персонала»⁴².

Совместные мероприятия по отбору проектов по оказанию помощи беженцам и их развитию проводились УВКБ ООН и АБР в 1992–1993 гг. Так, обсуждался проект с правительством Мозамбика, УВКБ ООН содействовало реализации проекта в Эфиопии⁴³.

Для обеспечения начальным и средним образованием детей вынужденных мигрантов в Сомали УВКБ ООН сотрудничало с ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО и другими организациями. При реализации этого проекта использовались учебные материалы, подготовленные в рамках инициативы ЮНЕСКО «Образование для мира»⁴⁴.

В 1994 г. УВКБ ООН продолжало оказывать помощь репатриантам и внутренне перемещенным лицам в Анголе. Роль управления следовало определить по результатам мирных переговоров, проводившихся правительством Анголы и Национального союза за полную независимость Анголы под эгидой Контрольной миссии ООН в Анголе. Кроме того, УВКБ ООН в сотрудничестве с правительством Уганды, ВПП и НПО оказало поддержку лицам, прибывавшим в страну в 1993 г. из соседних государств. Однако внутренние проблемы в Заире, Руанде и Судане не давали возможности оказывать помощь в полном объеме⁴⁵.

Проблема нехватки продовольствия также сохраняла актуальность: из-за неурожая и голода, по оценкам ВПП и ФАО, в 1994 г. продовольственная помощь требовалась 22 млн вынужденных мигрантов, в том числе 10 млн человек в странах Африканского Рога и Восточной Африки. Для ее оказания следовало собрать около 3 млн метрических тонн продовольствия. В докладе отмечалась важность исследования «межмандатного» подхода, использовавшегося для

³⁶ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/48/12. П. 91 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/506107> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁷ Там же. П. 92.

³⁸ Там же. П. 99.

³⁹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/49/12. П. 5, 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/163181> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁰ Там же. П. 25.

⁴¹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/48/12. П. 31 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/506107> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/49/12. П. 31 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/163181> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴² Там же. П. 43, 46.

⁴³ Там же. П. 62.

⁴⁴ Там же. П. 77.

⁴⁵ Там же. П. 98, 99.

решения проблем вынужденной миграции в Эфиопии. В Кении была достигнута договоренность с ПРООН по оказанию помощи беженцам после закрытия лагерей в регионе Мандера. Ожидалось заключение четырехстороннего соглашения между правительствами Алжира, Мали, УВКБ ООН и Международным фондом сельскохозяйственного развития (МФСР), который осуществлял экспериментальный проект в области развития на севере Мали⁴⁶.

Безусловно, в Африке в рассматриваемое десятилетие самым кризисным можно назвать 1994 г., когда из-за геноцида в Руанде случился массовый исход более 2 млн беженцев. При этом в 1994 – начале 1995 г. состоялось возвращение более 1,7 млн беженцев, главным образом в Мозамбик и некоторые другие страны⁴⁷. Верховный комиссар отметила, что потенциал реагирования УВКБ ООН был полностью исчерпан из-за перемещений беженцев в регионе Великих озер⁴⁸. В такой ситуации агентство продолжало укреплять реинтеграцию через сотрудничество с другими структурами ООН, в частности с ДГВ и ПРООН, для обеспечения «непрерывного перехода от оказания помощи к развитию»⁴⁹. При этом различные системы функционирования институтов ООН затрудняли межучрежденческое взаимодействие в этой области⁵⁰.

В рамках реагирования на чрезвычайные ситуации УВКБ ООН предоставило доступ наблюдателям Комиссии по правам человека, направляемым в Руанду, к имеющимся в его распоряжении наборам для выживания в полевых условиях⁵¹.

Защиту детей-беженцев, пострадавших от чрезвычайных ситуаций в Руанде, Гвинее, Сьерра-Леоне в 1994 – начале 1995 г., осуществляли специальные сотрудники, работающие в сообществах. Руандийский проект координировался ЮНИСЕФ, МККК и местными властями. В дополнение в июне 1994 г. УВКБ ООН, ЮНИСЕФ, МККК и Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца опубликовали заявление об эвакуации несопровождаемых детей из Руанды⁵².

Помимо вышесказанного, УВКБ ООН учитывало вопросы окружающей среды в Бурунди и Руанде. В Танзании при поддержке доноров МФСР в сотруд-

ничестве с правительством разработал и реализовал план действий по охране окружающей среды. В Заире правительство, УВКБ ООН, ПРООН, ЮНЕСКО и организации по охране природы занимались ликвидацией последствий влияния наплыва руандийских беженцев в национальный парк в восточной части страны⁵³.

Управление активно развивало концепцию плавного перехода от чрезвычайной помощи к развитию, для чего к программам помощи старались привлекать ПРООН, а также другие агентства ООН. Так, УВКБ ООН совместно с ПРООН анализировало опыт крупных операций, например, в Мозамбике и Сомали⁵⁴.

Важным событием, посвященным ситуации в Руанде, стала Региональная конференция в Бужумбуре (Бурунди) по оказанию помощи беженцам, репатриантам и перемещенным лицам в районе Великих озер, состоявшаяся 15–17 февраля 1995 г. УВКБ ООН приняло активное участие в реализации плана по содействию добровольной репатриации и по поддержке добровольного и безопасного возвращения домой людей, находящихся на юго-западе Руанды⁵⁵.

В докладе приведен пример стратегии реинтеграции УВКБ ООН в Мозамбике, которая была направлена на проведение долгосрочных программ развития (стратегия была одобрена правительством страны и донорами). Начались переговоры с ПРООН и Европейским союзом⁵⁶.

23 августа 1994 г. было подписано соглашение между Алжиром, Мали, МФСР и УВКБ ООН о репатриации малийцев. Из-за ситуации в северной части Мали мероприятия по возвращению были перенесены на 1995 г. Похожая ситуация возникла и с трехсторонним соглашением о репатриации малийских беженцев из Мавритании⁵⁷. Также в 1994 г. УВКБ ООН укрепляло механизмы сотрудничества со структурами ООН в районе Великих озер, странах Африканского Рога и Западной Африки (в первую очередь речь идет о ВПП, ЮНИСЕФ, ВОЗ и Фонде ООН в области народонаселения (ЮНФПА))⁵⁸.

В докладе на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Верховный комиссар констатировала как наличие с 1994 г. около 2 млн беженцев в районе Великих озер, так и желание 250 тыс. «новых» руандийцев

⁴⁶ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/49/12. П. 104–106, 186 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/163181> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/50/12. П. 1, 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/200053> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁸ Там же. П. 46.

⁴⁹ Там же. П. 7.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. П. 44.

⁵² Там же. П. 69, 70.

⁵³ Там же. П. 73.

⁵⁴ Там же. П. 78, 79.

⁵⁵ Там же. П. 99.

⁵⁶ Там же. П. 116.

⁵⁷ Там же. П. 188, 189.

⁵⁸ Там же. П. 204.

вернуться на родину⁵⁹. Управление в 1995 г. уделяло внимание планированию на случай возникновения непредвиденных ситуаций в разных, в том числе африканских, странах с использованием межучрежденческого подхода, в частности, при активном сотрудничестве с ВПП⁶⁰.

14 марта 1996 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между УВКБ ООН и ЮНИСЕФ для активизации сотрудничества и координации. Основным направлением совместной практической деятельности по-прежнему оставалась помощь детям-беженцам в Руанде и Бурунди. К 1 января 1996 г. в районе Великих озер со своими семьями воссоединились свыше 28 тыс. детей, еще около 78 тыс. несопровождаемых детей оставались на упомянутой территории⁶¹.

Продолжалось сотрудничество в Африке по реализации новой экологической политики. Примером стала инициатива ПРООН и УВКБ ООН по решению проблем деградации инфраструктуры и окружающей среды в местах пребывания беженцев в районе Великих озер в Бурунди, Заире и Танзании⁶². Также продолжалось взаимодействие ПРООН и УВКБ ООН по вопросам помощи и развития в Мозамбике⁶³.

Отметим, что в 1996 г. был проведен ряд мероприятий по урегулированию конфликтов на Африканском континенте, направленных на возвращение в родные дома беженцев и вынужденных мигрантов. Так, по результатам конференции 1995 г. в Бужумбуре состоялись два совещания по реализации плана действий. Первое совещание прошло в Аддис-Абебе 26 мая 1995 г. На нем процесс в целом был охарактеризован положительно, однако отмечалась необходимость провести еще значительное количество мероприятий для достижения широкомасштабной репатриации. Второе совещание прошло 29 февраля 1996 г. На нем рассматривались препятствия для репатриации. В отношении необходимости ускорить добровольную репатриацию был достигнут консенсус. Кроме того, 24 января 1996 г. ПРООН и УВКБ ООН провели в Женеве совещание для доноров и стран, принимающих беженцев, по вопросам «...помощи районам, негативно затронутым присутствием большого числа беженцев. Был представлен пакет краткосрочной помощи на сумму 70,5 млн долл. США для содействия возмещению ущерба окружающей

среде и инфраструктуре»⁶⁴. Верховный комиссар отметила прохладное отношение к данному предложению со стороны международного сообщества на момент подготовки доклада⁶⁵.

Совместные миссии УВКБ ООН и ВПП проходили с участием доноров в Западной Африке. По результатам этих миссий было принято решение о постепенном уменьшении продовольственной помощи либерийским, сьерра-леонским и мавританским беженцам с одновременным переходом к целевой выдаче продовольствия с учетом их достижений в самообеспечении. Расширялась помощь в сферах сельского хозяйства, здравоохранения и санитарии⁶⁶.

Управление работало над заключением соглашения о сотрудничестве с Сообществом развития Юга Африки (далее – САДК) в сфере перемещения населения в регионе. УВКБ ООН участвовало в состоявшейся 25–28 марта 1996 г. конференции САДК по социальному развитию, на которой в рамках других вопросов рассматривалось оказание помощи беженцам⁶⁷.

Позитивные тенденции, связанные с отсутствием новых массовых потоков беженцев, отмечены в докладе Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При этом в нем выделены новый конфликт в Заире и проблемы репатриации руандийских беженцев из Заира и Танзании⁶⁸.

Как и в предыдущем докладе, подчеркивалось «беспрецедентное давление на ресурсы УВКБ ООН» (массовая репатриация руандийцев в ноябре – декабре 1996 г., расселение беженцев в Заире, оказание чрезвычайной помощи в Мали, Сьерра-Леоне, Того)⁶⁹. Управление после обзора собственной деятельности по защите и оказанию помощи в странах происхождения пришло к выводу о необходимости уделять внимание оказанию помощи в вопросах развития в контексте добровольной репатриации⁷⁰.

В сфере охраны окружающей среды в 1996 г. в районе Великих озер были предприняты комплексные меры по восстановлению территорий, принимавших беженцев. Аналогичные мероприятия проводились в других странах, таких как Кения и Уганда. Для реализации в Кении были подготовлены проекты по экологическому образованию,

⁵⁹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/51/12. П. 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/222766> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁰ Там же. П. 39.

⁶¹ Там же. П. 25, 55, 56.

⁶² Там же. П. 60.

⁶³ Там же. П. 63.

⁶⁴ Там же. П. 79, 82.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. П. 94.

⁶⁷ Там же. П. 111.

⁶⁸ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/52/12. П. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/243667> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁹ Там же. П. 35.

⁷⁰ Там же. П. 46.

для реализации в Танзании – проекты по планированию в области окружающей среды и энергетики⁷¹.

Африканские региональные организации стали активно включаться в процесс возвращения вынужденных мигрантов в родные места. Так, в 1996 г. Экономическое сообщество стран Западной Африки (далее – ЭКОВАС) пыталось как способствовать нормализации ситуации в Либерии, так и содействовать репатриации либерийцев. В докладе также отмечено, что «с учетом большого числа беженцев, вынужденных переселенцев и репатриантов в Западной Африке были предприняты шаги для налаживания более тесного оперативного сотрудничества между УВКБ ООН и ЭКОВАС»⁷².

Управление регулярно взаимодействовало с африканским Межправительственным органом по вопросам развития (далее – ИГАД). На встрече глав и правительств государств, входящих в эту структуру, в конце ноября 1996 г. была одобрена программа расширения регионального сотрудничества в районе Африканского Рога и Восточной Африке, в которую вошли репатриация и устойчивая реинтеграция беженцев⁷³.

25 июля 1996 г. состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между УВКБ ООН и САДК. В документе сделан акцент на «социальные, экономические и политические вопросы в регионе южной части Африки, которые имеют отношение к коренным причинам недобровольного перемещения населения, к вопросам защиты беженцев, оказанию гуманитарной помощи и поиску долговременных решений»⁷⁴. В Северной Африке можно отметить взаимодействие УВКБ ООН и миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре⁷⁵. В рамках межучрежденческого сотрудничества УВКБ ООН и ДГВ обратились с призывом выделить средства на чрезвычайные операции ООН в странах Африканского Рога и репатриацию в Анголу⁷⁶. Также следует отметить подписание УВКБ ООН и ПРООН меморандума о взаимопонимании по ситуации в Руанде⁷⁷.

В докладе на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Верховный комиссар обратила внимание на «заметное сокращение во всем мире числа и масштабов

конфликтов», при этом подчеркнув потенциальную опасность возникновения крупных перемещений населения в ряде регионов планеты⁷⁸. Она сделала акцент на том, что сокращение конфликтов произошло в результате их прогнозирования и предупреждения⁷⁹.

На глобальном уровне руководитель агентства выделила проблему репатриации⁸⁰. Для Африканского континента в качестве основной она определила проблему безопасности для вынужденных переселенцев в первую очередь в районе Великих озер. Вместе с недопуском на территорию страны, выдворением, нападениями и другими ситуациями Садако Огата отметила «недостаточное сотрудничество государств в деле выполнения основных принципов защиты беженцев в сочетании с продолжающимися конфликтами и насилием»⁸¹.

Выдвинутая Верховным комиссаром в 1996 г. инициатива по защите интересов руандийских женщин действовала и в 1997 г. Она была направлена на поддержку активного участия женщин в социально-экономическом и культурном развитии через самообеспечение, образовательные программы, здравоохранение и др. Кроме того, УВКБ ООН содействовало проведению межучрежденческого совещания в Аддис-Абебе в декабре 1997 г. в целях обобщения опыта участия женщин в вопросах миростроительства⁸².

В 1997 г. реализовывались крупномасштабные интегрированные проекты по охране окружающей среды в Кении, Танзании, Уганде и Эфиопии⁸³. УВКБ ООН и ПРООН продолжали осуществление программ репатриации и развития, направленных на восстановление инфраструктуры и окружающей среды в Демократической Республике Конго и Танзании⁸⁴.

Управление усилило взаимодействие в сфере развития с ПРООН, Всемирным банком, Международным валютным фондом, МФСР, АБР. В докладе выделены примеры сопряжения помощи репатриантам со стратегиями развития: создание секции ПРООН и УВКБ ООН по разработке программ реинтеграции в Руанде, межучрежденческие меры в Либерии, результатом реализации которых стало подписание меморандума о взаимопонимании с ПРООН⁸⁵.

⁷¹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/52/12. П. 64 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/243667> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷² Там же. П. 85, 90.

⁷³ Там же. П. 98.

⁷⁴ Там же. П. 124.

⁷⁵ Там же. П. 196–202.

⁷⁶ Там же. П. 209.

⁷⁷ Там же. П. 217.

⁷⁸ Там же. П. 2.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. П. 11.

⁸¹ Там же. П. 13–15.

⁸² Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/52/12. П. 57 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/243667> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/53/12. П. 54 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/260968> (дата обращения: 11.03.2025).

⁸³ Там же. П. 61.

⁸⁴ Там же. П. 63.

⁸⁵ Там же. П. 64.

Чрезвычайная ситуация, возникшая из-за сильных дождей в лагерях беженцев в кенийском регионе Дадааб в конце 1997 г., не осталась без внимания ВПП и УВКБ ООН. Продукты питания и предметы первой необходимости перебрасывались по воздуху, несмотря на высокую стоимость такого вида доставки⁸⁶.

В вопросах репатриации важно отметить следующее достижение: в октябре 1997 г. состоялась встреча представителей правительств Судана и Эфиопии, а также УВКБ ООН в целях завершения репатриации жителей Эфиопии к маю 1998 г., что позволяло управлению рассматривать проблему эфиопских жителей, покинувших страну до 1991 г.⁸⁷ В Анголе УВКБ ООН, другие организации системы ООН, а также доноры активно вовлекали местные власти в осуществление проектов в сферах здравоохранения и образования⁸⁸.

Продолжалось активное взаимодействие УВКБ ООН и САДК. По результатам подписанного меморандума Совет министров Сообщества развития Юга Африки создал рабочую группу из представителей УВКБ ООН, Международной организации по миграции (МОМ), МОТ для координации консультаций по вопросам беженцев, репатриантов, перемещенных лиц и незарегистрированной миграции⁸⁹.

В течение отчетного периода УВКБ ООН продолжало взаимодействовать с другими членами системы ООН, региональными структурами. Соглашения с ЮНФПА в Эритрее, с ПРООН в Либерии, Руанде и Уганде были заключены в целях оказания помощи беженцам, репатриантам и внутренне перемещенным лицам. На глобальном уровне были обновлены меморандумы о взаимопонимании с некоторыми из основных партнеров ПРООН, ВПП и ВОЗ, в то время как новые меморандумы были подписаны с ИГАД и МОМ⁹⁰.

В докладе на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Верховный комиссар констатировала отсутствие массовых потоков беженцев, но была обеспокоена внутренними трансграничными потоками беженцев в Африке. Были выделены кризисы в Сьерра-Леоне, Гвинее-Бисау и Демократической Республике Конго, вооруженный конфликт между Эритреей и Эфиопией, повлекший вынужденное переселение сотен тысяч людей⁹¹. При этом оптимизм

вызывал факт возвращения беженцев, например, из Судана в Эфиопию и из Эфиопии в северо-западную часть Сомали, что можно было связать с некоторой нормализацией ситуации в странах Африканского Рога. Позитивной виделась и обстановка в Западной Африке, где завершились репатриация либерийцев и возвращение беженцев из числа туарегов в Мали и Нигер⁹².

Региональные инициативы реализовались при содействии УВКБ ООН и ОАЕ. Так, в мае 1998 г. в Кампале было организовано региональное совещание на уровне министров по проблемам беженцев в районе Великих озер⁹³.

В рамках международного сотрудничества по расселению в Африке в докладе упомянута крупномасштабная программа, которая осуществлялась в северной части Уганды. В июле 1998 г. УВКБ ООН и руководство страны согласовали стратегию интеграции 145 тыс. беженцев из Судана в регионах Аруа, Мойо и Аджумани. Представители правительства Уганды и УВКБ ООН обсудили с местными сообществами, донорами, Всемирным банком и НПО стратегии и программы самообеспечения для суданских беженцев (проект был запланирован к реализации в 1999–2002 гг.)⁹⁴.

Международная НПО «Спасем детей» и УВКБ ООН начали реализацию в Западной Африке и странах Африканского Рога новых инициатив по содействию НПО, которые работают в сфере оказания помощи детям и подросткам, пострадавшим от войны. В Либерии во взаимодействии с ЮНИСЕФ в интересах детей осуществлялась инициатива по удовлетворению особых потребностей беженцев в реинтеграции⁹⁵.

Важным элементом международного сотрудничества в 1998 г. являлась охрана окружающей среды. Так, в Кении, Руанде, Танзании, Уганде и Эфиопии продолжалась реализация комплексных экологических проектов. Началось осуществление проектов в Джибути, Зимбабве и Руанде⁹⁶.

Для решения вопросов развития в 1998 г. были реализованы проекты УВКБ ООН и Всемирного банка в Бурунди. Мероприятия управления и ПРООН в Руанде были ориентированы на завершение присутствия УВКБ ООН. Также в сотрудничестве с ПРООН для Кот-д'Ивуара были разработаны предложения

⁸⁶ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/53/12. П. 77 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/260968> (дата обращения: 11.03.2025).

⁸⁷ Там же. П. 82.

⁸⁸ Там же. П. 103.

⁸⁹ Там же. П. 105.

⁹⁰ Там же. П. 164.

⁹¹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/54/12. П. 1, 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/285876> (дата обращения: 11.03.2025).

⁹² Там же. П. 3.

⁹³ Там же. П. 7.

⁹⁴ Там же. П. 44.

⁹⁵ Там же. П. 57, 58.

⁹⁶ Там же. П. 62.

по работе с донорами на межучрежденческой основе. АБР принимал активное участие в реализации инициатив по развитию на континенте⁹⁷.

В мае 1998 г. в Кампале состоялось совещание на уровне министров стран ОАЕ по вопросам обеспечения безопасности и реабилитации районов проживания беженцев в странах убежища и районах возвращения. Как отмечено в докладе, «осуществление мер, принятых на основе выводов этого совещания, было прервано в августе 1998 г. в связи с началом войны в Демократической Республике Конго»⁹⁸. Даже подписание 28 июля 1998 г. протокола между УВКБ ООН и правительством страны не смогло дать возможность получения доступа к беженцам. Из-за эскалации конфликта гуманитарные организации были вынуждены эвакуировать весь свой персонал. Поддержанные ООН и ОАЕ инициативы САДК по прекращению огня были безрезультатными⁹⁹.

В декабре 1998 г. в Хартуме состоялось совещание на уровне министров стран ОАЕ по вопросам беженцев и внутренне перемещенных лиц, на котором были подтверждены ключевые принципы защиты и предоставления убежища. Для осуществления решений была создана целевая группа, состоящая из представителей ОАЕ и УВКБ ООН¹⁰⁰.

В 1998 г. УВКБ ООН и ВПП было подписано соглашение о координации материально-технической помощи с МККК в отношении Сенегала и Гвинеи-Бисау¹⁰¹.

В вышеупомянутом докладе Верховного комиссара также рассмотрен доклад Генерального секретаря ООН «Причины конфликтов и содействие прочному миру и устойчивому развитию в Африке»¹⁰². Были выделены следующие упомянутые в нем пункты: эффективное управление, последствия добровольного возвращения беженцев для развития, необходимость более строгого соблюдения норм гуманитарного права и права беженцев, «набор альтернатив» по рассмотрению проблем беженцев в местах их размещения, пробел в вопросах реинтеграции¹⁰³.

Рассмотрение африканского направления в докладе на 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН началось с признания факта, что в Африке происходили сравнительно небольшие, но серьезные гуманитарные катастрофы. При этом отмечено, что африканские государства «продолжали соблюдать

свои гуманитарные обязательства в отношении беженцев и активно предлагали защиту тем, кто в ней нуждался»¹⁰⁴. С учетом региональных тенденций на континенте Верховный комиссар проинформировала об изменениях в структуре УВКБ ООН в Африке и о создании трех региональных представительств в Претории, Аддис-Абебе и Абиджане¹⁰⁵.

Структура доклада Верховного комиссара поменялась, что может быть вызвано детальным отражением в нем мероприятий УВКБ ООН и фрагментарным рассмотрением взаимодействия управления с другими структурами. При этом данные доклада свидетельствуют об активном сотрудничестве УВКБ ООН с другими агентствами на глобальном и локальном уровнях (в различных частях света, за исключением Африки).

Среди мероприятий по взаимодействию управления и ОАЕ указано специальное совещание, состоявшееся в марте 2000 г. в Конакри. Мероприятие было посвящено 30-летию юбилею Конвенции по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке¹⁰⁶.

Кроме того, можно выделить мероприятие Брукингского института. Как отмечено в докладе, «поиск долгосрочных решений в постконфликтном обществе зачастую осложняется из-за отсутствия институциональной структуры и финансовых средств»¹⁰⁷. С этой целью УВКБ ООН активно взаимодействовало со структурами ООН, международными организациями по развитию и финансовыми учреждениями. Брукингский институт в начале 1999 г. организовал круглый стол «Разрыв между гуманитарной помощью и поддержкой в целях долгосрочного развития» при участии УВКБ ООН и Всемирного банка. Мероприятие стало началом брукингского процесса. Следующий круглый стол прошел в июле 1999 г. в Париже. На нем был создан брукингский секретариат в составе ПРООН, УВКБ ООН и Всемирного банка и были определены пилотные инициативы в районе Великих озер и Западной Африке, внимание которых уделялось в основном Бурунди и Сьерра-Леоне. Из-за проблем с безопасностью в Бурунди в начале февраля 2000 г. объединенная миссия высокого уровня посетила Западную Африку. Представителями миссии были выделены следующие плохо развитые сферы: наличие политической воли, реинтеграция,

⁹⁷ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/54/12. П. 67–69 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/285876> (дата обращения: 11.03.2025).

⁹⁸ Там же. П. 99.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. П. 98.

¹⁰¹ Там же. П. 166.

¹⁰² Причины конфликтов и содействие обеспечению прочного мира и устойчивого развития в Африке [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/252624> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁰³ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/54/12. П. 175 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/285876> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁰⁴ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/55/12. П. 4, 14 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/425305> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁰⁵ Там же. П. 27.

¹⁰⁶ Там же. П. 25.

¹⁰⁷ Там же. П. 113.

связь и управление, субрегиональные аспекты и ресурсы, партнерские отношения¹⁰⁸.

Завершающему десятилетие доклада Верховного комиссара предшествовало знаменательное событие: резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН день 20 июня был провозглашен Всемирным днем беженцев. В резолюции сказано, что он ежегодно отмечался как Международный день африканских беженцев. Решение об изменении статуса этого дня было принято по согласованию с ОАЕ¹⁰⁹. Можно считать, что данная дата стала датой выражения солидарности с африканскими беженцами.

Обратим внимание на то, что в 2000 г. Верховным комиссаром были инициированы Глобальные консультации, проведение которых дало результаты в следующем десятилетии¹¹⁰ [5, р. 14].

В сотрудничестве УВКБ ООН и ПРООН содействовали реализации инициативы ИГАД по предупреждению, разрешению и урегулированию конфликтов в Эфиопии, а также по проведению в Сомали и Судане мероприятий в гуманитарной сфере, в том числе по решению проблемы беженцев и их добровольной репатриации¹¹¹.

Продолжались консультации управления с ОАЕ по основным причинам перемещения беженцев, их защите и оказанию помощи районам, затрагиваемым присутствием беженцев. По итогам консультаций были приняты новые нормативные правила и правила процедуры. ОАЕ и УВКБ ООН стали рассматривать вопрос об обеспечении их выполнения в целях гармоничного осуществления гуманитарных программ и мероприятий для беженцев¹¹².

В Конго в 2000 г. наблюдались позитивные изменения, обусловленные созданием Комитета по примирению. УВКБ ООН помогало в репатриации в страну. Страновая команда ООН подготовила на 2001–2002 гг. план по переходу от оказания чрезвычайной помощи к развитию¹¹³.

Вместе с правительствами-донорами, агентствами ООН и другими партнерами УВКБ ООН разработало планы реагирования в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в странах убежища и план последующей репатриации беженцев с территории Замбии. В планах предусматривалось участие различных структур системы ООН в этих процессах, например миссии ООН в Демократической Республике

Конго в содействии решению вопросов безопасности, агентств развития в организации процессов реинтеграции после завершения репатриации¹¹⁴.

Вызывает интерес сотрудничество УВКБ ООН с САДК в 2000 г., когда управление привлекло внимание южноафриканской структуры к необходимости включения гуманитарных проблем в процесс установления мира в Демократической Республике Конго. В результате САДК был принят гуманитарный протокол. В документе отмечалась необходимость «включить вопросы удовлетворения потребностей внутренне перемещенных лиц, беженцев, возвращающихся беженцев и других жертв, оказавшихся в зонах конфликта, а также реализации возможностей добровольной репатриации в повестку дня мирного процесса»¹¹⁵.

В Сьерра-Леоне в 2000 г. УВКБ ООН, ПРООН и Всемирный банк пытались помочь реинтеграции беженцев, при этом успехи были достаточно скромными ввиду небезопасности проведения мероприятий. Однако Верховный комиссар отметила важность полученного опыта¹¹⁶. Продолжалась работа управления с АБР в целях содействия участию лиц, находящихся в ведении УВКБ ООН, в реализации финансируемых банком проектов¹¹⁷.

Помимо межучрежденческого взаимодействия УВКБ ООН, следует выделить сотрудничество управления с национально-освободительными движениями, которые пользовались поддержкой как ООН, так и ОАЕ. Программы УВКБ ООН осуществлялись Народной организацией Юго-Западной Африки (далее – СВАПО), Африканским национальным конгрессом (АНК) и Панафриканским конгрессом Азании (далее – ПАК). В 1990 г. СВАПО одержала победу на выборах в Намибии, сформировав правительство страны. После политических изменений в Южноафриканской Республике в начале 1990 г. УВКБ ООН, АНК и ПАК начали обсуждать добровольную репатриацию южноафриканских беженцев. 4 сентября 1991 г. было подписано соглашение об организованной добровольной репатриации южноафриканских беженцев и эмигрантов, 13 декабря 1991 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция о международных усилиях по помощи Южной Африке, в результате чего УВКБ ООН оказало необходимое содействие реализации программы репатриации. Верховный комиссар

¹⁰⁸ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/54/12. П. 8, 66 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/285876> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/55/12. П. 114, 117 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/425305> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁰⁹ Пятидесятая годовщина создания Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев и Всемирный день беженцев : док. ООН А/RES/55/76 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/428904> (дата обращения: 11.03.2025).

¹¹⁰ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/56/12. П. 19–21 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/449571> (дата обращения: 11.03.2025).

¹¹¹ Там же. П. 33.

¹¹² Там же. П. 34.

¹¹³ Там же. П. 41.

¹¹⁴ Там же. П. 47.

¹¹⁵ Там же. П. 48.

¹¹⁶ Там же. П. 110.

¹¹⁷ Там же. П. 111.

обратила внимание на то, что «вместе с тем ввиду необходимости достижения реинтеграции репатриантов и других обездоленных слоев южноафриканского общества международному сообществу следует расширить на согласованной основе масштабы помощи, предоставляемой внутри Южной Африки, в особенности в таких областях, как обеспечение жильем, здравоохранение, образование, занятость и социальное обеспечение»¹¹⁸. Отметим, что в следующих докладах сотрудничество агентства и национально-освободительных движений не упоминалось.

Отдельный блок исследования составляет взаимодействие УВКБ ООН с НПО по решению вопросов вынужденной миграции в Африке. В начале 1993 г. УВКБ ООН и Международный совет добровольных учреждений приступили к реализации проекта для сотрудничества с НПО, который получил название «Партнерство в действии» (далее – ПАРИНАК). Его целью стало расширение сотрудничества между УВКБ ООН и различными НПО в осуществлении защиты беженцев и проведении региональных консультаций. Состоялись несколько региональных конференций инициативы, в том числе конференции в Тунисе (18–20 января 1994 г.) и Аддис-Абебе (21–23 марта 1994 г.)¹¹⁹. В июне 1994 г. на глобальной конференции в Осло была принята декларация и был разработан план действий. На первом региональном совещании ПАРИНАК, которое прошло в Йоханнесбурге 20 января 1995 г., собрались представители УВКБ ООН и координационных центров НПО из южноафриканских стран. В ходе проведения совещания стороны обсудили реализацию предложений ПАРИНАК, выявили важные для региона инициативы, обменялись информацией о достигаемых успехах и возникающих трудностях, а также разработали задачи для дальнейшей работы в 1995–1996 гг. Необходимо отметить, что в сентябре и ноябре 1994 г. и в марте 1995 г. процесс ПАРИНАК способствовал проведению трех информационных сессий с НПО по вопросу чрезвычайного положения в Руанде¹²⁰.

В марте 1996 г. в Кот-д’Ивуаре состоялось совещание ПАРИНАК, на котором рассматривалась ситуация в Западной Африке, где встретились координаторы УВКБ ООН и НПО региона. На встрече

были обозначены трудности с регулярным обменом информацией и последующими контактами между странами, вопросы репатриации и реинтеграции (реабилитации)¹²¹.

В докладе Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН не упоминается сотрудничество с Африкой в контексте ПАРИНАК. При этом говорится о начале обзора прогресса в рамках инициативы для понимания не решенных на местном уровне задач. Кроме того, отмечается, что за 1996 г. управление заключило с НПО 128 стран 974 подсоглашения по оказанию помощи лицам, находящимся в ведении УВКБ ООН. В соответствии с этими документами 321 национальная НПО осуществила 606 проектов, 121 неправительственная НПО – 368 проектов, при этом 6370 сотрудников НПО во всем мире прошли учебные курсы по вопросам защиты беженцев и праву беженцев¹²².

Управление продолжало содействовать процессу ПАРИНАК в 1997 г. путем проведения брифингов, совещаний и консультаций по различным аспектам помощи беженцам. В Иордании состоялось региональное совещание, на котором рассматривалась ситуация в Северной Африке¹²³. Содействие процессу ПАРИНАК со стороны УВКБ ООН продолжилось и в 1998 г., когда в Гане и Эфиопии состоялись совещания, на которых были разработаны региональные рекомендации УВКБ ООН и НПО по реализации совместных мероприятий¹²⁴.

В конце 1999 г. был завершен обзор ПАРИНАК и декларации, принятой на конференции в Осло. В 2000 г. совещания в рамках ПАРИНАК состоялись в Танзании и Тунисе. Как отмечено в докладе Верховного комиссара, «участники процесса “наведения мостов” в целях обеспечения защиты беженцев и ПАРИНАК встретились в рамках четырехдневной конференции работников УВКБ ООН и НПО из стран Северной Африки, Ближнего Востока и стран Залива»¹²⁵. Доклады также свидетельствуют о том, что УВКБ ООН ежегодно проводило курсы по подготовке для сотрудников НПО, занятых вопросами помощи беженцам.

Процесс ПАРИНАК в Африке требует дополнительного изучения ввиду того, что в докладах

¹¹⁸ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/47/12. П. 182 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/242341> (дата обращения: 11.03.2025).

¹¹⁹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/49/12. П. 202–203 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/163181> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²⁰ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/50/12. П. 211–212, 215 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/200053> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²¹ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/51/12. П. 218 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/222766> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²² Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/52/12. П. 219, 221 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/243667> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²³ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/53/12. П. 169–170 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/260968> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²⁴ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/54/12. П. 179 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/285876> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²⁵ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/55/12. П. 142 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/425305> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН А/56/12. П. 131 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/449571> (дата обращения: 11.03.2025).

Верховного комиссара он отражается фрагментарно и не дает полной картины всего влияния на континент. При этом отметим его влияние на установление и укрепление диалога УВКБ ООН и НПО, а также на налаживание более системного подхода как в сотрудничестве НПО между собой, так и в их сотрудничестве с УВКБ ООН.

Помимо процесса ПАРИНАК, в докладах выделяется взаимодействие управления с международной НПО «Спасем детей» по вопросам защиты детей. Так, в рамках этого взаимодействия изучались потребности детей беженцев на ранних этапах появления новых потоков беженцев, в 1993 г. такая работа проходила в Либерии, Руанде, Танзании и Уганде. В 1995 г. УВКБ ООН заключило соглашение с австралийской НПО «Red R», в соответствии с которым в рамках данной программы, финансируемой правительством Австралии, в Танзанию, Уганду и Заир были направлены инженеры-строители¹²⁶.

В завершение анализа отметим еще одно долгосрочное решение – переселение. В текстах докладов Верховного комиссара не фиксируется участие международных структур и НПО (за исключением УВКБ ООН) в вопросах переселения из Африки, при этом нельзя обойти вниманием тот факт, что в 1995 г. была создана рабочая группа по переселению в составе представителей правительств, УВКБ ООН, МОМ и проводились ежегодные трехсторонние консультации по вопросам переселения, которые упомянуты еще в нескольких документах¹²⁷.

Таким образом, в сотрудничестве по решению проблемы вынужденной миграции в Африке в 1990-х гг. выделяются межучрежденческое взаимодействие в рамках ООН, сотрудничество с международными организациями, африканскими региональными организациями и НПО. Важным компонентом взаимодействия УВКБ ООН и ОАЕ, помимо практических вопросов помощи, следует назвать нормативно-правовую

разработку механизмов помощи вынужденным мигрантам как на региональном, так и на страновом уровне. Также можно отметить активное развитие взаимодействия управления с такими региональными организациями Африки, как САДК и ЭКОВАС. При оценке взаимодействия УВКБ ООН с НПО вызывает интерес процесс ПАРИНАК. К сожалению, текст проанализированных докладов Верховного комиссара не позволил оценить его эффективность для Африки.

Если посмотреть на межорганизационное взаимодействие в другой плоскости, то можно увидеть, что оно фокусировалось на долговременных решениях УВКБ ООН. В начале рассматриваемого периода основное внимание такого сотрудничества было сосредоточено на оказании чрезвычайной помощи, но с течением времени его вектор сместился к вопросам репатриации, реинтеграции и развития территорий, на которые возвращаются беженцы, и территорий, с которых возвращались вынужденные мигранты. При этом следует выделить ПРООН, которая, по данным докладов, принимала активное участие в оказании помощи вынужденным мигрантам в Африке в рамках своего мандата. Другие агентства системы ООН, международные и региональные организации, а также НПО принимали участие в оказании помощи в соответствии со своими функциями. Доклады Верховного комиссара не дают возможности в полной мере оценить как процессы, так и результаты такого взаимодействия. Но даже имеющаяся информация свидетельствует о наличии серьезных возможностей для решения проблемы вынужденной миграции на Африканском континенте в рамках межорганизационного сотрудничества. При этом у международного сообщества должна присутствовать политическая воля, направленная как на окончание продолжающихся конфликтов, так и на предотвращение потенциальных столкновений, что, безусловно, актуально для Африки.

Библиографические ссылки

1. Rwamatwara E. Forced migration in Africa: a challenge to development. *Stichproben – Vienna Journal of African Studies*. 2005;8:173–191.
2. Иванов ДВ. Международное сотрудничество государств в области защиты прав лиц, перемещенных внутри страны. *Московский журнал международного права*. 2011;1:15–30. DOI: 10.24833/0869-0049-2011-1-15-30.
3. Crisp J. *No solutions in sight: the problem of protracted refugee situations in Africa* [Internet; cited 2025 April 30]. Available from: <https://www.unhcr.org/media/no-solutions-sight-problem-protracted-refugee-situations-africa-jeff-crisp>.
4. Crisp J. Africa's refugees: patterns, problems and policy challenges. *Journal of Contemporary African Studies*. 2000;18(2): 158–178. DOI: 10.1080/02589000050080986.
5. Selivanov AV. UN initiatives to address forced migration in Africa in the early 21st century. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2025;1:13–19. EDN: QGJQGZ.

Получена 02.03.2025 / исправлена 13.07.2025 / принята 13.07.2025.
Received 02.03.2025 / revised 13.07.2025 / accepted 13.07.2025.

¹²⁶ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/49/12. П. 78 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/163181> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/51/12. П. 37 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/222766> (дата обращения: 11.03.2025).

¹²⁷ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/52/12. П. 53 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/243667> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/53/12. П. 50 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/260968> (дата обращения: 11.03.2025) ; Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/54/12. П. 49 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/285876> (дата обращения: 11.03.2025).

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 37.014(430)(091):930(410.1+73)

ПЕРЕОБУЧЕНИЕ НЕМЦЕВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: АНАЛИЗ ВОПРОСА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. И. КОВЯКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определены роль и место вопроса переобучения немцев после Второй мировой войны в англо-американской историографии. Проанализированы предпосылки возникновения исследовательского интереса к вопросу переобучения немцев со стороны англо-американского научного сообщества. Рассмотрены основные подходы авторов к изучению реформы образования, проведенной державами-победительницами в оккупированной Германии. Установлена зависимость между изменениями в научном дискурсе и конкретно-историческими событиями второй половины XX – XXI в. Определена взаимосвязь проблематики с исследованиями образовательных реформ в Федеративной Республике Германия, Германской Демократической Республике и объединенной Германии. Выявлены причины эволюции авторских оценок в конце XX – начале XXI в. Сделан вывод о том, что программа переобучения немцев, реализованная державами-победительницами после Второй мировой войны, традиционно занимала важное место в историографии, ее результаты рассматривались как основа формирования Германии нового типа.

Ключевые слова: германский вопрос; англо-американская историография; переобучение немцев; реформа образования; новое политическое сознание.

Образец цитирования:

Ковяко ИИ. Переобучение немцев после Второй мировой войны: анализ вопроса в англо-американской историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:90–99.
EDN: NDZCVU

For citation:

Kaviaka II. Re-education of Germans after World War II: issue analysis in Anglo-American historiography. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:90–99. Russian.
EDN: NDZCVU

Автор:

Ирина Ивановна Ковяко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений.

Author:

Iryna I. Kaviaka, PhD (history), docent; associate professor at the department of international relations, faculty of international relations.
klq2034@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5438-8202>

ПЕРНАВУЧАННЕ НЕМЦАЎ ПАСЛЯ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ: АНАЛІЗ ПЫТАННЯ Ў АНГЛА-АМЕРЫКАНСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

І. І. КАВЯКА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. Вызначаны роля і месца пытання перанавучання немцаў пасля Другой сусветнай вайны ў англа-амерыканскай гістарыяграфіі. Прааналізаваны перадумовы ўзнікнення даследчай цікавасці да пытання перанавучання немцаў з боку англа-амерыканскай навуковай суполкі. Разгледжаны асноўныя падыходы аўтараў да вывучэння рэформы адукацыі, праведзенай дзяржавамі-пераможніцамі ў акупаванай Германіі. Устаноўлена залежнасць паміж зменамі ў навуковым дыскурсе і канкрэтна-гістарычнымі падзеямі другой паловы XX – XXI ст. Вызначана ўзаемасувязь праблематыкі з даследаваннямі адукацыйных рэформ у Федэратыўнай Рэспубліцы Германія, Германскай Дэмакратычнай Рэспубліцы і аб'яднанай Германіі. Выяўлены прычыны эвалюцыі аўтарскіх адзнак у канцы XX – пачатку XXI ст. Зроблена выснова аб тым, што праграма перанавучання немцаў, рэалізаваная дзяржавамі-пераможніцамі пасля Другой сусветнай вайны, традыцыйна займала важнае месца ў гістарыяграфіі, яе вынікі разглядаліся як аснова фарміравання Германіі новага тыпу.

Ключавыя словы: германскае пытанне; англа-амерыканская гістарыяграфія; перанавучанне немцаў; рэформа адукацыі; новая палітычная свядомасць.

RE-EDUCATION OF GERMANS AFTER WORLD WAR II: ISSUE ANALYSIS IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY

І. І. KAVIAKA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The role and place of the issue of re-education of Germans after World War II in Anglo-American historiography are determined. The prerequisites for the emergence of research interest in the issue of re-education of Germans on the part of the Anglo-American scientific community are analysed. The main approaches of the authors to the study of the educational reform carried out by the victorious powers in occupied Germany are considered. The relationship between the problematic and studies of educational reforms in the Federal Republic of Germany, the German Democratic Republic and the united Germany is established. The reasons for the evolution of author's assessments in the late 20th – early 21st century are revealed. It is concluded that the programme of re-education of Germans implemented by the victorious powers after World War II traditionally occupied an important place in historiography, its results were considered as the basis for the formation of a new type of Germany.

Keywords: German question; Anglo-American historiography; re-education of Germans; educational reform; new political mind.

Немецкая молодежь сегодняшнего
и завтрашнего дня создаст новую Германию.
Д. Кейм

Введение

Актуальным направлением германских исторических исследований в послевоенные годы стало изучение реформы образования в Германии и вопроса переобучения немцев. Под переобучением немцев в англо-американской историографии принято понимать комплекс мероприятий послевоенных лет, проведенных оккупационными державами, а впоследствии правительствами Федеративной Республики

Германия и Германской Демократической Республики в целях формирования нового типа политического сознания, свободного от нацистского и имперского прошлого. В широком смысле переобучение охватывало не только сферу образования, но и общественно-политическую жизнь немцев в целом. Несмотря на то что главное внимание уделялось молодому поколению, программы переобучения также

затрагивали зрелых немцев, в первую очередь занятых в сферах образования, воспитания и молодежной политики. Активная фаза мероприятий в британской и американской зонах охватила период с сентября 1945 по апрель 1948 г., проходила в рамках комплексной денацификации Германии и должна была способствовать формированию у немцев общих ценностей и их осознанному переходу на сторону США в холодной войне. Переобучение немцев становилось насущной политической задачей западных союзников, что способствовало поддержанию устойчивого интереса к проблематике со стороны академического сообщества. Вместе с тем в последнее десятилетие в ФРГ (особенно на восточных землях) наблюдался отчетливый рост правых настроений. В 2013 г. была создана правопопулистская партия «Альтернатива для Германии», в 2014 г. в Дрездене появилось ультраправое антиисламское движение «Пегида». О популярности правых идей среди населения свидетельствовал тот факт, что в 2017 г. представители партии «Альтернатива для Германии» прошли в Бундестаг, а осенью 2024 г. они добились сенсационных успехов на местных выборах в Тюрингии и Саксонии. Все вышеперечисленное способствует сохранению актуальности и востребованности исследований послевоенного переобучения немцев как в англо-американской, так и в отечественной историографии.

В англо-американской историографии данный вопрос косвенно затрагивался отдельными авторами в рамках подготовки диссертационных и монографических исследований по исторической и политиче-

ской германистике. Как правило, он находил отражение в кратком историографическом обзоре, который предшествовал основной части работы. Примерами могут служить публикации Дж. Бруен, П. Л. Стокса, Р. С. Шариф, Д. Г. Филлипса [1–4]. Вместе с тем в зарубежной и отечественной историографии специальные исследования по заявленной проблематике не проводились. Отдельные аспекты темы были затронуты в публикациях И. И. Ковяко [5; 6]. Источниковую базу исследования составили тематические работы британских и американских авторов, опубликованные во второй половине 1940-х гг. – начале XXI в. (статьи в научных журналах и периодических изданиях исследовательских центров, монографии, диссертационные исследования на соискание ученой степени магистра, кандидата или доктора наук).

Целью статьи является определение роли и места вопроса переобучения немцев в послевоенный период в англо-американской историографии. Достижение цели предполагает решение следующих исследовательских задач: 1) установление предпосылок возникновения научного интереса авторов из Великобритании и США к проблеме переобучения немцев; 2) определение основных тенденций изучения проблемы в англо-американской историографии с учетом конкретно-исторических событий второй половины XX в.; 3) выявление взаимосвязи проблематики с последующим исследованием трансформации образовательных и научных структур Восточной Германии после объединения страны; 4) анализ причин эволюции авторских оценок на рубеже XX–XXI вв.

Методология исследования

При подготовке статьи мы исходили из принципов историзма и объективности, а также использовали ценностный подход. Принцип историзма позволил рассмотреть эволюцию изучения заявленной проблематики в работах британских и американских авторов с учетом изменения конкретно-исторической ситуации и приоритетов внешней политики Лондона и Вашингтона. Применение богатой источниковой базы и разнообразных общенаучных и специальных исторических методов исследования способствовало достижению поставленной цели и получению достоверных результатов. Использование ценностного подхода позволило определить значение и место программы переобучения немцев в послевоенной политике союзников в отношении Германии.

Немаловажное значение имело применение системного и геополитического подходов. Системный подход позволил рассмотреть вопрос переобучения в совокупности с другими элементами комплексной германской проблемы послевоенного времени, которые изучались в англо-американской историографии. Геополитический подход способствовал учету внешнеполитических целей и задач великих держав

при анализе их германской политики и ее интерпретации академическим сообществом.

Среди общенаучных методов необходимо отметить анализ и синтез, индукцию и дедукцию, аналогию, а также логический метод. Наиболее востребованными оказались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический специальные исторические методы. Историко-генетический метод позволил установить предпосылки эволюции методологических подходов к изучению заявленной темы в англо-американской историографии. Определение трех поколений историков-германистов в англо-американской историографии послевоенных лет стало возможным благодаря применению историко-типологического метода. Использование историко-сравнительного метода содействовало выявлению общих характерных черт исследований первого, второго и третьего поколений авторов. Ретроспективный анализ оказался незаменимым при проведении аналогий между изучением реформы научной и образовательной систем в объединенной Германии в англо-американской историографии и послевоенными мероприятиями союзников.

Результаты и их обсуждение

Первое поколение германистов и особенно-сти исследования переобучения немцев (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.). Во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. происходило становление исторической германистики послевоенного периода, которое следует соотносить с первым поколением авторов. В данный период многие ученые испытывали, с одной стороны, давление личного жизненного опыта (они были свидетелями и (или) участниками Второй мировой войны), с другой стороны, влияние антигерманских настроений в обществе. Первое поколение историков-германистов работало в условиях ограниченной источниковой базы и малочисленных профильных центров исследований. Исключением являлся Центр германских исследований Лондонского университета, созданный в 1828 г. Изучение германского вопроса осуществлялось главным образом на базе университетов (Принстонский, Йельский, Колумбийский и Чикагский университеты), а также институтов и центров более широкого профиля (Совет по международным отношениям, Королевский институт международных отношений).

В качестве первоисточников историки-германисты использовали материалы текущих архивов военных администраций Великобритании и США, Союзного контрольного совета, публикации периодической печати, Национальной ассоциации образования США, тексты выступлений и интервью политических и военных деятелей. Источники восточногерманского и советского происхождения оставались малодоступными широкому кругу западных исследователей.

В академической среде ощущалось влияние холодной войны, в рамках которой роль главного оппонента Великобритании и США переходила от Германии к СССР. В условиях высокого уровня прагматизма англосаксонской научной традиции и ориентации на практические исследования авторы при формулировке выводов и итоговых рекомендаций учитывали международный фактор. Ведущее место в формировании научного дискурса заняли представители школы «сдерживания», которые рассматривали германскую политику Запада как часть мероприятий по сдерживанию коммунизма.

В политических и академических кругах стран Запада изначально не было единодушия в вопросе переобучения немцев. Глава Казначейства США Генри Моргентхау считал возможным реализовать программу масштабного переобучения, хотя и называл ее перспективы сомнительными. По его мнению, история не содержит примеров, когда один цивилизованный народ позволил бы другому привить ему иной образ жизни и мышления. В своей книге «Гер-

мания – это наша проблема» он отмечал, что в оккупированной стране недостаточно учителей, чтобы укомплектовать школы благонадежными кадрами, поскольку «искренние немцы-демократы или в эмиграции, или в могиле»¹ [7, р. 153]. При этом Генри Моргентхау не поддерживал идею отправки в Германию американских учителей, отмечая, что «эксперимент по привитию немцам любви к демократии» является сомнительным [7, р. 153]. Его однофамилец, профессор Чикагского университета Ганс Моргентхау, был настроен немногим более оптимистично, заявляя, что задача американцев – «морально реформировать тех немцев, которые могут быть реформированы» [8, р. 78]. Другие авторы ссылались на «авторитарные инстинкты» немцев [9, р. 296], «больную психику» всей нации [10, р. 228] и приводили неутешительные данные опросов, согласно которым лишь 6 % немцев испытывали сострадание по отношению к жертвам войны, поскольку сами воспринимали себя как жертв обстоятельств [11, р. 4].

В конце 1940-х гг. стали появляться первые комплексные работы, посвященные вопросу переобучения немцев. В диссертационном исследовании М. Герак (Аризонский университет) анализировались исторические предпосылки недемократического немецкого мышления, неблагоприятные условия формирования демократических институтов в Германии с учетом географических, экономических, политических и социальных факторов. Переобучение немцев рассматривалось как нелегкая задача, вместе с тем подчеркивалось, что создание новой образовательной системы способно внести большой вклад в восстановление и поддержание мира как в Германии, так и во всем регионе [12, р. 3–26]. В качестве наиболее актуальных проблем образовательной системы автор отмечала дефицит новой учебной литературы и недостаток квалифицированных кадров (учителя массово теряли работу в американской зоне из-за членства в Национал-социалистической немецкой рабочей партии (далее – НСДАП) в прошлом). Решение этих задач требовало больших финансовых средств и могло помочь сформировать новое мировоззрение у подрастающего поколения [12, р. 99–103].

В 1950-х гг. среди исследователей стало популярным предположение о том, что демократические идеи могут быть привиты только через новые институты, включая систему образования. Профессор Чикагского университета Дж. Д. Монтгомери отмечал, что привитие демократии через обучение представляло весьма интересную попытку западных союзников осуществить «искусственную революцию» в Германии [13, р. 2]. В англо-американской историографии появлялись исследования, посвященные сравнению образовательных реформ

¹Здесь и далее перевод наш. – И. К.

в советской и западных зонах Германии. Д. Кейт из Орегонского университета проанализировал различные подходы СССР и стран Запада к обучению и воспитанию подрастающего поколения немцев и обнаружил немало отличий. По мнению автора, советская программа работы с молодежью имела более комплексный и целенаправленный характер, что позволило оперативно включить подрастающее поколение в новообразованные общественные и политические институты. Западные союзники долгое время не могли определить приоритетные направления работы и скоординировать свои действия, что привело к замедлению образовательной реформы и разработке большого числа отдельных программ, часто не связанных между собой [14, р. 2–3].

Особое внимание авторов привлекали вопросы преподавания гуманитарных дисциплин. Д. Фридланд из Бостонского университета отметил важность глубокой реформы школьного образования в Германии, главными компонентами которой должны стать открытость и всеобщий характер образования, пересмотр содержания программ и учебных материалов с акцентом на вопросы поддержания мира и безопасности. В учебниках по гуманитарным наукам, в первую очередь по истории, рекомендовалось избегать прежнего восхваления военных и политических деятелей. Автор выражал уверенность в том, что новая система образования позволила изменить отношение немцев к оккупационным властям и содействовала становлению нового политического мышления [15, р. 35–36]. Однако в целом оценки достигнутых результатов оставались весьма сдержанными. Исследователей особенно настораживал тот факт, что спустя десятилетие после войны немцы часто использовали в отношении ГДР термин «Срединная Германия», подразумевая под Восточной Германией земли, включенные в состав Польши и СССР [16, р. 181]. В 1956 г. британский автор П. Неттл отмечал: «Удивительным является не то, как сильно Германия изменилась, а как незначительно она изменилась, несмотря на свое совершенно новое лицо» [17, р. 175]. В этом отношении школу «сдерживания» в области германских исследований можно назвать школой «двойного сдерживания» (как СССР, так и ФРГ).

Второе поколение германистов и новые явления в историографии переобучения немцев (вторая половина 1960-х – конец 1980-х гг.). Во второй половине 1960-х гг. в Великобритании и США произошла постепенная смена поколений историков-германистов. Новая плеяда авторов не имела непосредственного опыта переживания Второй мировой войны, не тяготилась личной неприязнью к немцам. Молодые исследователи вдохновлялись духом международной разрядки и новой восточной политики. Появление новой социальной истории благоприятствовало проведению узкоспециаль-

ных исследований в области переобучения немцев и его последствий. В историографии наблюдалось окончание периода послевоенного консенсуса, расхождение консервативной и либеральной традиций. Консерваторы продолжали работать в рамках школы «сдерживания», в то время как либералы следовали рационалистической традиции, которая призывала при проведении внешнеполитического анализа учитывать интересы всех сторон, включая СССР и ФРГ. Влияние новых левых и неомарксистов на научный дискурс привело к усилению критики в адрес послевоенной политики Великобритании и США, включая программу переобучения немцев. Одновременно участились случаи положительной оценки советской политики в отношении Германии.

Второе поколение германистов опиралось на историографическую базу предшественников и стремительно расширяло круг первоисточников. Во второй половине 1960-х – конце 1980-х гг. авторы стали активнее привлекать источники советского и немецкого происхождения (пресса, публикации в периодических изданиях, материалы съездов партий, корреспонденция министерств иностранных дел). Использовались различные эго-документы – работы мемуарного и автобиографического профиля, изданные государственными, военными деятелями, дипломатическими, в том числе советскими, работниками. Анализировались учебные пособия и материалы, подготовленные для немецких школьников и студентов в послевоенный период.

Развитию германских исследований способствовала институционализация исследований (открытие Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне, Американского института современных германских исследований на базе Университета Джона Хопкинса, возникновение Ассоциации германских исследований в США и Германского исторического общества в Великобритании). В данный период был также начат выпуск таких профильных научных журналов, как издания «Германские исследования», «Германская история», «Вестник» (Германские исторические институты).

В 1960-х гг. вопрос переобучения немцев в связи с ростом молодежных выступлений, кульминацией которых стал 1968 г., вновь приобрел актуальность. Профессор Колумбийского университета Л. Эдинггер обращал внимание на наличие у немцев романтической и прагматической политических традиций. Первая традиция характеризовалась ожиданием и последующей героизацией мистического лидера, в то время как вторая традиция предусматривала формализацию и деперсонализацию политических отношений, методичность, трудолюбие и следование законам. По мнению автора, после войны немцы сменили роль с романтических героев на прагматичных и трудолюбивых граждан [18, р. 57–61]. Однако гипотеза Л. Эдингера не исключала возвращения

немцев к романтической традиции. Существовало предположение о том, что молодежные выступления конца 1960-х гг. стали свидетельством провала денацификации образовательной системы, в частности университетов. Молодежь по-прежнему оставалась в неведении относительно истории Третьего рейха, критические исследования данного периода почти не проводились. Преподаватели, которые приняли и пропагандировали доктрину национал-социализма в 1930-х гг., оказались не в состоянии объективно оценить свое поражение, но при этом они смогли вернуться к профессии [19, p. 168]. Несмотря на критические оценки отдельных авторов, большинство ученых выражали солидарность с авторитетным исследователем программы денацификации в Германии К. Фитцгиббоном. Он полагал, что процесс обучения и воспитания немецких граждан должен занять многие годы, поэтому не следует слишком строго судить о его промежуточных результатах [20, p. 68].

С началом международной разрядки и нормализацией отношений между ФРГ и ГДР в англо-американской историографии стали появляться работы, посвященные сравнению образовательных систем двух немецких государств [21]. Особое удовлетворение политического руководства Великобритании и США вызвало признание ФРГ восточной границы Германии, что позволило на время забыть о немецком реваншизме. Авторы отмечали сильное влияние учреждений образования на формирование общественного мнения западных немцев по вопросам признания ГДР и германо-польской границы. К положительным результатам переобучения была отнесена активная поддержка «примирительного» курса В. Брандта, которую оказала в первую очередь немецкая молодежь [3, p. 340, 345].

В 1978 г. в Лондоне была опубликована коллективная монография, посвященная реконструкции системы образования Германии после Второй мировой войны. Основными направлениями реформы исследователи считали изменение школьной системы образования, уставов университетов и подготовку новых учебников [22, p. 55]. Особое внимание союзников уделялось уязвимым предметам: истории, географии, биологии. Предстояло не только подготовить новые учебники, но и внедрить новые методы преподавания дисциплин. Важным компонентом переобучения самих учителей были названы еженедельные часы политической грамотности, посещение которых было обязательным. В послевоенные годы появились строгие моральные критерии отбора работников в педагогические колледжи, которые в срочном порядке по двухлетней программе готовили учителей начальных классов. Оказалось, что к 1945 г. 25 % членов НСДАП, занятых в бюджетной сфере, составляли учителя начальных классов [23, p. 131]. Авторы отмечали, что перед союзниками стояли следующие важные задачи: укомплектовать

штат учреждений образования педагогами, которые разделяют новые ценности, а также привить эти ценности подрастающему поколению немцев, в руках которого окажется будущее Германии и других стран Европы. В целом в коллективной монографии преобладали положительные оценки достигнутых результатов переобучения.

Однако в 1980-х гг. на фоне нового этапа холодной войны заметно чаще стала звучать критика программ переобучения. Ухудшение отношений сверхдержав, которое последовало за вводом советских войск в Афганистан, должно было привести к приостановке сотрудничества между ФРГ и социалистическими странами Европы. Однако власти ФРГ, руководствуясь как сугубо экономическими интересами, так и политической целью (достижение национального единства), выразили несогласие с санкционными мерами в отношении СССР и его союзников. Это обстоятельство привело к разногласиям ФРГ с Великобританией и США, способствовало возрождению опасений о деструктивной роли Германии в Европе. Новые веяния в международной политике нашли отражение на страницах академических публикаций. П. Л. Стокс в своем диссертационном исследовании, представленном к защите в 1981 г. в Лондонском университете, проанализировал реформу высшего образования в ФРГ, проведенную после 1945 г. Особое внимание автор уделил изучению немецкого национального характера: данному вопросу оказались посвящены две главы диссертации. Отмечалось, что университетская реформа в ФРГ «с типично тевтонской тщательностью охватывает все сферы и аспекты высшего образования» [2, p. 7]. Гегельянство рассматривалось как продукт прусского государства и воплощение немецкого национального характера, включая его стремление узаконить абсолютную власть государства и окружить само понятие власти философским ореолом [2, p. 7–9].

Данные отдельных исследователей свидетельствовали об ограниченных результатах переобучения. Примечательными выглядят результаты опросов общественного мнения, которые привел в своей работе сотрудник Королевского института международных отношений Д. Боттинг: в 1948 г. около 50 % немцев считали национал-социализм «хорошей идеей, которая была плохо реализована», и лишь 20 % опрошенных признавали, что Германия несет ответственность за развязывание мировой войны [24, p. 266]. Несмотря на наличие работ с положительными или нейтральными оценками [4; 25], многие авторы критически оценивали результаты переобучения немцев. В частности, отмечалось, что цели программы оказались невыполненными по ряду причин, таких как недостаток ресурсов, акцент на коллективной вине немцев, опора на страх перед коммунизмом, неуместное использование модели военной администрации для популяризации идей

демократии [26, р. 27]. Профессор Лондонского университета М. Фулбрук выражала уверенность в том, что денацификация и переобучение не привели к массовому возникновению убежденных демократов или коммунистов в Германии. Сам термин «переобучение» она считала спорным, отметив, что немцы были прекрасно осведомлены о принципах демократии еще в начале XX в., однако это не предотвратило приход к власти А. Гитлера [27, р. 215–222].

Большой интерес представляет исследование У. Юрочко из Виргинского университета. Автор сосредоточился на анализе изучения и преподавания истории Третьего рейха и Второй мировой войны в немецких школах. Просмотрев 22 учебника, он пришел к выводу о том, что в них основное внимание уделялось изложению фактов и событий, в то время как авторские оценки выглядели весьма ограниченными и формальными. Мало места отводилось вопросам антифашистского сопротивления, минимизировались ужасы террора, антисемитизма, а вопрос моральной ответственности немцев практически полностью игнорировался. К удивлению автора, в некоторых учебниках отсутствовало даже упоминание о Нюрнбергском процессе. В большинстве пособий не прослеживались и не объяснялись социальные и идеологические истоки появления национал-социализма и антисемитизма в Германии и других странах Европы. В итоге у читателя складывалось впечатление, что приход А. Гитлера к власти был случайностью, а преступления эпохи Третьего рейха являются преступлениями только А. Гитлера. Открытым оставался также вопрос моральной ответственности нации [28, р. 163–168].

Третье поколение германистов и дальнейшее развитие исследований переобучения немцев (начало 1990-х – 2010-е гг.). На рубеже 1980-х – 1990-х гг. формирование историографической повестки перешло к третьему поколению историков-германистов. В отличие от своих предшественников они оказались свободны от идеологического влияния холодной войны и одновременно получили доступ к богатейшему документальному наследию СССР и ГДР. Эти условия позволили ввести в научный оборот значительное количество первоисточников, осуществить объективную переоценку событий и предложить новый взгляд на проблемы прошлого. При проведении исследований широко привлекались данные социологических опросов, интервью и бесед с жителями восточных земель Германии. Авторы использовали аудио- и видеозаписи, оцифрованные документы, электронные базы данных, в библиографии впервые появились интернет-ресурсы.

При традиционном изучении вопроса в рамках политической истории школа «сдерживания» утратила свои позиции, уступив их рационалистическому и критическому направлениям. Переобучение немцев стало чаще изучаться в рамках истории повседневности, гендерной истории. Наблюдалось увеличение количества работ, посвященных пере-

обучению немцев в советской зоне оккупации и на территории ГДР. Анализ результатов переобучения оказался тесно связан с изучением немецкой национальной идентичности и места объединенной Германии в Европе. В 1990-х гг. в дополнение к уже существующим открылись новые профильные центры германских исследований на базе Джорджтаунского, Калифорнийского и Висконсинского университетов. В их финансировании принимали активное участие правительство ФРГ, Германская служба академических обменов, концерны «БМВ» и «Фольксваген».

Объединение Германии в 1990 г. привело к образованию в центре Европы государства с огромным потенциалом, численность населения которого составляла 80 млн человек. Наблюдался очередной подъем интереса к германским исследованиям, в том числе к вопросам переобучения немцев. Научный интерес подпитывался актуальными событиями, происходившими в Германии: после объединения власти ФРГ провели политические чистки не только в рядах партийной верхушки ГДР, но и в сфере образования и культуры, что привело к сравнениям с послевоенной денацификацией [29, р. 207–209]. Большинство ставок преподавателей истории, а также исследователей заняли выходцы из западных земель. Во главе всех институтов и центров, которые занимались изучением ГДР, были поставлены ученые из ФРГ. Располагая большими возможностями для привлечения средств и предложения оплачиваемых должностей, эти учреждения заняли доминирующие позиции в формировании научного дискурса [30, р. 636]. Своеобразная колонизация западногерманскими учеными исторической профессии в восточных землях свидетельствовала о том, что уроки оккупационного периода оказались отчасти усвоенными: правительство объединенной Германии сделало ставку на переобучение восточных немцев. Однако впоследствии обнаружилось, что восточные немцы, как в свое время и западные немцы, оказались восприимчивы к переобучению с определенными оговорками.

В 1990-х гг. зарубежные исследователи получили доступ к советским и восточногерманским документам, что позволило уделить больше внимания реализации программы переобучения по ту сторону «железного занавеса», сравнить ее результаты с достижениями западных союзников. Отмечалось, что реформа образования в советской зоне оккупации на начальном этапе была гораздо успешнее. В условиях переполненности школ и острого недостатка педагогических кадров рядовым учителям, которые в прошлом являлись лишь формальными членами НСДАП, рассказали и выразили готовность сотрудничать с новой властью, было разрешено вернуться на рабочие места. Однако советское руководство тщательно подходило к вопросу их продвижения по службе: эта категория учителей возвращалась к профессии на правах молодых специалистов и ни при каких обстоятельствах не должна была заменить

педагогов без нацистского прошлого или руководить ими [31, р. 457]. Американский историк Б. Блессинг пришла к выводу о том, что в результате реализации программы переобучения в Восточной Германии с опорой на левые силы «антифашизм стал ядром формировавшегося немецкого самосознания в советской зоне» [32, р. 190].

Одновременно приобрел актуальность вопрос дальнейшей судьбы гуманитарных наук и сохранения исторической памяти в объединенной Германии. Д. Стейли из Университета Огайо отмечал, что немецкая культура со времен германских племен никогда полностью не следовала образцу Римской империи. Культурный протестантизм немцев удалось преодолеть во многом благодаря внедрению западной экономической модели. Несмотря на то что американцы смогли распространить свои методы исследования в гуманитарных науках, немецкая философская традиция не была вытеснена. Сочетание прагматической англосаксонской и критической немецкой научных традиций затруднило выполнение гуманитарными науками своих политических функций в Германии. В рамках этих традиций термин «демократия» определялся по-разному: в немецкой версии он предполагал открытость к дискуссии и практическому участию, в англосаксонской версии – прогнозирование и направляемое развитие общества [33, р. 194–197]. При проведении анализа реформы школьного образования на территории бывшей ГДР особое внимание уделялось политическим наукам и политическому образованию. В то же время отмечалось, что изменение учебных

материалов, программ обучения, подходов к нему и методики преподавания не встретило массовой поддержки учеников и их родителей. В частности, 65 % опрошенных не поддерживали отмену лекционного формата занятий, поскольку они считали его более продуктивным, чем новые формы самостоятельной работы [1, р. 111].

В начале XXI в. вопрос переобучения немцев затрагивался британскими и американскими авторами преимущественно в контексте изучения периода с 1945 по 1949 г. При этом основное внимание уделялось его положительным результатам, что рассматривалось как залог сохранения демократической системы ФРГ в будущем [32; 34–36]. Увеличение доли положительных оценок и снижение критики можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, к началу XXI в. объединенная Германия выполнила свою политическую функцию в Центральной и Восточной Европе, способствовал интеграции бывших социалистических стран в евро-атлантические структуры. В связи с этим прежние опасения относительно ее благонадежности оказались развеяны. ФРГ отказалась от реализации конструкта Срединной Европы и от формирования сферы исключительного влияния в Центральной и Восточной Европе. Во-вторых, в начале XXI в. попытки США и их союзников реализовать программы переобучения в отдельных странах на Большом Ближнем Востоке завершились неудачно. В ретроспективе итоги образовательных реформ в послевоенной Германии стали выглядеть более успешными и впечатляющими, чем это представлялось германистам первых двух поколений.

Заключение

Вопрос переобучения немцев в послевоенный период занимал важное место в англо-американской историографии. Реформа образования и идеологическая работа со взрослым населением рассматривалась как основа формирования нового политического сознания нации.

Источниковую базу исследований первого поколения германистов (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) составляли преимущественно архивные документы военных администраций Великобритании и США, публикации их текущих изданий (бюллетени), материалы Парламента Великобритании и Конгресса США, официальной прессы. Ограниченность и односторонний характер источниковой базы дополнялись малочисленностью профильных центров исследования, существенным влиянием общественного мнения и личной памяти. Активная фаза холодной войны обусловила преимущественное развитие германских исследований в рамках школы «сдерживания», которая демонстрировала сохранение послевоенного консенсуса среди представителей консервативной и либеральной традиций.

Второе поколение авторов (конец 1960-х – конец 1980-х гг.) опиралось на историографическое насле-

дие предшественников, мемуары участников войны, учебные материалы, изданные в ФРГ. В данный период библиография работ пополнилась источниками советского и восточногерманского происхождения (преимущественно официальная пресса и партийные материалы), однако их использование не имело массового характера. Значительное влияние на развитие германских исследований оказали создание профильных центров и институтов, выпуск тематических научных журналов. Международная обстановка и общие тенденции развития исторической науки располагали к усилению рационалистического и критического подходов и уменьшению популярности школы «сдерживания».

Третье поколение германистов, которое перешло к формированию научного дискурса в 1990-х гг., располагало доступом к разнообразным источникам на территории Восточной Германии и Российской Федерации. Этот факт позволил приступить к разработке новых направлений в рамках темы, уделить внимание вопросу переобучения немцев в ГДР и провести комплексный сравнительный анализ политики СССР и западных государств в данной области. Переобучение немцев рассматривалось

в связи с вопросами национальной идентичности и роли объединенной Германии в Европе.

Анализ тематического поля исследований показал, что особое внимание авторы уделяли преподаванию гуманитарных наук, в первую очередь истории и политологии. Подготовка кадров и передача управления на уровне школ, учреждений высшего образования и научных центров сторонникам нового мышления представлялись важными условиями долгосрочности итогов переобучения.

Актуализация исследований переобучения немцев в англо-американской историографии происходила с связи с существенными изменениями в между-

народной обстановке и сопутствующими новшествами в политической риторике и (или) практике Германии. Это обстоятельство возрождало опасения по поводу новой немецкой угрозы в политических и общественных кругах и вновь возвращало академическое сообщество к переосмыслению итогов переобучения. На рубеже XX–XXI вв. наблюдалось смягчение критических оценок, что было обусловлено новой геополитической ролью объединенной Германии в Европе, расширением сферы влияния США в регионе Центральной и Восточной Европы, а также провалом попыток переобучения населения отдельных стран Большого Ближнего Востока.

Библиографические ссылки

1. Bruen J. *German unification and educational reform in Eastern Germany: an analysis of the impact of unification on the education system in the new Bundesländer and in particular on instruction in political science* [dissertation]. Dublin: Dublin City University; 1994. 150 p.
2. Stokes PL. *A view of university reform endeavour in West Germany since 1945* [dissertation]. London: London Institute of Education; 1981. 248 p.
3. Sharif RS. *Ostpolitik and German public opinion, 1964–1972: a study of political attitudes and political change in the Federal Republic of Germany* [dissertation]. Ann Arbor: University Microfilms International; 1979. 346 p.
4. Phillips DG. *The British and University reform policy in Germany, 1945–49: a study with particular reference to the Gutachten zur Hochschulreform of 1948* [dissertation]. Oxford: University of Oxford; 1984. 403 p.
5. Kaviaka II. Denazification in Germany: basic approaches to the study of the problem in British and American historiography. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2019;1:28–34. EDN: NDFTHM.
6. Ковяко ИИ. Германский вопрос 1945–1990-х годов в англо-американской историографии: основные аспекты изучения проблемы. *Новая и новейшая история*. 2021;4:5–17. DOI: 10.31857/S013038640013665-9.
7. Morgenthau H. *Germany is our problem*. New York: Harper & Brothers; 1945. 239 p.
8. Morgenthau H. Germany: the political problem. In: Morgenthau H, editor. *Germany and the future of Europe*. Chicago: University of Chicago Press; 1951. p. 76–88.
9. Middleton D. *The struggle for Germany*. Indianapolis: Bobbs-Merill Company; 1949. 304 p.
10. Hill R. *Struggle for Germany*. New York: Harper & Brothers; 1947. 260 p.
11. Rodnick D. *Postwar Germans: an anthropologist's account*. New Heaven: Yale University Press; 1948. 233 p.
12. Herak M. *Education, democracy, and Germany* [dissertation]. Tucson: University of Arizona; 1948. 109 p.
13. Montgomery JD. *Forced to be free: the artificial revolution in Germany and Japan*. Chicago: Chicago University Press; 1957. 209 p.
14. Cate D. *Democracy as exemplified by the western powers and by the Soviet Union in the reorientation of youth in occupied Germany*. Corvallis: Oregon State University; 1951. 185 p.
15. Friedland D. *Social studies in secondary schools in Western Germany after World War II*. Boston: Boston University; 1957. 39 p.
16. Thayer C. *The unquiet German*. New York: Harper & Row; 1957. 275 p.
17. Nettl P. A decade of post-war Germany. *Political Quarterly*. 1956;27(2):162–175.
18. Edinger L. *Politics in Germany. Attitudes and processes*. Boston: Little, Brown and Company; 1968. 360 p.
19. Bower T. *The pledge betrayed. America and Britain and the denazification of postwar Germany*. New York: Doubleday & Company; 1982. 462 p.
20. FitzGibbon C. *Denazification*. London: Michael Joseph; 1969. 222 p.
21. Schadt A. *The Volkshochschule: a comparative study of adult education in the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic*. Columbus: Ohio State University; 1970. 167 p.
22. Birley R. British policy in retrospect. In: Hearnden A, editor. *The British in Germany. Educational reconstruction after 1945*. London: Hamish Hamilton; 1978. p. 46–63.
23. Murray G. The training of teachers. In: Hearnden A, editor. *The British in Germany. Educational reconstruction after 1945*. London: Hamish Hamilton; 1978. p. 131–145.
24. Botting D. *From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949*. New York: New American Library; 1985. 341 p.
25. Wells T. *American military government's role in postwar Germany. 1944–1949*. Washington: American University; 1981. 93 p.
26. Willett R. *The Americanization of Germany, 1945–1949*. New York: Routledge; 1989. 151 p.
27. Fulbrook M. The state and the transformation of political legitimacy in East and West Germany since 1945. *Comparative Studies in Society and History*. 1987;29(2):211–244.
28. Yurochko W. *German high school history textbooks: how well do they deal with the rise and fall of the Third Reich?* [dissertation]. Ann Arbor: UMI Dissertation Services; 1989. 193 p.
29. Meritt RL. *Democracy imposed: U. S. occupation policy and the German public, 1945–1949*. New Haven: Yale University Press; 1995. 480 p.

30. Epstein C. East Germany and its history since 1989. *Journal of Modern History*. 2003;75(3):634–661. DOI: 10.1086/380240.
31. Naimark NM. *The Russians in Germany. A history of the Soviet zone of occupation, 1945–1949*. Cambridge: Harvard University Press; 1995. 586 p.
32. Blessing B. *The antifascist classroom: denazification in Soviet-occupied Germany, 1945–1949*. London: Palgrave Macmillan; 2006. 304 p.
33. Staley D. *In whose image? Knowledge, social science and democracy in occupied Germany, 1943–1955*. Columbus: Ohio State University; 1993. 205 p.
34. Remy SP. *The Heidelberg myth. The nazification and denazification of a German University*. London: Harvard University Press; 2002. 329 p.
35. Levy AF. Promoting democracy and denazification: American policymaking and German public opinion. *Diplomacy and Statecraft*. 2015;26(4):614–635. DOI: 10.1080/09592296.2015.1096681.
36. Evans RJ. From Nazism to never again. How Germany came to terms with its past. *Foreign Affairs*. 2018;97(1):8–15.

Получена 22.11.2024 / исправлена 08.04.2025 / принята 04.07.2025.
Received 22.11.2024 / revised 08.04.2025 / accepted 04.07.2025.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Юмашева Ю. Ю. **Источниковедение информационной эпохи.** М. : Директ-медиа, 2024. 512 с.

Юмашева Ю. Ю. **Крыніцазнаўства інфармацыйнай эпохі.** М. : Дырэкт-медыя, 2024. 512 с. (на рус.).

Yumasheva Yu. Yu. **Source study of the information era.** Mosc. : Direct-media, 2024. 512 p. (in Russ.).

В 2024 г. ученые, преподаватели и студенты смогли познакомиться со внушительной по объему и спектру затронутых вопросов монографией известного российского историка и архивиста Ю. Ю. Юмашевой. Уже само название монографии «Источниковедение информационной эпохи» свидетельствует о чрезвычайной актуальности книги. Основные вопросы, формирующиеся в настоящее время в сфере источниковедения в частности и исторической науки в целом, прежде всего связаны с новой информационной средой. На протяжении жизни одного поколения незаменимым источником информации, в том числе профессиональной, стал интернет. Стремительно растут объемы данных, доступных для анализа, расширяются возможности сетевого доступа к информации; сформированы огромные объемы баз данных, различного рода изобразительных источников и т. д. Совершенно очевидно, что без изучения специфики электронных источников, создаваемых и функционирующих в электронной среде, исследование современной эпохи невозможно.

Монография стала итогом 35-летней практической работы автора в сфере информатизации архивов и музеев, а также исследований, реализованных по таким направлениям исторической науки, как источниковедение и историческая информатика. Книга состоит из пяти глав, которые охватывают все стороны системного изучения исторических источников, реализуемого в рамках информационного подхода.

В первой главе Ю. Ю. Юмашева, характеризуя современную информационную эпоху, обращает вни-

мание на две стороны исторического источника: его материальную форму (способ создания) и информацию (содержание), которые анализируются в процессе внешней и внутренней критики как непрерывной источниковедческой процедуры. Создание и функционирование источника и его информации в электронной (цифровой) среде, обладающей собственной спецификой, являются, по мнению автора, тем обстоятельством в определении электронного источника, которое отличает его от уже известных, классических определений исторического источника.

Трансформация источников неизбежно вызывает изменение методов их исследования. Ю. Ю. Юмашева посвятила вторую главу своей монографии методам научной критики традиционных источников в информационную эпоху, предваряя их изложение подробным рассуждением о теории метода, его структуре и составных частях. Развитие во второй половине XX в. методологии междисциплинарности способствовало возникновению новых направлений исследований. Определяя этапы развития междисциплинарности в источниковедении, Ю. Ю. Юмашева отметила, что методы математической статистики применялись преимущественно к содержанию письменных исторических, прежде всего массовых, источников, а внешняя критика осуществлялась традиционными способами. В то же время автор, вслед за И. Д. Ковальченко, различает понятия «массовый источник» и «массовые данные», подчеркивая устойчивость ситуации, при которой вопросам внешней критики даже в традиционных формах уделяется недостаточно внимания. Вне поля зрения источниковедов длительное время оставались учетная документация и научно-справочный аппарат музеев, библиотек и архивов, которые содержат существенную информацию о каждом объекте хранения. В этом контексте особо важным видится объединение усилий специалистов сферы музейного дела, библиотек

и архивов для создания современных информационно-поисковых систем как основы для источниковой базы исследований.

Особый интерес представляет третья глава монографии, в которой Ю. Ю. Юмашева решает проблему установления места электронных исторических источников (ЭИИ) в источниковедческих классификациях и физической сущности ЭИИ, определяющих выбор (разработку) методов их научной критики. Отсутствие необходимого опыта работы с машиночитаемыми документами (МЧД; термин К. Б. Гельмана-Виноградова) и вызванное этим недоверие к ним, стремительная трансформация традиционных исторических источников актуализируют указанную проблему как одну из первоочередных для источниковедов. В качестве главной характеристики ЭИИ в монографии предлагается рассматривать их существование только в электронной среде. По мнению автора, эта характеристика предполагает невозможность изучения ЭИИ без применения специализированных технических средств и фиксации информации на специализированном носителе. Собственный проект источниковедческой классификации Ю. Ю. Юмашева предваряет обзором документоведческих, архивоведческих и источниковедческих классификаций ЭИИ, а также критериев определения типов, видов и разновидностей МЧД и электронных документов (ЭД).

Выделяются два подхода к классификации документов, которые прежде всего прослеживаются в документоведении. В соответствии с первым подходом (по мнению автора, доминирующим) ЭД являются самостоятельным видом документов. Согласно второму подходу МЧД и ЭД объединяются вместе с фото-, аудио-, кино- и видеодокументами, а также с технотронными документами на том основании, что при их создании и использовании применяются специализированные технические средства. В советское время К. Б. Гельман-Виноградов среди источников периода развитого социализма уже выделял отдельный тип МЧД как самостоятельных исторических источников со своими видами и разновидностями. Ю. Ю. Юмашева не соглашается с расширением хронологических рамок существования данного типа источников Е. Б. Злобиным, полагая, что их в период с XIX по середину XX в. правильнее было бы называть машиночитаемыми документами.

В основу предлагаемой источниковедческой классификации ЭИИ в монографии Ю. Ю. Юмашевой положены три критерия. Первым критерием определяется способ кодирования информации (у И. Д. Ковальченко – форма фиксирования информации). Автор полагает, что в этом случае к предложенным И. Д. Ковальченко четырем типам исторических источников можно добавить новый – электронные источники. Вместе с тем Ю. Ю. Юмашевой более импонирует подход, при котором ЭИИ включают все типы

традиционных источников. Для выделения групп внутри типа предлагается использовать второй критерий – отношение ЭИИ к объектам реального мира. Схема данного деления строится по аналогии с классификацией Л. Н. Пушкарёва (тип – род (группа) – вид – разновидность). Следует согласиться с автором в том, что данная классификация вряд ли может быть исчерпывающей, прежде всего по причине появления новых видов и разновидностей ЭИИ. В качестве третьего критерия определяется способ представления ЭИИ на воспроизводящих устройствах, адаптированных к человеческому восприятию. Он определяет их соотнесение с привычными типами (видами) источников реального мира.

В соответствии с подходом, при котором ЭИИ рассматриваются как пятый тип исторических источников, предлагается выделить роды, или группы (изначально цифровые (*born-digital*), преобразованные, смешанные роды), виды (бывшие типы, спустившиеся на ступеньку ниже и дополненные отсутствовавшими ранее видами) и разновидности (бывшие виды). Очевидно, что, например, письменные источники могут в данном варианте классификации выступать и как отдельный тип, и как вид электронного источника.

Более подробно, учитывая интегральный характер ЭИИ (в электронном виде, по мнению Ю. Ю. Юмашевой, могут быть представлены все виды традиционных источников), детализируется второй вариант классификации. Здесь термин «группа» ставится в иерархии выше, нежели термин «тип». Выделяются изначально цифровые, преобразованные и смешанные группы ЭИИ. В группу изначально цифровых ЭИИ определены многие виды письменных источников (делопроизводственные, статистические, литературно-художественные источники, источники личного происхождения, включая переписку по электронной почте, научно-техническая документация). В то же время технологии создания источников и другим внешним факторам придается большее значение, нежели содержательной стороне. Например, законодательные документы Ю. Ю. Юмашева относит к делопроизводственным источникам, что, на наш взгляд, спорно. Среди вещественных источников выделяются 3D-, 4D- и 5D-модели, которые в последующем могут реализоваться в материальном виде и обогащаться контекстно связанными данными. Закономерным стало выделение ЭИИ, не имевших аналогов в доцифровую эпоху (информационные ресурсы, в том числе мультимедиа, интернет- или интранет-сайты, порталы, блоги, страницы в социальных сетях, продукты, «созданные с помощью *Cognitive Science*, в том числе с помощью искусственного интеллекта в виде генеративных нейросетей», технологии блокчейн, чат-бота *ChatGPT* и т. д.), а также самоисполняющихся ЭИИ (цифровые документы, метаданные и т. д.).

В группу преобразованных источников объединены ЭИИ, представляющие собой преобразованную в электронный вид информацию традиционных источников. К ним отнесены электронные копии всех видов традиционных источников, машиночитаемые исторические источники (в предваряющем классификацию тексте утверждалось о преемственности между понятиями «машиночитаемые документы» и «электронные исторические источники»), метасисточники. Учитывая неполноту представления информации в данной группе источников, автор предлагает несколько непривычный для научного сообщества термин «цифровой суррогат».

По мнению автора монографии, группа смешанных ЭИИ включает изначально цифровые и преобразованные источники, например сетевые информационные ресурсы (страницы сайтов, сайты, порталы, тематические коллекции и др.). Очевидно пересечение видов данной группы с таким типом ЭИИ, как ЭИИ, не имевшие аналогов в доцифровую эпоху. Впрочем Ю. Ю. Юмашева пишет о том, что классификация носит условный характер, поскольку один и тот же ЭИИ может относиться к нескольким группам, типам, видам и разновидностям. Современные технические средства позволяют легко преобразовывать один вид источника в другой. В связи с этим, по мнению автора, функцию аутентификации вида ЭИИ будут выполнять архивы.

Ю. Ю. Юмашева подробно рассматривает ряд аспектов, характеризующих сущность ЭИИ (носители информации, программное обеспечение, форматы файлов), а также их специфические характеристики как исторического источника (подлинность, аутентичность, целостность, наличие метаданных). Важнейшим для описания любого исторического источника является вопрос о его подлинности, и эта проблема актуализируется в связи с возрастающим применением искусственного интеллекта при создании ЭИИ. Особо сложной она является для преобразованных ЭИИ, поскольку некоторые характеристики письменных источников, например филигрань, на электронной копии не отображаются. Очевидным становится вопрос о том, возможно ли рассматривать их как отдельный вид исторического источника, или же в данном случае целесообразно применять понятие «копия» («пособие»).

В своих научных исследованиях историки обращаются прежде всего к архивным источникам. Определяя в четвертой главе отличия между архивами машиночитаемых данных и архивами МЧД, а также особенности веб-архивов, Ю. Ю. Юмашева отмечает, что, несмотря на разницу хранимых объектов, основные процедуры по обеспечению сохранности ЭИИ в них совпадают. В данной главе характеризуются крупнейшие базы данных и наборы данных, возникшие в ходе государственного статистического учета. Автор рассматривает историю хранения МЧД не только в архивах, но и в музеях, библиотеках.

Именно в результате их взаимодействия в настоящее время формируется археография в электронной среде – отдельная область археографии, представляющая собой сферу практической деятельности и новое научное направление. Ю. Ю. Юмашева заостряет внимание на таких аспектах данной проблемы, как необходимость подтверждения подлинности исходного документа и аутентичности его копии, принятие во внимание особенностей данной копии, обеспечение аутентичности копии при ее публикации в электронной среде, необходимость учета воздействия, которое оказывает программное обеспечение на публикуемый документ.

В монографии подробно рассматривается специфика архивирования сетевых информационных ресурсов (СИР). Данные ресурсы историки используют в качестве исторического источника сравнительно недавно, ввиду чего до сих пор не определено понятие СИР, а также подходы к их видовой классификации. Предлагая свое видение данной проблемы, Ю. Ю. Юмашева отмечает, что этот вид источников равным образом можно отнести как к изначально цифровым, так и к смешанным ЭИИ. В качестве критериев их деления на разновидности определяются организация информации (простые, сложные, комплексные источники), «границы содержания» (закрытые, открытые, ссылочные ресурсы), представление информации (публичные, продолжающиеся и завершенные источники), виды авторства (официальные ресурсы, источники, имеющие статус государственных или национальных, ресурсы партий, частных компаний и организаций, информационные источники СМИ, авторские ресурсы, международные источники), степень доступности (полностью открытые источники, источники ограниченного доступа). СИР содержат все виды письменных, изобразительных и фонических источников, а также мультимедийный цифровой контент. В форме и содержании данного вида источников отражается прежде всего стремление владельца СИР донести через электронную среду ту информацию, которая будет способствовать формированию его благоприятного имиджа, взглядов на прошлые и современные события и т. д. Автор определяет основные отличия веб-архивов и базовые требования к ним, выделяет пять стратегий веб-архивирования, приводит примеры их успешной реализации. Массовыми и одновременно исчезающими источниками являются блогосфера и страницы в социальных сетях, поскольку их архивирование в достаточном объеме не ведется. В монографии затронут и ряд проблем, связанных с архивированием электронной почты.

Пятая глава является резюмирующей частью монографии. Ю. Ю. Юмашева еще раз подчеркивает отличия ЭИИ от традиционных источников, к которым можно отнести нестабильность материальной формы, опосредованный доступ пользователя к ЭИИ, необходимость применения специализированного про-

граммного обеспечения для анализа содержания ЭИИ и др. Предлагается определенный алгоритм анализа ЭИИ (анализ первичного носителя электронной информации, сведений о программных продуктах, формата электронных файлов). Важнейшая роль в процессе внешней критики отводится метаданным, без доступа к которым источниковедческая работа становится невозможной. Отмечая этот факт, Ю. Ю. Юмашева подчеркивает важность работы архивистов. В целом для анализа ЭИИ важна междисциплинарная подготовка исследователей, включая профессиональное владение информационными технологиями. Не утрачивает своего значения и знание специальных исторических методов. В приложении раскрывается эволюция терминов, обозначающих ЭИИ.

В заключение отметим, что многие вопросы по теме выходят далеко за пределы проблематики мо-

нографии, затрагивая как теоретические аспекты, так и практику источниковедения. Открытых вопросов остается не меньше, чем ответов, и многие из этих ответов дискуссионны. Впрочем, автор так и определяет цель своей монографии: «Стать триггером начала широкой дискуссии среди источниковедов по вопросу о сущности и специфике ЭИИ, возможности их архивного хранения с обеспечением аутентичности, целостности и использования в долгосрочной перспективе, привлечения ЭИИ в качестве источников, адаптации уже апробированных или поиска новых методов их изучения». Безусловно, следует высказать признательность Ю. Ю. Юмашевой не только за проделанный огромный труд, но и за данную полезную инициативу.

С. Н. Ходин¹

¹Сергей Николаевич Ходин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сяргей Мікалаевіч Ходзін – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Siarhei M. Khodzin, doctor of science (history), full professor; head of the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: skhodzin@mail.ru

Гужаловский А. А. **В светлое будущее! Белорусское общество эпохи «оттепели» (1953–1968).** Минск : Изд. Р. М. Цымберов, 2024. 344 с. (на бел.).

Гужалоўскі А. А. **У светлую будучыню! Беларускае грамадства эпохі «адлігі» (1953–1968).** Мінск : Выд. Р. М. Цымбераў, 2024. 344 с.

Huzhalouski A. A. **To a bright future! The Belarusian society of the «thaw» era (1953–1968).** Minsk : Publ. R. M. Tsymbereau, 2024. 344 p. (in Belarus.).

Современные белорусские исследователи истории БССР XX в. лишь приближаются к пониманию природы изменений, которые произошли с белорусским советским обществом во время его существования, а оценки советской эпохи часто полярны. Кроме того, изучение советского периода истории белорусского народа носит фрагментарный характер: внимание специалистов сосредоточено на отдельных сюжетах, вероятно, интересных и авторам, и читателям, но пока мало пригодных для формирования нового концептуального исторического знания, отличного от советского знания, в частности от знания времен перестройки. Прежде всего эти проблемы свойственны исследованиям послевоенного периода белорусской истории. Необходимо отметить недостаточное количество работ на данную тему. Попыткой осмысления советского прошлого является монография ведущего современного белорусского ученого, специализирующегося на истории Беларуси XX в., А. А. Гужаловского «У светлую будучыню! Беларускае грамадства эпохі «адлігі» (1953–1968)». Данная работа служит хорошим примером подлинно профессионального отношения к историческому исследованию.

Автор монографии справедливо указал на многогранность исторического явления «оттепель», поэтому его целью было комплексное изучение белорусского общества этой эпохи. По мнению А. А. Гужаловского, «широкая «оттепель» охватывает период от смерти И. В. Сталина в 1953 г. до событий в Чехословакии в 1968 г. В качестве своеобразного ядра данного периода выступает время, рассматриваемое в историографии как классическая «оттепель» (1956–1964). Переходными этапами являются вызревание «оттепели» (1953–1956) и ее закат (1964–1968). Несмотря на аргументированность такой периодизации «оттепели», возникает вопрос о ее природе и сущности как самостоятельного исторического феномена. Указание на многогранность явления не освобождает ученого от необходимости его трактовки и выделения стержня, которым может быть либо формирование советского общества массового потребления, либо «революция духа» советских интеллектуалов, либо ограниченная демократизация советской политической системы, либо изменение репрессивного механизма, либо другой процесс. Вместе с тем многие из назван-

ных автором феноменов зародились, как утверждал известный российский историк О. В. Хлевнюк, еще в последние годы правления И. В. Сталина, чем и объясняется «взрывной» характер нововведений постсталинского руководства СССР. В 1968 г. не остановились рост потребительских настроений советского человека, расширение прав местных органов власти и управления, проведение косыгинских реформ (отход от них в большей степени был связан с проблемами самого механизма их реализации, чем со сменой властных политических приоритетов), а также реализовывался принцип мирного сосуществования, происходил переход к политике международной разрядки.

Достоинством работы А. А. Гужаловского является широкая источниковая база. Ее составили архивные документы (более десяти фондов Национального архива Республики Беларусь и Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства), материалы периодической печати, мемуары, произведения художественной литературы, изобразительного искусства, а также фото- и киноискусства. Следует отметить и богатейший иллюстративный материал, прежде всего фотоснимки, большинство из которых были обнаружены ученым как в государственных архивах, так и частных коллекциях. Некоторые из них содержат больше информации, чем архивные документы, наглядно передают дух эпохи перемен.

В монографии продуктивно использовался междисциплинарный подход. С его помощью автор проанализировал «оттепель» с точки зрения социальной истории (конструирование данного явления через жизнь простого человека) и исторической антропологии (изучение таких ментальных характеристик разных слоев белорусского общества, как ценности, представления, образы и стереотипы). Опираясь на современные методологические подходы к историческому исследованию, ученый рассмотрел проблему как с позиции макроистории через влияние общества на поступки отдельных личностей и групп, так и с позиции микроистории с фиксацией индивидуального в социальном и социального в индивидуальном.

В работе представлен богатый статистический материал, который отражает противоречивый характер социально-экономического развития БССР второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. С одной стороны, автор отметил развитие промышленности и повышение жизненного уровня населения, а также скромные успехи в сельском хозяйстве. С другой стороны, ученый отразил панораму проблем советской социально-экономической системы, которые он рассматривал как врожденные. Этот вариант объяснения их появления требует более серьезной и развернутой аргументации, что позволит выйти на иной уровень анализа политики

московского центра и позиций белорусского партийно-советского руководства по отношению к ней. Данный анализ даст возможность внести коррективы в авторское утверждение о «волюнтаристском характере единоличного управления Н. С. Хрущева» (с. 17), которое представляется весьма спорным. Период с 1953 по 1964 г. характеризовался постоянными трансформациями советской политико-экономической системы, попытками найти наиболее эффективный механизм реализации материально-финансового и кадрового потенциала советской экономики. Данная ситуация во многом была связана с личностью Н. С. Хрущева, уверенного в преимуществах социалистической модели развития общества. Однако большая часть руководителей советских, в том числе белорусских, партийных и хозяйственных органов долгое время разделяли такие взгляды.

А. А. Гужаловский рассмотрел организацию и результативность реабилитации жертв массовых политических репрессий как аспекты, имевшие «вынужденный, половинчатый характер, который не восстановил справедливость в полном объеме» (с. 40). Описывая советскую десталинизацию, автор отметил, что она «не стала комплексным процессом, который требовал избавления от унаследованных от Сталина принципов и механизмов работы государственных и общественных институтов, преодоления тоталитарного общественного сознания, возвращения памяти о жертвах и признания вины преступников» (с. 53).

«Оттепель» неизменно ассоциируется с представлением о строительстве коммунизма не как о долгосрочной, а как о текущей задаче. Изучая восприятие данного феномена разными слоями белорусского общества, появление инициированных гражданами социальных и культурных практик, его формализацию властными структурами, исследователь пришел к выводу о том, что, несмотря на ограниченное количество сознательно и активно включившихся в реализацию коммунистического проекта людей, его «в целом поддержала большая часть советских белорусов» (с. 68).

Интерес вызывает авторский анализ противоречий государственной политики по «слиянию через расцвет» советских наций. С одной стороны, к таким противоречиям относятся события, произошедшие после проведения в июне 1953 г. Пленума ЦК КПБ: расширение белорусского элемента в составе партийно-советского аппарата, создание белорусского национального пантеона, дискуссии по вопросу о роли белорусского языка в жизни белорусского общества, проявление активной позиции представителями белорусской творческой интеллигенции и национально-ориентированной молодежи. С другой стороны, ими являются многочисленные факты сокращения сферы использования белорусского языка в культуре, образовании, средствах массовой информации. Из текста работы следует,

что партийно-советское руководство предпринимало немало шагов по проведению белорусизации, которые, по мнению А. А. Гужаловского, не имели реальных успехов. Вместе с тем ученый указал, что «послевоенная политическая, научная и культурная элита республики... в своей массе искренне разделяла понимание Н. С. Хрущевым Белорусской ССР как декоративного и временного (до построения коммунизма) явления» (с. 83). Данное утверждение требует развернутой аргументации. За рамками исследования остались и ответы на вопросы о границах самостоятельности белорусских органов власти в национальной политике, об уровне осознания и интерпретации ими интересов белорусов как нации, а также о возможностях реализации этих интересов в условиях советской модели развития периода «оттепели».

В монографии широко отражено влияние «оттепели» на литературу, изобразительное и музыкальное искусство, кинематографию, театр. В образной манере А. А. Гужаловский профессионально проанализировал творчество прежде всего тех белорусских писателей и драматургов, которые в разной степени отходили от официального принципа социалистического реализма. Он рассмотрел вечный вопрос о взаимоотношениях между властью и творцами на основе материалов встреч белорусского партийного руководства с творческими работниками 1957, 1962 и 1963 гг. Ученый отметил наличие раскола творческой интеллигенции на «консерваторов-сталинистов, которые остались верными старым принципам, и молодых либералов-шестидесятников, попробовавших их сменить» (с. 110). Для полноты аргументации этого вывода было бы целесообразно привести информацию о творчестве консерваторов-сталинистов. Творческие работники, отнесенные в монографии к шестидесятникам, в последующем стали признанными белорусскими классиками, которые в разной степени вписались в реалии 1970-х гг. и продолжили плодотворно работать и для власти, и для себя. Видится интересным продолжение исследования феномена шестидесятников в период брежневского застоя, а именно таких аспектов, как состояние данного явления, состав его представителей и степень «запада молодости», способы выражения творческой мысли, не противоречащие принципам социалистического реализма.

Кроме того, автор рассмотрел множество сюжетов, которые представляют собой части «мозаики жизни» белорусского общества. К ним относятся различные проявления инакомыслия, молодежная романтика строителей коммунизма, «стиляжничество» как первая молодежная субкультура, развитие международного туризма (как иностранного в БССР, так и советского за пределами СССР), формирование советской модели общества массового потребления, «кукурузная», антирелигиозная и антиалкогольная кампании, теневая экономика, охрана и использование

исторических памятников, развитие спорта высших достижений и т. д.

Показав, как формировалось негативное отношение партийно-советского руководства к чехословацкому реформаторскому курсу, А. А. Гужаловский отметил, что к концу 1960-х гг. советская власть обладала высокой степенью легитимности, в том числе идеологической. В данной ситуации организованный массовый протест был невозможен, лишь отдельные белорусы решались на критику властей.

Исследование «оттепели» как интригующего и увлекательного сюжета белорусской истории написано А. А. Гужаловским живым и образным языком, в свободной манере. Оно оказалось намного более сложным, чем у авторов соответствующих многотомных академических изданий по истории Беларуси, созданных в советский и постсоветский периоды.

Монография автора, в центре которой находится актуальная проблема человека в условиях перемен, не может их заменить, однако она выполняет свои функции. В исследовании раскрыто новое, концептуально разработанное видение эпохи, «оттепель» показана глазами множества участников, а также предоставлен материал для самостоятельного осмысления и ответа на многие вопросы, в частности на вопросы о роли государства в определении направлений и пределов модернизации общества, о значении самого общества в этом процессе, о моделях взаимоотношений между государством, социумом и индивидом и их исторической обусловленности, об ответственности человека за собственный выбор и т. д.

С. А. Елизаров¹

¹Сергей Александрович Елизаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого.

Сяргей Аляксандравіч Елізараў – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры сацыяльна-гуманітарных і прававых дысцыплін гуманітарна-эканамічнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П. А. Сухого.

Sergey A. Elizarov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines, faculty of economics and humanities, Sukhoi State Technical University of Gomel.

E-mail: sergeyelisarov@mail.ru

ЮБІЛЕІ

ЮБІЛЕІ

JUBILEES

**Владимир Константинович
КОРШУК**

**Уладзімір Канстанцінавіч
КОРШУК**

**Vladimir Konstantinovich
KORSHUK**

Заслужанаму работніку адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктару гістарычных навук, прафесару Уладзіміру Канстанцінавічу Коршуку 25 жніўня 2025 г. споўнілася 90 гадоў. Ён атрымаў шырокую вядомасць як даследчык сацыяльна-палітычнай гісторыі Беларусі XX–XXI стст., гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, пытанняў станаўлення і развіцця беларускай партыйнай сістэмы.

Уладзімір Канстанцінавіч нарадзіўся ў г. п. Урэчча Слуцкага раёна Мінскай вобласці ў сям’і настаўніка, кіраўніка Урэчскай сярэдняй школы Канстанціна Фёдаравіча і настаўніцы пачатковых класаў Ганны Давыдаўны. Паспяхова праца бацькі ў педагагічнай сферы стала падставай для пераезду сям’і з немаўлём у Брэст, дзе Канстанцін Фёдаравіч атрымаў пасаду загадчыка Брэсцкага абласнога аддзела народнай асветы. У Брэсце сям’я сустрэла Вялікую Айчынную вайну.

У пачатку 1943 г. Канстанцін Фёдаравіч апынуўся ў партызанскім атрадзе імя М. А. Шчорса. Пазней мужчына забраў да сябе і маленькага сына, бо сям’ю спасцігла вялікая гора: акупанты забілі маці Уладзімі-

ра Канстанцінавіча. Хлопчык да канца вайны знаходзіўся з бацькам у партызанскім атрадзе і вельмі ба-яўся страціць адзінага роднага чалавека. У. К. Коршук згадваў: «Отец уходил на задание, а меня оставлял у кого-нибудь в деревне... Отца долго, долго не было, я ждал его и думал: “У меня нет мамы, где-то далеко бабушка с дедушкой, что же я буду один, маленький, делать, если привезут отца на санях убитого?” Когда отец вернулся, мне показалось, прошла вечность. А пока я ждал, дал себе слово, что буду называть его теперь только на “вы”. Этим мне хотелось подчеркнуть, как я его люблю, как скучаю и то, что он у меня один. Видно, отец вначале не заметил, как я к нему обращаюсь, а потом он меня спросил: “Почему ты говоришь мне “вы”?” Я ему признался, какое дал себе слово и почему. А он мне объяснил: “Ты тоже у меня один, поэтому мы должны говорить друг другу “ты”. Мы самые близкие на свете люди”. Еще я попросил его, чтобы мы с ним никогда не расставались. “Ты уже взрослый, ты – мужчина”, – убеждал он меня». Выхаванне ў такой патрыятычнай

сям'і з малага ўзросту загартоўвала характар Уладзіміра Канстанцінавіча, фарміравала такія асабістыя якасці, як дабрыня, прыстойнасць, інтэлігентнасць, мэтанакіраванасць, імкненне да пазнання ісціны.

Пасля вызвалення Беларусі ад нацысцкіх захопнікаў Канстанцін Фёдаравіч працягнуў працу ў сістэме народнай адукацыі на пасадзе загадчыка Мінскага абласнога аддзела народнай асветы. Да ваенных узнагарод (ордэн Чырвонага Сцяга, баявыя медалі) прыбавіліся ўзнагароды за мірную працу (напрыклад, ордэн Леніна – вышэйшая дзяржаўная ўзнагарода ў СССР, ганаровае званне «Заслужаны настаўнік БССР»). Адаючы сябе педагогіцы, не шкадуючы сіл на аднаўленне справы навучання ў разбураных вайной школах, бацька паказаў сыну ўзор захаплення працай, бескарыслівага служэння справе, глыбокага разумення ролі адукацыі ў жыцці чалавека, грамадства, дзяржавы.

Імкненне да пазнання нязведанага і працавітасць дапамаглі У. К. Коршуку скончыць у 1953 г. сярэднюю школу з сярэбраным медалём. Ён прыняў рашэнне паступаць на гістарычны факультэт Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава. Уладзіміру Канстанцінавічу пашанцавала з выкладчыкамі: Б. А. Рыбакоў, Л. В. Чарапнін, С. Д. Сказкін і іншыя вучоныя сфарміравалі светапогляд студэнта-гісторыка. У. К. Коршук актыўна ўдзельнічаў у навуковым, грамадскім і спартыўным жыцці ўніверсітэта. Ужо ў студэнцкія гады ў выданні «Веснік НСО» быў апублікаваны яго першы артыкул, прысвечаны дзейнасці КПБ. Уладзімір Канстанцінавіч меў другі спартыўны разрад па валеболе, з'яўляўся членам зборнай валебольнай каманды факультэта. Пасля заканчэння ўніверсітэта У. К. Коршук вярнуўся ў Мінск, дзе з 1958 г. ён працаваў настаўнікам гісторыі ў сярэдняй школе № 3, а з 1960 г. – асістэнтам на кафедры гісторыі КПСС Беларускага політэхнічнага інстытута. У хуткім часе Уладзімір Канстанцінавіч быў накіраваны Міністэрствам вышэйшай адукацыі СССР у аспірантуру Маскоўскага энергетычнага інстытута, пасля заканчэння якой у 1963 г. пад кіраўніцтвам прафесара М. І. Мурашова ён паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацию «Деятельность Компартии Белоруссии по воспитанию нового человека в коллективах коммунистического труда (1958–1962 гг.)».

Маладым кандыдатам навук У. К. Коршук вярнуўся ў Беларускі політэхнічны інстытут на пасаду старшага выкладчыка. Універсіцкая культура стала для яго вызначальнай на далейшым навукова-педагагічным шляху. Уладзімір Канстанцінавіч працаваў дацэнтам, намеснікам дэкана агульнатэхнічнага факультэта, а таксама працягваў навуковую работу. Гэта былі першыя прыступкі росту перспектыўнага вучонага, педагога, актыўнага ўдзельніка грамадскага жыцця. У 1971 г. навуковец узначаліў кафедру гісторыі КПСС гуманітарных факультэтаў Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў. У гэты ж час па сумяшчальніцтву ён працаваў у Інстытуце павышэння кваліфікацыі выкладчыкаў грама-

дазнаўчых навук пры БДУ. На пасадзе загадчыка вучоны зарэкамендаваў сябе як выдатны арганізатар і таленавіты кіраўнік, які праяўляе прафесіяналізм і добразычлівасць у адносінах калег і студэнтаў.

У 1980 г. Уладзімір Канстанцінавіч абараніў доктарскую дысертацию «Деятельность Компартии Белоруссии по развитию трудовой активности рабочего класса в условиях зрелого социализма». У 1982 г. ён атрымаў званне прафесара. З гэтага часу навуковая і выкладчыцкая праца У. К. Коршука была звязана з БДУ. На працягу многіх гадоў ён узначальваў кафедру гісторыі КПСС, а пасля яе рэарганізацыі – кафедру палітычнай гісторыі. Затым Уладзімір Канстанцінавіч узначаліў кафедру сусветнай і айчыннай гісторыі. З 2001 па 2019 г. У. К. Коршук працаваў прафесарам кафедры гісторыі Беларусі новага і найбольшага часу.

Прафесійная дзейнасць У. К. Коршука паспяхова ажыццяўлялася ў некалькіх кірунках. Ён займаўся састаўленнем першых падручнікаў і навучальных курсаў па гісторыі Беларусі. У 1990-я гг. незалежнай Беларусі была неабходна новая канцэпцыя айчыннай гісторыі, паколькі адбывалася пераасэнсаванне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Гэта тэма стала напрамкам навуковых пошукаў Уладзіміра Канстанцінавіча, ёй прысвечаны больш за 250 публікацый, у тым ліку манаграфіі, артыкулы, вучэбныя выданні, калектыўныя працы. Прафесар стаў суаўтарам кніг «Гісторыя Беларусі» (Мінск, 1998) і «Беларусь на мяжы тысячагоддзяў» (Мінск, 2000). Менавіта У. К. Коршук адным з першых у краіне паставіў пытанне аб неабходнасці вывучэння гісторыі Беларусі ў кантэксце ўсеагульнай гісторыі. Па прапанове навукоўца ў чэрвені 1992 г. кафедра, якую ён узначальваў, стала называцца кафедрой сусветнай і айчыннай гісторыі.

Таксама вучоны ўдзяляў увагу распрацоўкам па гісторыі палітычных партый і грамадскіх рухаў. Падмуркам новай галіны гістарычных даследаванняў у Беларусі сталі дзясяткі артыкулаў і выданняў, якія прысвечаны БСГ і іншым палітычным сілам дарэвалюцыйнага часу. Шэраг работ выкананы У. К. Коршукам у суаўтарстве з І. Ф. Раманоўскім, Р. І. Ермашкевічам і С. І. Бусько: «3 гісторыі палітычных партый» (Мінск, 1993), «Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий» (Мінск, 1999), «История политических партий России и Беларуси (конец XIX – первая четверть XX в.)» (Мінск, 2001), «История политических партий. Материалы для самостоятельной работы студентов» (Мінск, 2002), «Политические партии Республики Беларусь» (Мінск, 2005), «История общественных движений и политических партий: вопросы и ответы» (Мінск, 2008), «История политических партий и общественных движений: материалы для самостоятельной работы студентов» (Мінск, 2014).

Значную частку часу прафесар аддаў навукова-метадычнай працы. З 1979 г. ён уваходзіў у склад спецыялізаваных саветаў па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертаций. У 1991–1995 гг. Уладзімір

Канстанцінавіч узначальваў савет па абароне кандыдацкіх дысертацый пры БДУ, потым з'яўляўся намеснікам старшыні савета па абароне доктарскіх дысертацый пры гэтым універсітэце. У складаны для беларускай гістарычнай навукі час (1985–1994) ён займаў пасаду адказнага рэдактара часопіса «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права». На працягу 20 гадоў У. К. Коршук быў членам рэдакцыйных калегій выданняў «Беларускі гістарычны часопіс», «Гуманітарна-эканамічны веснік», выконваў абавязкі рэдактара навуковага зборніка «Працы гістарычнага факультэта БДУ».

З невычэрпнай энергіяй і натхненнем Уладзімір Канстанцінавіч дзеліцца сваім шматгранным навукова-педагагічным вопытам з калегамі-навукоўцамі, выкладчыкамі, студэнтамі. За гады педгагічнай дзейнасці ён падрыхтаваў 1 доктара навук і больш за 30 кандыдатаў навук. Вучні прафесара працуюць выкладчыкамі ва ўніверсітэтах, навуковых цэнтрах і іншых дзяржаўных установах Беларусі, многія з іх займаюць кіруючыя пасады. Яны, як і ён настаўнік, спалучаюць высокі прафесіяналізм з чалавечнасцю, вызначаюцца не толькі здольнасцю даць студэнтам грунтоўныя веды па айчыннай гісторыі, але і здольнасцямі ўлюбіць іх у вучэбную дысцыпліну, сфарміраваць уменні і навыкі, прывіць культуру навукова-даследчай работы.

Актыўная навуковая, педгагічная і грамадская дзейнасць У. К. Коршука не засталася незаўважанай. Ён узнагароджаны ганаровымі граматамі Вярхоўнага

Савета БССР, Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Савета міністраў Рэспублікі Беларусь, Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, нагрудным знакам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР «За выдатныя поспехі ў працы». У 2000 г. Уладзімір Канстанцінавіч за шматгадовую плённую навукова-педагагічную дзейнасць і значны ўклад у падрыхтоўку высокакваліфікаваных кадраў быў удастоены ганаровага звання «Заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь». Таксама прафесару прысвоена ганаровае званне «Заслужаны работнік БДУ». Акрамя таго, ён выбіраўся ў якасці дэпутата Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў.

Уладзімір Канстанцінавіч – Настаўнік з вялікай літары. Яму ўласцівы высокі прафесіяналізм, працавітасць, аптымізм, дабрыня і прыстойнасць. Жыццёвы шлях навукоўца з'яўляецца яркім прыкладам самаахвярнага служэння гістарычнай навуцы. Педгагічную і навуковую дзейнасць У. К. Коршука працягвае яго дачка Алена, выпускніца Мінскага дзяржаўнага педгагічнага інстытута замежных моў, дацэнт кафедры міжнароднай журналістыкі факультэта журналістыкі БДУ кандыдат філалагічных навук.

Супрацоўнікі гістарычнага факультэта БДУ, калегі, сябры, вучні сардэчна віншуюць Уладзіміра Канстанцінавіча з юбілеем і жадаюць яму творчага даўгалецця, нязгаснай энергіі, моцнага здароўя і дабрабыту!

А. Г. Кахановіч¹, Г. І. Маскевіч²,
А. М. Мох³, А. М. Дулаў⁴, С. І. Бусько⁵

¹Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Генадзевіч Кахановіч – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

²Анна Ивановна Маскевич – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета.

Ганна Іванавна Маскевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Hanna I. Maskevich, PhD (history), docent; head of the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: annamaskevich@gmail.com

³Елена Николаевна Мох – кандидат исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник лаборатории историко-обществоведческого и социокультурного образования Академии образования.

Алена Мікалаўна Мох – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; вядучы навуковы супрацоўнік лабараторыі гісторыка-грамадазнаўчай і сацыякультурнай адукацыі Акадэміі адукацыі.

Elena N. Mokh, PhD (history), docent; leading researcher at the laboratory of historical, social and socio-cultural education, Academy of Education.

E-mail: eln.mokh@gmail.com

⁴Анатолий Николаевич Дулов – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории и культурного наследия факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П. М. Машерова.

Анатоль Мікалаевіч Дулаў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі і культурнай спадчыны факультэта гуманітарных ведаў і камунікацый Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.

Anatol M. Dulau, PhD (history), docent; head of the department of history and cultural heritage, faculty of humanities and communications, Vitebsk State University named after P. M. Mashеров.

E-mail: dulov_78@mail.ru

⁵Сергей Иванович Бусько – кандидат исторических наук; председатель Белорусского общества экскурсоводов и гидов-переводчиков.

Сяргей Іванавіч Бусько – кандыдат гістарычных навук; старшыня Беларускага таварыства экскурсаводаў і гід-перакладчыкаў.

Siarhei I. Busko, PhD (history); chairman of the Belarusian Association of Guides and Guide Interpreters.

E-mail: buskosiarhei@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАЊІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 39(476.5)

Алюніна І. У. Этнакультурная спадчына Пастаўшчыны / І. У. Алюніна, М. А. Міхайлец. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2025. 139 с. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329836>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 04.06.2025, № 007204062025. Тэкст : электронны.

У зборніку змешчаны матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў па этнакультурнай спадчыне беларусаў, сабраныя падчас этнаграфічнай экспедыцыі ў Пастаўскі раён Віцебскай вобласці Рэспублікі Беларусь. Яны могуць быць запатрабаваны спецыялістамі турыстычнай індустрыі, а таксама даследчыкамі – этнолагамі, гісторыкамі, антрапологамі, фалькларыстамі, лінгвістамі, краязнаўцамі і інш.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Гужаловский А. А.</i> Антиалкогольная кампания в БССР второй половины 1980-х гг.	5
<i>Лукашевич А. М.</i> Деятельность князя Франциска-Ксаверия Друцкого-Любецкого по восстановлению российской администрации в Гродненской губернии в 1813 г.	16

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Арутюнян А. Ж.</i> Еврейская община аршакидской Армении в последний год царствования Аршака II (368).....	30
<i>Вартаньян Э. Г.</i> Болгария после освобождения: первые шаги в формировании государственности и роль Российской империи в этом процессе (конец 1876 – середина 1879 г.).....	37
<i>Кокорина Ю. Г.</i> «Любовь к отечеству создала наше государство»: И. Е. Забелин об историческом знании (на основе архивных материалов).....	47
<i>Алимджанов Б. А., Нурбаев Ж. Е., Султангазы Г. Ж.</i> Значение Казахской степи в трансграничной торговле Китая и Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	58
<i>Мойшова С.</i> Описание Беларуси в годы Северной войны в путевом дневнике Даниэля Крмана.....	68
<i>Селиванов А. В.</i> Взаимодействие Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев с международными структурами и неправительственными организациями по решению проблемы вынужденной миграции в Африке в 1990-х гг.	76

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Ковяко И. И.</i> Переобучение немцев после Второй мировой войны: анализ вопроса в англо-американской историографии.....	90
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ходин С. Н. Юмашева Ю. Ю.</i> Источниковедение информационной эпохи.....	100
<i>Елизаров С. А.</i> Гужаловский А. А. В светлое будущее! Белорусское общество эпохи «оттепели» (1953–1968).....	104

ЮБИЛЕИ

Владимир Константинович Коршук.....	107
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	110

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Гужалоўскі А. А.</i> Антыалкагольная кампанія ў БССР другой паловы 1980-х гг.	5
<i>Лукашэвіч А. М.</i> Дзейнасць князя Францыска-Ксаверыя Друцкага-Любецкага па аднаўленні расійскай адміністрацыі ў Гродзенскай губерні ў 1813 г.	16

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Аруцёнян А. Ж.</i> Яўрэйская абшчына аршакідскай Арменіі ў апошні год царавання Аршака II (368)	30
<i>Вартаньян Э. Г.</i> Балгарыя пасля вызвалення: першыя крокі ў фарміраванні дзяржаўнасці і роля Расійскай імперыі ў гэтым працэсе (канец 1876 – сярэдзіна 1879 г.)	37
<i>Какорына Ю. Г.</i> «Любоў да айчыны стварыла нашу дзяржаву»: І. Я. Забелін пра гістарычныя веды (на аснове архіўных матэрыялаў)	47
<i>Алімджанаў Б. А., Нурбаеў Ж. Я., Султангазы Г. Ж.</i> Значэнне Казахскага стэпу ў трансгранічным гандлі Кітая і Расійскай імперыі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.	58
<i>Мойшава С.</i> Апісанне Беларусі ў гады Паўночнай вайны ў падарожным дзённіку Даніэля Крмана	68
<i>Селіванаў А. У.</i> Узаемадзеянне Упраўлення Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў з міжнароднымі структурамі і няўрадавымі арганізацыямі па вырашэнні праблемы вымушанай міграцыі ў Афрыцы ў 1990-я гг.	76

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Кавяка І. І.</i> Перанавучанне немцаў пасля Другой сусветнай вайны: аналіз пытання ў англа-амерыканскай гістарыяграфіі.	90
---	----

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Ходзін С. М.</i> Юмашава Ю. Ю. Крыніцазнаўства інфармацыйнай эпохі.	100
<i>Елізараў С. А.</i> Гужалоўскі А. А. У светлую будучыню! Беларускае грамадства эпохі «адлігі» (1953–1968) ...	104

ЮБІЛЕІ

Уладзімір Канстанцінавіч Коршук.	107
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.	110

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Huzhalouski A. A.</i> Anti-alcohol campaign in the Soviet Belarus in the second half of the 1980s.....	5
<i>Lukashevich A. M.</i> The activities of prince Francis-Xaveriy Drucky-Lubetsky to restore Russian administration in Grodno province in 1813	16

WORLD HISTORY

<i>Harutyunyan H. Zh.</i> The Jewish community of Arshakid Armenia in the last year of the reign of Arshak II (368).....	30
<i>Vartanyan E. G.</i> Bulgaria after liberation: the first steps in the formation of statehood and the role of the Russian Empire in this process (late 1876 – middle 1879).....	37
<i>Kokorina Ju. G.</i> «Love for the fatherland created our state»: I. E. Zabelin on historical knowledge (based on archival materials).....	47
<i>Alimdjanov B. A., Nurbayev Zh. E., Sultangazy G. Zh.</i> The importance of the Kazakh Steppe in the cross-border trade of the China and Russian Empire in the second half of the 19 th – early 20 th century.....	58
<i>Moyšová S.</i> Belarus in the period of the Northern War according to the travelogue of Daniel Krman.....	68
<i>Selivanov A. V.</i> Cooperation between the United Nations High Commissioner for Refugees and international and non-governmental organisations to address the issue of forced migration in Africa in the 1990s.....	76

HISTORIOGRAPHY

<i>Kaviaka I. I.</i> Re-education of Germans after World War II: issue analysis in Anglo-American historiography.....	90
---	----

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

<i>Khodzin S. M.</i> Yumasheva Yu. Yu. Source study of the information era.....	100
<i>Elizarov S. A.</i> Huzhalouski A. A. To a bright future! The Belarusian society of the «thaw» era (1953–1968)...	104

JUBILEES

Vladimir Konstantinovich Korshuk.....	107
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	110

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2025**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 3. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *М. Д. Баранова, С. Р. Пинчук, А. С. Люкевич*
Технический редактор *М. А. Панкратова*
Корректоры *М. Д. Баранова, С. Р. Пинчук,*
А. С. Люкевич, Л. А. Меркуль

Подписано в печать 31.07.2025.
Тираж 25 экз.

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *M. D. Baranova, S. R. Pinchuk, A. S. Lyukevich*
Technical editor *M. A. Pankratova*
Proofreaders *M. D. Baranova, S. R. Pinchuk,*
A. S. Lyukevich, L. A. Merkul'

Signed print 31.07.2025.
Edition 25 copies.

© BSU, 2025